

*95-летию отечественной
военной контразведки
посвящается*

Н. Н. Лузан

**ОПЕРАЦИЯ
«МИРАЖ»**

Москва
Кучково поле
2013

УДК 355.40
ББК 63.3(2)
Л82

Лузан Н. Н.
Л82   Операция «Мираж». — М.: Кучково поле,
2013. — 336 с.

ISBN 978-5-9950-0337-3

Остросюжетный политический детектив «Операция «Мираж» основан на синтезе ряда оперативных и уголовных дел, реализованных в последние годы органами ФСБ России. Книга отражает один из наиболее острых периодов в истории современной России — события, предшествовавшие так называемой пятидневной войне на Кавказе. Сюжетная линия развивается на фоне борьбы ФСБ с ЦРУ за обеспечение сохранности важнейших российских разработок в ракетно-космической области. Сотрудникам ДВКР ФСБ удастся подставить на вербовку ведущему работнику ЦРУ Перси подполковника Кочубея (псевдоним — Фантом) и завязать оперативную игру (операция «Мираж»). Тонкая дезинформация должна заставить американцев пересмотреть свои планы по развертыванию систем ПРО в Западной Европе и завести противоракетную программу в тупик. Профессионализм «Альфы», а также удача — погода, не позволившая грузинскому спецназу выйти на точку, обеспечили успех в операции по освобождению Кочубея.

Книга будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся современной политикой и проблемами этноконфликтов.

УДК 355.40
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9950-0337-3

© Лузан Н. Н., 2013
© Кучково поле, 2013

Глава 1

Американский агент Фантом — подполковник российской армии, прихватив журнал и сверток с тридцатью тысячами долларов, поднялся из-за столика и стремительным шагом направился к выходу. Перси остался в кафе и внимательно следил за тем, что происходило вокруг. Посетители оставались на своих местах, лишь на террасе благообразная бабуля что-то выговаривала непоседливому внуку, тот не хотел ее слушать и норовил забраться под стол. Перси перевел взгляд на площадку перед кафе и напрягся.

Молодая пара: крепко сбитый парень, с незапоминающимся лицом и его спутница, под легким платьем которой угадывалось хорошо тренированное тело, оставили в покое скульптурную группу — деревянных Папу Карло и Бурадино и двинулись вслед за Фантомом. На подозрительную парочку сразу же среагировали Ричардсоны — Карл и Бетти — и сели ей на хвост.

«Спокойно, Майкл! Может это не наружка, а всего лишь игра твоего воображения?» — успокаивал себя Перси. Но монотонное журчание эфира в наушнике накручивало и без того взвинченные до предела нервы. Молчали Карл с Бетти. Молчали Джон с Брауном, прикрывавшие дальние подходы к кафе. Хранил молчание и центр управления операцией.

Перси зябко повел плечами и отодвинулся от пакета, оставленного Фантомом. То были секретные разработки по новейшему ракетному комплексу «Тополь», скрывшиеся под безобидным рекламным проспектом представительства компании BMW в Москве. И окажись они в руках российской контрразведки, мгновенно стали бы убийственной уликой для обвинения Перси в шпионаже.

Пытаясь вычислить агентов наружки, он цедил взглядом беззаботно галдящую праздную публику, которая множеством ручейков растекалась по аллеям парка Центрального дома художника, ставшего огромной выставочной площадкой для скульптуры времен советского ренессанса. Других подозрительных лиц, кроме молодой парочки, увязавшейся за Фантомом, не просматривалось. Российская контрразведка, если и плела свою невидимую сеть, пока себя никак не проявила.

«Нервы совсем ни к черту! Скоро от собственной тени буду шараться. Проклятая работа! Пора уходить в отставку! Уходить?! А все сливки достанутся желоторотым юнцам Ливицки и Грей? Ну уж нет! Я начинал, я и закончу операцию!» — решил Перси и устало откинулся на спинку лавки.

В душе была абсолютная пустота — вербовка Фантома измотала его больше, чем последняя проверка на детекторе лжи. Над ним простиралось манящее своей бесконечностью бирюзовое небо, такое же, как в родном штате Айдахо. Так же, как в его загородном доме, в кронах раскидистых московских лип беззаботно щебетали птицы. Жизнерадостный лепет детворы напомнил о внуке, и взгляд Перси смягчился. Но посмотрев в сторону, он поежился.

С высоты большого постамента на него подозрительно косился идол чекистов — «железный» Феликс Дзержинский. Слева от него выдвигался на позицию диктатор Сталин. Грозь гранитным кулаком, он гигантскими шагами спешил отрезать путь отхода на набережную. Справа, в кустах сирени, затаился в засаде другой большевистский

вождь — Свердлов. Позади них, потрясая кирками и лопатами, рвалась из-за колючей проволоки железно-арматурная ватага узников ГУЛАГа. Казалось, еще мгновение — и весь этот советский каменно-металлический паноптикум оживет и набросится на зарвавшегося американского шпиона.

В наушнике Перси зашуршало и, наконец, он услышал голос руководителя операции — резидента Джека Саймона.

— Как ты, Марк? — поинтересовался он.

Его бодрый тон рассеял опасения Перси. Он с облегчением вздохнул и ответил:

— Я о'кей! Материал у меня, но...

— Что за но? — насторожился Саймон.

— Мне показалось, Фантому на хвост села молодая парочка.

— Это игра твоего воображения. Он ушел без хвоста! — поспешил развеять его опасения Саймон и поторопил: — Все, снимайся! Джон ждет на точке.

— О'кей, — оживился Перси и, схватив рекламный проспект со шпионской начинкой, резко поднялся.

На его движение никто не отреагировал, однако первый шаг дался с трудом. Сам, не раз участвовавший в операциях по захвату вражеских агентов, он хорошо знал, что могло последовать за этим: парализующий волю и тело окрик, чужие руки, мертвой хваткой вцепившиеся в плечи и тошнотворный запах асфальта, в который впечатывают носом. В России, как ни в какой другой стране, это происходило с сотрудниками посольской резидентуры с пугающим постоянством.

Нынешняя российская контрразведка, так же как и ее предшественница — советская, по-прежнему действовала жестко и решительно. То небольшое потепление, которое в последнее время наметилось в российско-американских отношениях, было не в силах растопить ледяные торосы взаимной подозрительности и недоверия, возникшие за годы холодной войны. Несмотря на то, что президенты США и

России на встречах обменивались протокольными улыбка-ми, это мало сказалось на тайной борьбе двух спецслужб. Охота за секретами продолжалась и подтверждала старую, как мир, истину: тот, кто владеет новейшими технологиями, тот владеет миром. Сегодня в руках Перси оказалось то, над чем не одно десятилетие бились лучшие умы российской оборонки! Это был по-настоящему крупный успех! Полгода каторжной работы не пропали даром. Скользящий Фантом не только выдал важные секреты ракетно-ядерного «Тополя», но и согласился на сотрудничество.

Окрыленный удачей, Перси не шел, а будто летел на крыльях. На одном дыхании промчался мимо железно-арматурной ватаги узников ГУЛАГа, ускользнул от бронзового кузнеца, размахивавшего над головой пудовым молотом, и наткнулся на разбитную колхозницу. В ее руке блеснул остро заточенный серп. Перси шарахнулся в сторону и выскочил на автостоянке у Центрального дома художника. Там, на условном месте должна была находиться посольская машина с сотрудниками резидентуры ЦРУ.

Рабочий день подошел к концу, но стоянка забита ино-марками. Жалкими дворняжками среди этой породистой автомобильной стаи выглядели редкие российские авто. Лавируя среди машин, Перси пробрался к дальнему краю стоянки и там обнаружил посольский Ford. В салоне находилось двое. Один из них — Джон Грант — был ему знаком. Их разделяло всего несколько метров и секунд. Метров и секунд, которые могли стать последними, как в операции, так и в карьере разведчика Марка Перси. Наступил решающий ее этап — сброс материала.

Перси пробежался взглядом по соседним машинам, ничего подозрительного не заметил, шагнул к автомобилю, протянул в открытое окно проспект с секретными материала-ми и быстрым шагом направился к набережной Москвы. Операция, на которую было потрачено столько сил и нервов, успешно завершилась. Нарботки по ракетно-ядерному

«Тополою» стали недостижимы для русской контрразведки. Дипломатическая машина посольства США в России была надежнее любого банковского сейфа.

Подставив разгоряченное лицо ветру, Перси шел по мосту, а с его губ срывалось: «Ты крутой, Марк! Ты их сделал! Миссия выполнена!»

Ноги сами вывели к станции метро «Парк культуры». Толпа пассажиров пронесла его по вестибюлю, скатила по эскалатору, и внесла в вагон. На станции «Охотный Ряд» ему пришлось сделать пересадку, «Маяковская» стала последней точкой маршрута, от нее было рукой подать до гостиницы «Пекин». В ней он поселился три дня назад по паспорту гражданина Германии Карла Редера. Тот, кто бронировал номер, обладал изрядной долей черного юмора. В конце шестидесятых, когда русские насмерть разругались с китайцами, гостиница опустела, и ее малое крыло прибрал себе всемогущий КГБ. После августа 91-го, несмотря на жестокие реформы, сотрясавшие русскую контрразведку, эта часть гостиницы осталась за ней.

«Да, Марк, мог ли ты представить, что будешь жить под крылышком ФСБ?!» — хмыкнул Перси и, отдавая должное богатой фантазии Саймона, так как без него подобное решение никто бы не принял, в душе признал: здесь имелся свой резон. Вряд ли на Лубянке ждали такого нахальства от кадрового разведчика ЦРУ. Опасное соседство щекотало нервы, добавляло адреналина в кровь. Бросив победный взгляд в сторону «подъезда ФСБ», Перси решительно шагнул к центральному входу и взялся за массивную ручку. Его опередил швейцар — распахнул дверь и, кланяясь, словно китайский болванчик, сопроводил к лифту.

— Я сам! — бросил Перси, вошел в кабину и нажал на кнопку.

Дверцы бесшумно закрылись, и лифт поднял его на седьмой этаж. Ковровая дорожка времен эпохальных партийных съездов, на которых советские и китайские вожди клялись

друг другу в нерушимой дружбе, скрадывала шаги. Не чувствуя ног от усталости, Перси доплелся до номера, на ходу стащил рубашку, брюки швырнул в кресло и встал под душ. Упругие струи воды хлестали по жилистому телу, возвращая бодрость и избавляя от липкого страха, все еще жившего в каждой клеточке. Выбравшись из ванны, он босиком прошлепал в гостиную, взглядом пробежался по креслам, столу и остановился на бутылке виски. Рука потянулась к ней и свинтила пробку. Приложившись к горлышку, Перси пил до тех пор, пока перед глазами не поплыли стены. Он уже плохо помнил, как дотащился до кровати и, рухнув в постель, мгновенно уснул.

Из сна его вырвал требовательный звонок сотового. Это был Саймон. В голосе резидента звучала тревога:

— Марк? Марк, что с тобой?

Перси тряхнул головой и, с трудом ворочая языком, ответил:

— Э-э, слушаю тебя, Джек.

— Да что с тобой, Марк? — не мог понять тот.

— Все в порядке.

— Точно? Ты где?

— В номере!

— А-а, расслабился, — догадался Саймон.

— Слегка.

— Слегка?!

— А что, разве не заслужил?

— Заслужил! Наши яйцеголовые кое-что разобрали. Ты супер, Марк! Немедленно приезжай! Мы ждем! — радостные эмоции захлестывали Саймона.

— Уже лечу! Только в порядок себя приведу, — встретился Перси.

— Не слишком старайся. Мы примем тебя в любом виде.

— Смотрите, как бы потом не пожалели.

— Короче говоря, Марк, через час Бетти будет на точке.

Координаты и номер смотри на сотовом.

- Бетти? А Карл не приревнует?
— Сегодня тебе можно все.
— Джек, ловлю на слове!
— Хорошо. Мы ждем, — согласился тот и отключился.

Перси вскочил с кровати и едва не упал на пол. Изрядная доза виски дала о себе знать. Ноги плохо слушались, голова шла кругом. Придерживаясь за стены, он доплелся до душа. Вода отрезвила, о недавнем загуле напоминала лишь сухость во рту. Сменив пропахшую потом рубашку и мятые брюки на вечерний костюм, он спустился в холл гостиницы.

Величавый швейцар, склонил голову в низком поклоне, предупредительно распахнул дверь и пожелал:

— Отличной прогулки, сэр!

«Мерзавец, не хуже контрразведки работает! У меня, что «сэр» на физиономии написано?» — удивился Перси, смерил его презрительным взглядом и вышел на улицу.

Долгожданная вечерняя прохлада опустилась на изнывавшую от зноя Москву. Он глубоко дышал бодрящим воздухом, в котором ощущалось дыхание близкой осени. Слабый ветерок, потягивающий со стороны сквера у театра Сатиры, доносил сладковатый дымок догоравшей листвы, и едва уловимый аромат поздних цветов.

— Сэр желает вызвать машину? — снова напомнил о себе швейцар.

«Проклятый агент! Прилип как банный лист!» — чертыхнулся в душе Перси и, бросив короткое «Нет!», отошел в сторону, чтобы проверить сообщение на сотовом.

Саймон не стал утруждать его беготней по подворотням и назначил встречу с Бетти рядом с гостиницей, на стоянке перед концертным залом Чайковского. Привычно бросив взгляд по сторонам, и не отметив слежки, Перси направился в центр площади к памятнику Маяковскому. С высоты гранитного постамента тот напрасно взывал к праздно публике: «Мне наплевать на бронзы многопудье, мне наплевать мраморную слизь...». Публика же предпочла

сияющим вершинам социализма, который так пламенно воспевал поэт, завораживающую золотым тельцом бездну капитализма, и взяла его в кольцо из роскошных авто...

Описав пару кругов, Перси высмотрел машину Бетти. Она находилась в крайнем ряду перед выездом на Тверскую. До времени встречи, установленного Саймоном, оставалось несколько минут, и тут двери концертного зала распахнулись и выпустили оживленную толпу.

«Ай да, Джек! Профи даже в мелочах! Лучшего места, чтобы оторваться от наружки не придумаешь!» — одобрил его выбор Перси и, пробившись сквозь встречный поток зрителей к машине Бетти, рывком открыв дверцу, сел на заднее сиденье.

— Привет, Марк! Как ты? — поздоровалась она.

— О'кей. Только в голове — каша, — просипел он и болезненно поморщился.

В висках снова забарабанили тысячи невидимых молекул, а горло перехватили сухие спазмы. Бетти оглянулась, видимо, на его лице все было написано, и посочувствовала:

— Да, неважнецкий у тебя вид.

— Еще бы, после бутылки виски, я бы посмотрел на тебя.

— Бутылки?... Виски? А я думала... — расхохотавшись, Бетти подмигнула и предупредила: — Тогда держись! По-едем с ветерком!

Резво взяв с места, она на мгновение приостановилась на повороте на Тверскую. По ней, визжа тормозами и взрываясь надрывным воем сирен, неслась автомобильная армада. Не растерявшись, Бетти решительно вклинилась в этот устрашающий своим могучим движением поток и, промчавшись до Манежной площади, совершила очередной маневр. Превосходно зная центр города, она чувствовала себя уверенно. Через двадцать минут свернула к посольству.

Вскоре из полумрака проступила его ядовито-желтая громада. Ощетинившись штырями антенн, здание злоеще помигивало багрово-красными зрачками видеокамер.

В столь поздний час тишину здесь тревожило лишь эхо шагов постовых милиционеров у главного входа.

Бетти остановилась перед наглухо закрытыми металлическими воротами и нажала на панели кнопку кодоблокировки. Створки бесшумно раздвинулись. Она въехала во двор, миновала стоянку и остановилась у крайнего подъезда. На входе дорогу им преградил морской пехотинец ростом под шесть футов и с внушительными бицепсами. Перси полез в карман за документами, Бетти решительно шагнула вперед и распорядилась:

— Сэр, он со мной!

ЦРУ есть ЦРУ, морпех подчинился и освободил проход. Перси вслед за Бетти поднялся в крыло, которое занимала резидентура. Об особой ее миссии на входе напоминала панель специальной системы радиоманитного контроля. Она служила своеобразным фильтром для «жучков», которые российская контрразведка ухитрялась прятать в запонки, заколки для галстука и другие предметы одежды сотрудников резидентуры. Еще более мощная система защиты действовала внутри помещений. Здесь сами стены, потолки и полы являлись мощными экранами, ограждавшими разведчиков от электронных «ушей» русских.

Перси едва успевал за Бетти и с любопытством поглядывал по сторонам. Минуло двадцать лет с того дня, когда он — «желторотый» разведчик — переступил порог этой, самой большой и важной резидентуры ЦРУ. За прошедшие годы в режиме ее работы мало что изменилось. Несмотря на поздний час, в коридоре и кабинетах царило радостное оживление. Причина ему была ясна. Операция по вербовке такого важного агента, как Фантом, потребовала участия нескольких десятков сотрудников. У каждого была своя, пусть маленькая, но ответственная роль. И не важно, что большинство не знало конечной цели, это нисколько не умаляло ее значения. Малейший сбой в каком-либо звене мог привести не только к срыву операции, но и к серьезным

политическим осложнениям в непростых американо-российских отношениях. Сегодня этого не произошло. Более того, результат превзошел все ожидания. Несмотря на то, что Саймон хранил гробовое молчание, подчиненные по его виду догадывались — их труд не пропал даром. Разбившись на группы, они отмечали общий успех.

Появление Бетти с Перси не осталось незамеченным. Он шел и ловил на себе любопытные взгляды. Опытные сотрудники догадывались: этот высокий, с волевым подбородком и твердым взглядом голубых глаз блондин являлся тем самым центром, вокруг которого последние часы крутилась резидентура. В душе Перси нарастало чувство гордости за себя, и одновременно он проникался все большим уважением к тому, кто в течение всего этого времени держал нити операции в своих руках и мастерски дирижировал в опаснейшей игре с русской контрразведкой. Он с нетерпением ждал встречи с Саймоном.

Тот возник на пороге кабинета, как только они с Бетти вошли в приемную. Руководитель резидентуры ЦРУ в Москве на первый взгляд не производил впечатления. Среднего роста, с невыразительным лицом, он скорее смахивал на банковского клерка, чем на матерого разведчика. Пожалуй, только цепкий, холодный взгляд серых глаз выдавал его профессию.

Встретив Перси широкой улыбкой, Саймон прочувственно произнес:

— Поздравляю, Марк! Virtuозная работа! Фантом был крепким орешком, но тебе он оказался по зубам.

— Марк, у меня нет слов! Ты супер, Марк! — вторили из-за спины резидента Джоан Грей и Роберт Ливицки.

В их глазах Перси читал восхищение, уважение и был тронут искренним признанием своего успеха. Это было приятно вдвойне, так как звучало не из уст чиновников от разведки, а от тех, кто работал в пасти у самого «дьявола» — русской контрразведки. Только за последние годы в

ее лапы угодили несколько агентов. И каких! Полковники ГРУ Сыпачев и Скрипаль, а шестеро сотрудников резидентуры после оглушительных провалов едва унести ноги из России.

Не склонный к сентиментальности, Перси на этот раз расчувствовался и смущенно повторял:

— Право, это не только моя заслуга. Это мы сделали вместе. Это мы...

— Перестань скромничать, Марк! Ты был мотором операции. Я знаю, чего тебе стоило убедить Саливана продолжить работу по Фантому, — искренне говорил Саймон и дружески похлопывал его по плечу.

И когда радостно-волнительная волна спала, резидент пригласил всех к себе. Пройдя через широкий тамбур, Перси оказался в просторном кабинете и с любопытством огляделся. Хозяин кабинета предпочитал строгий, даже аскетичный стиль. Внимание Перси привлекла синяя папка. В ней, как он предполагал, могли находиться результаты обработки материалов, представленных Фантомом, и не ошибся.

Саймон передал папку Перси и пояснил:

— Марк, здесь предварительная расшифровка сообщения Фантома. В ней масса расчетов, поэтому спецы из научно-технического сектора пока не готовы дать окончательное заключение. Тем не менее, уже сегодня можно смело сказать: мы заплатили Фантому жалкие гроши!

— Выходит, он не набивал себе цену? — заключил Перси, и на его лице появилась горделивая улыбка.

— Нисколько! — подтвердил Саймон и пояснил: — На этих материалах наши яйцеголовые сэкономят не один год при разработке систем ПРО. Я уверен: эта операция войдет в историю нашей разведки!

— И не уступит той, которую русские провели в сороковых, когда стащили секреты «атомного проекта»! — блеснула эрудицией Грей.

— Я лишь делал свою работу, — скромничал Перси.

— Не прибедайся, Марк! Материалы по испытаниям системы наведения боеголовки на цель стоят миллиарды! — сказал Ливицки.

— Такие технологии бесценны! — подхватила Грей.

— Это квинтэссенция новейших научных достижений. На их базе будет... — пустился в рассуждения Саймон.

Перси слушал его вполуха, а сам внимательно вчитывался в каждую строчку. Они пестрели специальными терминами и математическими выкладками, понятными только ученым и инженерам, поэтому он сосредоточился на конечных выводах.

Краткие, но емкие по содержанию оценки специалистов были для Перси поэмой: «...предложенная схема решения проблемы значительно улучшает качественные характеристики»; «...заложенные в модель параметры позволяют на этом этапе создать эффективную систему противодействия, со значительно меньшими затратами»; «...принципиально новый подход к решению задач открывает широкие перспективы для внедрения новейших технологий...».

— Марк, пожалуйста, прервись. У тебя будет время ознакомиться с полной расшифровкой. Меня интересует психологический аспект вербовки Фантома, — снова обратился к нему Саймон.

Перси встрепенулся и, не вдаваясь в подробности, коротко ответил:

— Если одним словом, то ничего особенного.

— Одного слова будет маловато, желательнее в деталях.

На чем ты его сломал? — допытывался Саймон.

— Все оказалось до банальности просто.

— Деньги?

— Да! Когда я назвал сумму, с него слетел весь апломб.

— Деньги — серьезный аргумент, но не самый надежный. На предыдущей встрече вопрос стоял так: вы мне деньги, я вам секреты и на том расходимся.

— То было вчера. А сегодня, я только заикнулся, что мы гарантируем ему выезд в любую страну и обеспеченную жизнь, так он сразу забыл про все свои условия.

— О, это уже долгоиграющий мотив! И все-таки, Марк, для любого агента, будь то законченный мерзавец или рафинированный интеллектuala, сотрудничество со спецслужбой всегда было и будет непростым психологическим испытанием.

— Согласен. Но с Фантомом я, по крайней мере, не вижу больших проблем, — и, бросив взгляд на Грей, Перси закончил свою мысль:

— Ситуация с ним напоминает мне положение капризной невесты перед первой брачной ночью, когда она силится изобразить, что для нее это в первый раз, а дальше все идет как по маслу.

— Хм. Тебе виднее, Марк, — хмыкнул Саймон, и на его лице появилась загадочная улыбка.

Выражение лица шефа, а больше тон, с каким это было сказано, насторожили Перси

«На что ты намекаешь? На что? На наши отношения с Джоан? Неужели та наша бурно проведенная ночь на конспиративной квартире в Берлине попала под объективы скрытых камер? — от этой мысли Перси стало нехорошо.

Его болезненная реакция не укрылось от внимания Саймона. Он понял, что совершил промашку и поспешил все свести к шутке:

— Марк, я и не предполагал, что ты такой разносторонний специалист. «Плейбой» тебя с руками и ногами оторвет.

— Я не против, но, сам знаешь, жена, дети, внук, — с натянутой улыбкой произнес Перси.

— О, это, конечно, святое! — согласился Саймон и перевел разговор в деловое русло:

— Итак, господа, нам необходимо определиться в дальнейшей работе с Фантомом. Хотел бы обратить внимание на одно важное обстоятельство: исключительная информированность нашего агента. Секреты, к которым он имеет доступ, защищены строгой системой безопасности.

— Можно не сомневаться, контрразведка сплела вокруг них густую сеть, и любое его неосторожное действие даст засветку, — согласился Перси.

— Выход один: натаскать его как можно быстрее! — заключил Ливицки.

— Легко сказать! Сыпачев — полковник ГРУ — профи в разведке, но и тот засыпался на втором месяце! Другие продержались не больше двух-трех лет, — напомнила Грей о печальной статистике провалов ЦРУ в России.

— К сожалению, такова суровая действительность. Исходя из этого, мы должны в короткий срок выжать из Фантома максимум секретов! — констатировал Саймон.

— В таком случае, наши дальнейшие контакты с ним придется свести к минимуму, — заметила Грей.

— Или вовсе — перейти на безличку, — предложил Ливицки.

— В будущем так и поступим, а пока, — бросив взгляд на часы, стрелки показывали начало двенадцатого, Саймон объявил:

— Сделаем перерыв, а завтра со свежими идеями приступим к делу. Благодарю за участие в работе!

Саймон, проводил Перси и уже в дверях приемной шуточно спросил:

— Марк, как тебе под крылышком ФСБ?

— Лучше, чем под объективами наших камер в Берлине, — не удержался от язвительного выпада Перси.

Саймон наиграно хохотнул и, похлопав по плечу, заверил:

— На этот раз все чисто. Мы проверяли номер.

— А ванну?

— Ванну?! А что там?

— Дракон на потолке.

— Дракон?!... Какой дракон?

— Китайский, — с невозмутимым видом продолжил пикировку Перси.

— Да что ты говоришь? И что он к тебе в ванну спрыгнул? — лицо Саймона приняло озабоченное выражение.

— Хуже. Правым глазом подмигивал, — не остался в долгу Перси.

— Э-э, наверно, объективы меняли, — нашелся Саймон.

— Какие: наши или ФСБ?

— Марк, пускай это тебя не волнует. Отдыхай.

— Кто меня отвезет?

— Бетти в твоём распоряжении.

— Джек, второй раз ловлю тебя на слове: сегодня мне можно все, — напомнил Перси и похлопал его по плечу.

— Я не отказываюсь, но уже завтра за Карла не ручаюсь, — рассмеялся Саймон и на прощание крепко пожал руку.

Перси вышел из приемной. Ливицки, Грей и Бетти ждали его на лестничной площадке. Роберт о чем-то оживленно разговаривал с Бетти, а Джоан деликатно держалась в стороне. Перси бросил на нее взгляд. Рыжая копна волос, брючный костюм облегает точеную фигуру. Возникшее желание заставило его забыть о Фантоме, Саймоне и операции. Он смотрел на нее, не отрываясь. Джоан это почувствовала, обернулась и, смутившись его откровенного взгляда, прошептала:

— Марк, так же нельзя. Саймон, кажется, знает.

— Плевать! Едем ко мне! — предложил Перси.

— Я не могу.

— Почему? Это было так прекрасно. Едем!

— Нет! Я... — мялась Джоан.

Перси не сдавался, но тут вмешалась Бетти и поторопила:

— Едем! Скоро метро закроют!

— Да-да! — живо откликнулась Джоан и поспешила к выходу.

Перси ничего другого не оставалось, как присоединиться к ним. Отказ Джоан испортил настроение. За всю дорогу

до гостиницы он не проронил ни слова. Поднявшись к себе в номер, допил остатки виски и завалился в постель. На следующий день ему вместе с Ливицки и Грей пришлось долго шлифовать задание для Фантома. Поздним вечером Саймон утвердил окончательный вариант. В Лэнгли согласились, и спустя несколько часов в Интернете, на сайте «Ракетная техника. Новинки, изобретения, предложения», появился внешне безобидный материал. В нем в зашифрованном виде резидентура ЦРУ в Москве информировала агента Фантома о результатах его работы и ставила перед ним новое задание:

Майкл для Фантома.

Переданные Вами материалы представляют исключительный интерес. О них и Вашей эффективной работе информирован Директор. Он принял решение в полтора раза увеличить сумму Вашего вознаграждения. У нашего дальнейшего сотрудничества есть огромный потенциал.

В развитие представленных Вами материалов постарайтесь получить данные, относящиеся к последним испытаниям системы ПРО. Были бы Вам признательны, если бы удалось получить не только выводную информацию, но и рабочие материалы по данной теме.

Кроме того, нас интересует информация по ведущим разработчикам систем преодоления ПРО и навигации: фамилия, имя, отчество, место жительства и проведения отпуска, номер телефона и машины, привычки, увлечения, слабости.

Глава 2

После явки с Перси старшему оперуполномоченному по особо важным делам Департамента военной контрразведки ФСБ России подполковнику Николаю Кочубею пришлось изрядно попотеть, чтобы снять возможные подозрения у резидентуры ЦРУ. Ее «хвост» он заметил на выходе из парка Центрального Дома художника. Моложавая парочка следовала за ним до станции метро «Парк культуры», а там затерялась в толпе пассажиров. Николай не подал виду, что заметил ее и продолжал играть роль начинающего шпиона. Следуя советам Перси, он около часа катался в метро и только потом направился к КПП академии Петра Великого. Этот последний пункт маршрута должен был окончательно убедить американскую разведку в том, что Фантом не ловкий аферист, сумевший выманить у нее денежный куш, а офицер-ракетчик.

За спиной громыхнула вертушка проходной, и Николай с облегчением вздохнул. Наконец-то он мог сбросить ненавистную личину предателя — подполковника Ореста Литвина, инициативно пытавшегося установить контакт с американской разведкой, чтобы продать ей секретные сведения по ракетному комплексу «Тополь». Сегодняшняя явка с сотрудником резидентуры ЦРУ Перси стала первым

шагом российских контрразведчиков в операции «Мираж». Ей предшествовала напряженная работа оперативной группы генерала Анатолия Сердюка.

Несколько месяцев ее участники проверяли сотни офицеров Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения, НИИ-4 и Академию Петра Великого, которые могли иметь отношение к неуловимому «инициативнику». Время шло, а вместе с ним угасала надежда на то, что предатель будет найден. И вот, наконец, удача: в тайнике гаража Литвина они обнаружили секретные материалы по «Тополю». И тогда у Сердюка и Градова, руководителя военной контрразведки, родился дерзкий план. Близкое сходство Кочубей с Литвином натолкнуло их на мысль использовать это обстоятельство и завязать с ЦРУ оперативную игру.

План нашел поддержку у Директора ФСБ, и Кочубею неделю пришлось вживаться в роль Литвина. Придирчивые экзаменаторы — Сердюк и Градов результат одобрили. Последнее слово оставалось за ЦРУ, но и оно сказалось в пользу российских контрразведчиков. Перси, похоже, не заподозрил подмены и заглотив наживку — тонкую дезу. Следующий ход в операции был за американской разведкой.

Николай старался об этом не думать и хотел только одного — забыться на время, но не удалось. В кабинете его ждал майор Остащенко — верный друг, с которым он познакомился в Новосибирске во время учебы на Высших курсах военной контрразведки. Юрий встретил его с довольной улыбкой:

— Коля, ты молодец!

— Не кажи гоп. Посмотрим, что скажет Сердюк, — устало произнес Кочубей.

— Скажет! Давай к нему, он ждет, — поторопил Остащенко.

— погоди, — Кочубей направился к крану, смыл с лица грим, сменил рубашку, и только потом они направились на доклад к Сердюку.

В кабинете начальника ведущего отдела Департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-майора Анатолия Сердюка собрались основные участники операции. Обычно сдержанный, он на этот раз не стеснялся своих чувств. Его взгляд говорил Кочубею красноречивее всяких слов. В нем смешались радость и гордость за подчиненного, сумевшего сделать, казалось бы, невозможное. Опытный разведчик Перси не раскусил подмены и принял все за чистую монету.

Сердюк порывисто обнял Кочубея и сказал:

— Коля, слов нет высший класс!

— Старался, Анатолий Алексеевич, а как оно получилось, вам виднее, — ответил Кочубей.

— Еще как получилось! Это же надо, такого волчару, как Перси, обдурил! — воскликнул руководитель бригады оперативно-технического обеспечения операции полковник Вадим Зоркий. Уж он-то, «прокрутивший» через свои скрытые микрофоны и объективы десятки шпионов, хорошо знал, чего это стоило Николаю. Дружески похлопывая его по плечу, он шутливо заметил:

— Если бы не знал, кто морочил Перси голову, то своими бы руками задушил мерзавца!

Сердюк не поддержал шутки. От него не укрылась легкая тень, промелькнувшая на лице Кочубея.

— Коля, что-то не так? — насторожился он.

— Был один скользкий момент.

— Когда Перси насторожил твой голос?

— Да.

— Мы тоже понервничали, острый был момент, но ты не поскользнулся и классно отыграл! С ангиной вовремя ввернул.

— Что говорить, вылитый Литвин! — рассеял последние сомнения Зоркий.

— Надеюсь, — повеселел Николай и выложил на стол сверток.

- Это еще что? — поинтересовался Сердюк.
- Цэрэушный аванс.
- Аванс?! — переспросил Зоркий и, хохотнув, полюбпытствовал: Сколько?
- Тридцать.
- Не густо.
- Еще сто Перси положил на банковский счет в Австрии.
- О! Другое дело! Можно шикарно гульнуть.
- Сергеич, ты чужие деньги не считай! — с улыбкой заметил Сердюк и распорядился:
- Юра, эти сдай в финслужбу, а там решат: в детдом или в Динамо.
- И вот так всегда. Как подслушать, как подсмотреть, так Вадим Сергеевич, а как шпионскую получку обмыть, так извиняйте, мы сами с усами.
- Обмоем, обмоем... Ты первый, Сергеич, — заверил его Сердюк и, подталкивая Кочубея с Остащенко к выходу, распорядился:
- Отдохнуть, ребята, а завтра, в девять, как штык, — на службе! Моя машина в вашем распоряжении.
- Есть, товарищ генерал! — бодро ответил Остащенко и спросил:
- А если как огурчик?
- Сердюк смерил его ироничным взглядом и, хмыкнув, заметил:
- Не советую. В последнее время ты, Юра, что-то в сортах стал путаться. В службе собственной безопасности заинтересовались, на каких таких грядах ты их собираешь.
- Знаю я тех агрономов, — отмахнулся Юрий.
- Не зарывайся, Цицерон, а то договоришься, — предостерег Сердюк.
- Юрий прикусил язык, но все ж последнее слово оставил за собой:

— Товарищ генерал, ваш приказ выполним — раскрутимся на полную катушку, но военной контрразведки не опозорим.

— Когда станешь раскручиваться, не забудь про тормоза, а то, когда я надавлю, радости мало будет! — повысил голос Сердюк.

Дважды ему повторять не пришлось. Юрий с Николаем спустились к машине. Водитель — младший сержант занимался любимым делом срочника. Подсунув под голову резиновую подушку, он, свернувшись калачиком на заднем сидении, сладко посапывал, но на стук дверцы встрепенулся и осоловелыми глазами уставился на Остащенко.

— Солдат спит — служба идет. Вставай, Сашок! — добродушно пробасил тот.

— Товарищ майор, я не спал! Я только глаза закрыл, — оправдывался он.

— Не суетись, я не старшина! Протирай глаза и вперед! Нас ждут великие дела.

— Я сейчас, товарищ майор! — засуетился Сашок, выскочил из машины, на ходу заправил куртку, зачем-то протер лобовое стекло и затем спросил:

— А куда ехать-то?

— И правда, Коль, куда? — задался вопросом Юрий.

Кочубей пожал плечами. Чудовищное напряжение, наконец, спало, в душе образовалась абсолютная пустота. Юрий с сочувствием посмотрел на друга и бросил водителю:

— Домой!

— Домой? Эх, сейчас бы в Новороссийск и в море, — с грустью произнес Николай!

— О, Коля, я знаю, куда! — встрепенулся Юрий и распорядился:

— Сашок, гони на «Водный стадион».

— «Водный»? Зачем? К чему? — вяло возражал Николай.

— Зарядим волейбольчик, и все забудешь! Согласен?

— Даже не знаю.

— Нам приказано гулять на полную катушку, вот и гульнем! Приказы не обсуждаются, а выполняются!

— А-а, снова тащиться в академию.

— Не вижу проблемы! — отмахнулся Юрий и решительно приказал:

— Сашок, в академию Петра Дзержинского!

Тот шустренько развернул машину и, выехав со двора, нахально втиснулся в ревуший поток машин. Рабочий день подходил к концу, и деловая Москва устремила за город. Они удачно избежали пробок и через пятнадцать минут были на месте. В кабинете Николай не задержался, быстро собрал спортивную сумку и вернулся к машине. Пока им повезло — центр и «Ленинградка» не стояли в заторах. Сашок быстро домчался до спортивного городка у «Водного стадиона».

Услышав звонкие удары по мячу, азартные выкрики, Николай оживился, и в его глазах появился азартный огонек. Юрий быстрым взглядом пробежался по «мастерской» площадке — там собрались все «свои» — и радостно воскликнул:

— Не прогадали! Класная выйдет заруба! Фома с Максом здесь!

— За прошлую игру отыграемся! — загорелся Кочубей и распорядился:

— Сашок, все, спасибо, возвращайся в отдел. Мы доберемся сами.

— Коля, какой отдел? Ты, что про приказ шефа забыл: гулять на полную катушку?

— А Сашок тут причем? Пусть едет! Обойдемся без машины. Ни к чему барствовать.

— Барствовать?! Ну ты даешь, Коля? От жизни совсем отстал. Скромность сейчас не в моде.

— Слушай, Юра, может, хватит мне на мозги капать! Пошли разминаться! — начал терять терпение Кочубей.

Осташенко не унимался и продолжал незлобно подтрунивать:

— Коля, прошу тебя как друга, хоть один денек поживи как олигарх. Тебе ничего не стоит, а мне приятно.

— Тоже мне, нашел олигарха!

— Ладно приbedняться! Не думал, что ты такой жмот!

— Что-о?! Что ты сказал? — вспыхнул Николай.

— А то. Тридцать тысяч баксов зажал? Зажал? Я тебе друг или кто?

Кочубей хмыкнул и с иронией заметил:

— До сегодняшнего дня я и не подозревал, что их у меня так много.

— А ты как хотел? У нас любят красивых и богатых.

— Ладно, «друг олигархов», пошли играть, а то задвинут на площадку для «чайников», — положил конец пикировке Кочубей и поторопил Сашка.

— Что стоишь? Давай-давай, двигай в отдел!

— Но находишься на связи, вдруг у нашего «олигарха» случится бзик, — крикнул Сашку вдогонку Юрий и, перебросив сумку через плечо, присоединился к Николаю.

Они спустились к раздевалке. Там уже гомонила компания друзей-волейболистов. Появление Юрия и Николая они приветствовали дружными возгласами:

— Ба! Какие люди!

— И вовремя!

— Сегодня двадцатое — у них получка!

— Отлично! Будет кому накрыть поляну!

— Ша, ребята! Они накроют — завтра придется играть на Кольме! — предостерег друзей Николай Дубровин — журналист, который своим язвительным пером разрабатывал шпионскую тему в газете «БизнесЪ».

— Легко, господа волейболисты и примкнувшие к ним «желтые» журналисты! — заявил Юрий и, махнув рукой, милостиво заметил:

— Сегодня я добрый и все прощаю, а вот насчет Коли не ручаюсь. Он недавно в таком зверинце побывал, что порвет вас, как тузик грелку.

— Все, молчу! — поднял руки Дубровин и призвал остальных:

— Ребята, не будем дразнить зверя. Предлагаю скинуть-ся по «стольнику» и начать разминку.

Его дружно поддержали и достали кошельки. Николай с Юрием внесли «взнос» в общий «котел» — сыпанули мелочь в консервную банку, стали в пару с «Фомой» и «Максом» и начали легкую перепасовку. С каждым ударом и прыжком Николай ощущал, как к нему возвращалась утраченная бодрость: ноги привычно пружинили от земли, а рука все точнее ложилась на мяч.

Первую партию начали ни шатко, ни валко. Простенькие подачи чередовались с ударами накатом, но когда счет перевалил за семнадцать, игра пошла всерьез. Никто не хотел уступать, и концовка партии прошла в упорной борьбе. Не жалея локтей и колен, Николай «рыбкой» нырял за «мертвыми» мячами. Юрий тоже испытал кураж, а когда выходил к сетке, двойной блок не спасал соперников от его пушечных ударов.

К середине второй партии команды зарубились по-настоящему. Болельщики тоже завелись и подбадривали игроков выкриками. «Старики» — «Фома» и «Макс», в свое время игравшие во втором составе ЦСКА, показали всем, кто тут настоящие мастера и блестяще вытащили концовку. В третьей и четвертой партиях команды обменялись победами, а пятая напоминала качели. Попеременно — то одни, то другие — выходили вперед. Все решили два коварных удара «Макса» по блоку. Но Кочубей не расстроился проигрышу — игра доставила удовольствие. Приняв душ, друзья-соперники всей компанией двинули в давно уже облюбованный бар с многообещающим названием: «Зайди и оттянись».

Для «оттяжки» там имелся весьма незатейливое меню. Сдвинув столики, они заняли дальний угол. «Фома», не дожидаясь команды, разлил водку по рюмкам. С общего согласия роль тамады взял на себя Дубровин и предложил тост: «За крылатый мяч, который нас объединил!» Его охотно поддержали, а потом у «Макса» появилась гитара, и компания дружно затянула любимую песню:

Команда молодости нашей!
Команда, без которой мне не жить...

Николай подпевал «Максу» и, да! он был счастлив! Он напрочь забыл о Перси и предателе Литвине. Юра, «Фома», «Макс», колючка Николаша Дубровин, объединенные бескорыстным духом волейбольного братства, стали для него настоящей отдушиной. Рядом с ними, в любимой игре он на время забывал о проблемах, а из сердца уходила горечь неудач.

Песня следовала за песней, и вскоре в баре звучали только их голоса. За соседними столиками притихли. Человеческое тепло и то чистое, ничем не замутненное чувство товарищества, которое исходило от этих крепких, жизнерадостных парней, невольно передалось окружающим, даже в глазах вышибалы затеплился огонек. Под дружные аплодисменты друзья-волейболисты покинули бар.

У Николая слегка кружилась голова и не столько от спиртного, сколько от опьяняющего чувства свободы. Личина предателя Литвина, которую ему пришлось носить последнее время, затрещала по всем швам и разлетелась в клочья. Он снова стал самим собой и снова был среди своих. На станции метро «Водный стадион» пути друзей разошлись. Николай, доехав до «Театральной», перешел на «Охотный Ряд» и покатил до конечной. Мерное покачивание вагона быстро убаюкало.

Из дремы Кочубея вырвала грубо вцепившаяся в плечо рука. Он открыл глаза, взглядом скользнул по брюкам

мышинного цвета и остановился на злой физиономии милиционера-сержанта. Тот, поигрывая дубинкой, словно приценивался к нему. Внешность кавказца: тонкий с горбинкой нос, жгуче-черные глаза, темные, слегка вьющиеся волосы и запах пива, казалось, не оставляли Николаю шансов уйти от милицейского наката.

— Ну что, джигит, сам пойдешь или домкратом поднять? — процедил сержант, а заплясавшая в его руках дубинка недвусмысленно говорила, что последует дальше.

С Николая слетели остатки дремы, и в груди поднялась мутная волна гнева.

— А ты что, эвакуатор? — с вызовом ответил он.

— Чего?!

— Плохо слышишь? Повторяю еще раз: ты — эвакуатор?

— Ах ты, чурка! Ну я тя ща построгаю! — взорвался сержант и взмахнул дубинкой.

Николай не дал ей опуститься, перехватил руку и, прижав милиционера к стенке, с презрением бросил:

— Дровосек хренов, читать умеешь?

Сержант опешил.

— Я тебя по-русски спрашиваю, читать умеешь? — добивал его Кочубей.

— Ну-у, — промычал милиционер, и в его злых, медвежьих глазах промелькнула тень тревоги.

Не столько внушительный вид Кочубея, сколько уверенный тон подсказывали ему: вместо «навара» он нарвался на серьезный облом. Николай, продолжая гвоздить его презрительным взглядом, достал из кармана «красную корочку» с золотым теснением: ФСБ, и сунул под нос. Физиономия сержанта пошла бурыми пятнами, а глаза воровато забегали.

— Предупреждать надо! — выдавил он.

— А ты не хами! — отрезал Николай и, подхватив сумку, направился к выходу.

В нем все кипело от негодования, и только вечерняя прохлада остудила гнев. На остановке было пустынно. Кочубей

не стал ждать маршрутки и через лесопарк направился к видневшимся за ним высоткам. В одной из них, он жил в квартире своей двоюродной тетушки. Время было позднее, и Николай, чтобы не поднимать шума, тихо открыл дверь и проскользнул в коридор.

В квартире не спали, из кухни доносились громкие голоса. Муж тетки — Павел Иванович был не в духе. В банке, где он работал в службе безопасности, ожидалось очередное сокращение, и ему в свои пятьдесят два года рассчитывать на то, что очередная управленческая метла минует его, не приходилось. Для молодых, да ранних, с волчьей хваткой «новых хозяев жизни», отставной подполковник был всего лишь «пережитком прошлого». Двадцать семь лет в погонах, из которых пятнадцать пришлось на службу в военной контрразведке и не где-нибудь, а в «солнечном» Забайкалье, в их глазах ничего не стоили.

Николай тяжело вздохнул и, избегая трудного разговора, прошел в свою комнату. Скрип двери не укрылся от тонкого слуха тетки. Она выглянула из кухни и окликнула:

— Коля, ужинать будешь?

— Спасибо, Наталья Ивановна, я поел.

— Не с того ты начала! Иди, посидим, Коля! — позвал Павел Иванович, и его суровое лицо показалось из-за плеча жены.

— Тебе уже хватит, Паша! А он голодный. С этой службой скоро на Кошечу будет похож, и что я скажу матери? — посетовала Наталья Ивановна.

— Ему таким по службе положено. Опера, как волка, ноги кормят! — сурово отрезал Павел Иванович.

— Гляди, тебя она больно накормила! Столько лет в Забайкалье отбухал и что?

— Как что? Быстро же ты забыла!

— Было бы, что помнить: «Дровяшка», «Оловяшка». Зимой мерзнешь, а летом от жары дохнешь и...

— Замолчи! — оборвал супругу Павел Иванович и, поиграв желваками на скулах, желчно заметил:

— Забыла? Тогда я напомню. «Забудь вернуться обратно» — вот что такое Забайкальский военный округ! А мы вернулись и не куда-нибудь, а в Москву!

— В Москву, и что толку? Пять лет по чужим углам мыкались, пока свой у черта на куличках не получили!

— Другие и того не имеют, — буркнул Павел Иванович.

— И много ты поимел? Вон твой дружок, Вовка, в училище балду бил, а сегодня заправками управляет, не то, что ты со своим красным дипломом в охранниках ходишь. А все: мы контрразведка!

— Замолчи! Не тронь это! — взорвался Павел Иванович.

— Гордый! Я сама Вовку попрошу...

— Наталья Ивановна! Павел Иванович! Ну, зачем вы так? — пытался погасить скандал Николай.

В кухне воцарилась гнетущее молчание, которое нарушили горестные всхлипы. Утирая слезы, Наталья Ивановна причитала:

— За что же нам такое? Паша всю жизнь честно служил! В банке тоже старается, а его... О, господи, за что же нам такое наказание?

— Перестань! Перестань, Наташа! Все образумится, никто меня не гонит, — утешая жену, Павел Иванович обнял ее и проводил из кухни, вернувшись, прошел к холодильнику, достал бутылку водки и предложил:

— Ну что, Коля, выпьем?

— Наливай, дядь Паш! — махнул рукой Кочубей и подсел к столу.

Павел Иванович разлил водку по рюмкам, поднял свою и, помедлив, с горечью произнес:

— Пью не с горя. Какое тут горе. Ну, выгонят с работы, с голоду не помрем. Пенсия, хоть грошовая, у меня и у Наташи есть. Квартира сам видишь: жить можно. Дети устроены. Мне за державу обидно! Батя ее от Гитлера спас, а я прозевал!

— Вы-то чем виноваты, Павел Иванович? Ее без вас развалили, — пытался как-то смягчить боль старого контрразведчика Николай.

— Виноват? Развалили? Да что вы, молодежь, знаете об этом? Какое там, на хрен ЦРУ! Своих сволочей хватило! Этих иуд — «Меченого» и второго, водкой калеченного за то, что они натворил мало повесить. Гады! Сначала армию в грязь втоптали, затем КГБ помоями облили, чтобы народ против нас настроить, а потом под шумок свои грязные делишки обделали. Памятник Дзержинскому на Лубянке стоял! Лучшего в Москве не было! Так нет же, снесли! И как? Петлю на шею и сдернули! Суки! Хотели показать, что с тоталитарным прошлым, а точнее с нами, покончили. Ну да хрен с ними! Бог им судья, а свинья товарищ! Выпьем, Коля, за военную контрразведку, там всегда были настоящие мужики! Как, еще остались?

— Остались! — заверил Николай.

— А с армией что сделали? Как посмотришь «ящик», так жить не хочется. Там взорвалось, там потонуло.

— Тяжело, но держится. Новая боевая техника пошла, учения начали проводить.

— Техника, учения — это, конечно, хорошо. Но наша армия не на железе, а на духе держится. Как с ним?

— Жив еще, — не стал уточнять Николай.

— Значит, устоим. А то на этих эффективных менеджеров надежды нет. Они только о своем кармане пекутся. Жареным запахнет, так в Лондон чухнут. Слава богу, не на них Россия стоит. Ладно, наливай! — предложил Павел Иванович.

Николай налил водку в рюмки, а Павел Иванович произнес тост:

— За армию! За настоящих мужиков! Пока они есть, остальное приложится.

— За них! — подержал Николай.

Павел Иванович размяк, взгляд смягчился, и снова протянулся к бутылке.

— Дядь Паш, мне хватит. Завтра надо быть, как огурчик.

— Тебе виднее. Тогда спать! — не стал настаивать он, и они разошлись по комнатам.

Николай не стал распаковывать спортивную сумку, а сразу забрался в постель и тут же заснул крепким сном. В половине седьмого он был на ногах. Умывшись, быстро позавтракал и выехал на службу. В восемь сорок пять вошел в кабинет, там уже находился Остащенко. Не заглядывая в сейфы, они поднялись на седьмой этаж и зашли в приемную Сердюка.

В ней было непривычно тихо. Секретарь — Галина Раевская, склонившись над докладной с его правками, поигрывала пальцами на клавиатуре ноутбука.

— Доброе утро, Галина Николаевна! — дружно приветствовали они.

— Здравствуйте, ребята! Как ты, Коля? Что-то давненько не видела. — поинтересовалась она.

— Нормально. Спецзадание, — не стал распространяться Кочубей.

— Правда? А какое?

— Так оно у него на лице написано, — язвительно заметил Остащенко.

— О чем ты, Юра? — не поняла Раевская.

— А что разве не заметно?

— Нет.

— А вы присмотритесь. В глазах — оловянный блеск. А лицо? Это же...

— Юра, да что ты такое говоришь?

— Это не я, это в армии говорят: как надену портупею, так тупею и тупею. Наш карьерист, наплевав на умное лицо, бросил контрразведку и подался в войска. Лавры маршала не дают ему покоя.

— Коля и армия? — воскликнула Раевская и театрально всплеснула руками.

— Куда деваться? Такие интеллектуалы, как Остащенко уже достали, — отшутился Николай.

— Вот так, на чужом горбу... — договорить Остащенко не успел. Зазвонил телефон прямой связи с Сердюком. Раевская подняла трубку и ответила:

— Да. Здесь. Оба.

Николай с Юрием догадались: речь о них.

Хорошо, Анатолий Алексеевич, постараюсь к десяти, — и, закончив разговор, Раевская объявила:

— Заходите, ребята, он ждет.

— Как у шефа настроение? Под какую руку лучше не попадать? — спросил Кочубей.

— Коля, тебе это не грозит, — с улыбкой ответила Раевская.

— Конечно, в любимчиках ходит, — хмыкнул Остащенко и уточнил:

— Шеф один?

— Нет. У него Агольцев и Писаренко.

— Значит, надолго, — заключил он и вслед за Кочубеем вошел в кабинет.

Сразу стало тесно. Богатырские фигуры Сердюка, Агольцева и начальника аналитического отдела полковника Василия Писаренко, тоже далеко не хляка, казалось, занимали все свободное пространство.

Поздоровавшись, Сердюк внимательным взглядом пробежался по Николаю, потом Юрию и спросил:

— Как отдохнули, друзья?

— Нормально, — ответил Николай.

Остащенко промолчал.

— Нормально? А почему так рано отпустили машину? — продолжал допытываться Сердюк.

— Решили не барствовать! — заявил Юрий.

— Барствовать? На тебя, Остащенко, что-то не очень похоже.

Тот пожал плечами и кивнул на Кочубея. Сердюков с любопытством взглянул на него. Он решил до конца прояснить ситуацию и строго заметил:

— Вижу, что-то не договариваете. В чем дело, Николай?

То ли тон, то ли что-то другое задела Кочубея, и он с вызовом ответил:

— Мне как, устно или рапортом доложить?

— Прямо-таки рапортом! А что есть о чем?

— Докладываю: никаких катушек не раскручивали и по огуречным грядкам не шатались. Порочащих связей не имели и...

— Стоп! Стоп! — Сердюк остановил Кочубея и отыграл назад:

— Коля, не лезь в бутылку.

Но тот, задетый за живое, уже не мог остановиться:

— Выполняя ваше указание, товарищ генерал, я полностью отдался волейболу.

— Анатолий Алексеевич, если бы только он один, так меня еще пристегнул к этому делу, — пожаловался Остащенко.

— Ладно, волейболисты, пошутили и хватит! Присаживайтесь! — распорядился Сердюк.

Кочубей с Остащенко сели лицом к стене, известной в отделе как «Сердюкова стена». Она напоминала музей ракетно-космической техники. Макеты ракет, пусковых установок — от первых «королевских» до последних «тополиных», выстроились грозными батареями на полках. В этой экспозиции нашла отражение более чем 50-летняя история РВСН и тесно связанного с ними отдела военной контрразведки, которым генерал Сердюк бесценно руководил последние десять лет. Отдельный стенд занимали фотографии предателей, шпионского снаряжения и разработчиков, потративших месяцы, иногда годы, чтобы вывести их на чистую воду.

Замыкал этот фоторяд большой, цветной снимок. На нем Сердюк в окружении инженеров и военных наблюдал со смотровой площадки за стартом ракеты. Власть и ответственность наложили на него свой отпечаток. В строгом прищуре глаз и затвердевшем подбородке читалась воля и решительность. В крепко стоявших на бетонке ногах и широком размахе плеч чувствовалась уверенность в себе и основательность в решениях.

Кочубей отвел от нее взгляд и виновато посмотрел на живого из плоти и крови хозяина кабинета. Тот согрел его доброй улыбкой и открыл совещание:

— Товарищи, не будем терять времени и подведем первые итоги операции «Мираж». Виктор Александрович, ты готов к докладу?

— Да, — подтвердил Агольцев.

— Материалы оперативно-технического наблюдения по Перси и тем, кто прикрывал явку у тебя на руках?

— Да. Два часа назад получил.

— Успел изучить?

— В общих чертах.

— Готов доложить?

— Да, но без деталей.

— С деталями потом. Каков общий вывод?

— Если коротко: после завершения явки посольская наружка вела Николая на приличной дистанции до станции метро «Парк культуры», там наблюдение сняли. Из чего следует: ему поверили, — доложил Агольцев.

— Давай-ка не будем торопиться с окончательными выводами, — предостерег Сердюк и продолжил опрос:

— А что Перси?

— После того как скинул в посольскую машину нашу посылку, заметно расслабился.

— Еще бы, с таким шпионским грузом ему пятнашка светила, — с сарказмом произнес Писаренко.

— Не кажи гоп, Василий Григорьевич, операция только началась, — напомнил Сердюк и снова обратился к Агольцеву:

— Что было дальше?

— Особо не проверяясь, Перси возвратился в «Пекин», — продолжил доклад Агольцев.

— Хороший признак! Значит, уверен в себе, а главное — в Фантоме.

— Более чем.

— Что ты имеешь в виду?

— В номере Перси одним махом выпил бутылку виски.

— Снимал стресс, — заключил Сердюк и затем обратился к Писаренко:

— Василий Григорьевич, а что говорят твои «умные головы»? Меня прежде всего интересует момент, когда Перси зацепился за голос Николая.

Писаренко открыл папку и, склонившись над заключением экспертов, принялся монотонно зачитывать:

— По объекту «Инспектор». Специалисты, изучив видеоматериалы, на основании всестороннего анализа рефлекторно-двигательных функций...

— Стоп, стоп, Василий Григорьевич! Ты меня, конечно, извини, — остановил его Сердюк и попросил: — Давай без научных выкрутасов, а по существу. Ответь на вопрос: Николая раскусили или нет?

— Если по существу, то нет!

— Значит, работаем дальше. Первоочередная задача — выверенная деза для ЦРУ, — все более уверенно звучал голос Сердюка.

— В этом вопросе без помощи ракетчиков и науки, причем на самом высшем уровне, уже не обойтись, — констатировал Агольцев.

— Вот тебе и карты в руки, Виктор Александрович, — тут же отреагировал Сердюк и распорядился:

— Дело в долгий ящик не откладывай. Бери Николая и поезжай к командующему.

— Командующему? Так это, вроде, не мой уровень, — деликатно напомнил Агольцев.

— С уровнями потом разберемся! Американцы ждать не станут, пока мы тут раскачаем! Я позвоню командующему, он вас примет. Лучше него ракетные войска и их перспективу никто не знает. В операцию не посвящать, нам нужна помощь только информационного плана. Ты понял, Виктор Александрович?

— Так точно!

— По возвращению доложишь о результатах!

— Есть! — коротко ответил Агольцев и поднялся из-за стола.

К нему присоединился Кочубей. Они спустились вниз — там уже ждала дежурная машина, и отправились в главный штаб ракетных войск стратегического назначения. Час пик в столице закончился, и им понадобилось немного времени, чтобы добраться до закрытого городка ракетчиков. На въездном КПП, и затем на входе в штаб их не проверяли. Телефонный звонок Сердюка командующему сработал. В сопровождении дежурного по управлению они прошли в приемную. Генерал Соловцов принимал доклады командующих ракетными армиями, и Агольцеву с Кочубеем пришлось ждать их окончания.

Воспользовавшись паузой, Николай с живым интересом изучал на стендах историю Ракетных войск. Его взгляд привлекла портретная галерея тех, кто держал палец на «ядерной кнопке». Фамилии известных маршалов Москаленко, Неделина, Крылова, Толубко и Сергеева говорили сами за себя. Сегодня она находилась в руках генерал-полковника Николая Соловцова. Выпускник Ростовского военного училища, он начинал службу не на «штабном паркете», а в «окопах». В дальних сибирских гарнизонах прошел все

армейские ступеньки от «а» до «я». Став командиром дивизии, в «чистом поле» поднял ее с «колышка». В годы лихолетья сумел сохранить боеспособность подчиненных ему частей. В 2002 году на его плечи лег груз огромной ответственности за масштабную модернизацию ракетных войск. Соловцов был последним из той великой плеяды, кто стоял у истоков создания ракетно-ядерного щита страны. Все это вызывало чувство глубокого уважения к командиру, и Николай мысленно приготовился к встрече с убеленным благородными сединами, и с «жуковским» медальным профилем генералом.

Время докладов закончилось, и Кочубей с Агольцевым пригласили в кабинет командующего. Встретил их коренастый, невысокого роста с открытым русским лицом генерал. Внешне Соловцов больше походил на строгого школьного учителя, чем на «ядерного монстра», которым на западе «ястребы войны» пугали слабонервных «мирных голубей». Крепкое рукопожатие и его пронизательный взгляд заставили Николая подтянуться.

— Проходите, товарищи офицеры, — пригласил Соловцов.

Кочубей с Агольцевым заняли места и обратили взгляды на командующего.

— Так что же привело ко мне военную контрразведку? — спросил он.

— Нужна ваша помощь, товарищ генерал-полковник, — перешел к делу Агольцев.

— Чем можем, тем поможем, — обнадежил Соловцов.

— Извините, что не все могу сказать, но...

— Виктор Александрович, давай без реверансов. У каждого свои секреты, — облегчил Соловцов его задачу.

— У нас от вас их нет, — дипломатично заметил Агольцев.

— Ладно, ладно! Не будем петь друг другу дифирамбы. В чем проблема?

— Нами ведется операция против одной спецслужбы. Тема ракетная. Задача — отвести ее подальше от главных секретов. А без информационного обеспечения, сами понимаете, на успех рассчитывать не приходится.

Соловцов задумался. Агольцев и Кочубей напряглись. От его ответа во многом зависело дальнейшее успешное развитие операции.

— Да, ребята, задали вы мне задачу, так сразу с насюка и не решить. Надо хорошо подумать. В любом случае поможем. Подключим науку, ведущих ученых. Дайте недельку, другую, — ответ Соловцова обнадежил контрразведчиков.

— Спасибо! Вы нас здорово выручили, товарищ генерал-полковник, — оживился Агольцев.

— Может, еще что? Ты, Виктор Александрович, не стесняйся, по старой памяти помогу, — напомнил Соловцов.

— Если только, — и, бросив взгляд на Николая, Агольцев решился высказать еще одну просьбу:

— Товарищ генерал-полковник возникла необходимость укрепить позиции подполковника Кочубея в академии.

— Укрепить?! Уж не на место ли начальника академии? Я и так назначил его на солидную должность.

— Мы вам благодарны, товарищ генерал-полковник, но интересы операции требуют придать ему больший вес и подкрепить знания по ракетной тематике.

— Вес? Знания? — веселые морщинки собрались в уголках глаз Соловцова, и последовавший затем ответ ошарашил контрразведчиков:

— Легко! Отправлю в Забайкалье. Пусть послужит годик в боевой дивизии, получит полковника и вернется. Как? Подходит?

Агольцев замялся, не зная, что на это ответить. Первым нашелся Кочубей и спросил:

— Товарищ генерал-полковник, разрешите вопрос?

Соловцов благодушно кивнул. В его глазах продолжали скакать лукавые чертики. Он с нескрываемым интересом ждал ответа.

— Товарищ генерал-полковник, а обо мне не забудут? Все-таки, как ни как, а Забайкальский военный округ, — набравшись храбрости, заметил Кочубей.

— Что?! Забудут? — посмеявшись, командующий поинтересовался: Откуда ты такой приткий?

— С Кубани.

— О-о! Почти земляки! Так чем тебе помочь, казак?

— Пока с ракетной подготовкой, и так, чтобы меня не раскусили.

— Вопрос непростой. За один день не научишься. Это тебе не моталки-веники, а ракеты.

— Товарищ генерал-полковник, что касается информационной, а точнее дезинформационной составляющей, нам требуется такой материал, чтобы в него поверила не только разведка, а и спецы по ракетной тематике, — включился в разговор Агольцев.

— Ну вы даете, ребята! Операция, операцией, но, как говорят врачи: главное не навредить, — предостерег Соловцов.

— Вот потому мы и здесь, товарищ генерал-полковник. Без вашего согласия ни одна цифра, ни одно слово к ним не уйдет, — поспешил заверить Агольцев.

— В таком случае давайте говорить открыто. Речь идет об американцах и ЦРУ? Так, Виктор Александрович? — напористо повел разговор Соловцов.

— Да.

— Что их интересует?

— Перспективные наработки по боевому ракетному комплексу «Тополь».

— «Тополь»? А не жирно будет?

— Конечно, жирно! Но ситуация складывается уникальная. Мы имеем надежный канал выхода на ЦРУ. Используя

его, рассчитываем отвести американцев от реальных секретов Тополя и подбросить серьезную дезу, чтобы завести в тупик их разработки в области ПРО.

— А водить за нос будет наш казак? — уточнил Соловцов.

Агольцев, помявшись, ответил:

— От вас, товарищ генерал-полковник, ничего не скроешь.

— Витя, с мое поживешь, не только в ракетах станешь разбираться, — добродушно произнес Соловцов, задержал взгляд на Кочубее, и его голос потеплел:

— Молодец! Уважаю таких. Как звать?

— Николай, — ответил Кочубей.

— Тезка! Хорошо, можешь на меня рассчитывать! Все, что в моих силах сделаю. А пока, Виктор Александрович, поезжайте в академию, там посоветуйтесь с наукой, и потом вернемся к нашему разговору.

Из кабинета командующего Агольцев и Кочубей вышли воодушевленными. Результат встречи превзошел все ожидания. Опасения, что они завязнут в бюрократических проволочках, неизбежных между двумя ведомствами, не подтвердились. Оперативность, с которой командующий принимал решения, обнадеживала.

Глава 3

Майкл — Фантому.

...В интересах обеспечения Вашей безопасности предлагаем в ближайшем будущем перейти от прямых контактов к безличной форме поддержания наших отношений — посредством тайника. Тайник — это специально подобранное место, через которое мы будем обмениваться материалами. Они могут быть закамуфлированы под безобидные предметы: булжжник, сучок, пачка от сигарет и т. п. В каждом конкретном случае мы будем сообщать, где произведена закладка тайника, и что представляет собой контейнер с информацией.

Просим Вас к следующей встрече подготовить подробное описание мест Вашего жительства и службы, маршрутов следования к ним, а также сообщить, где Вы проводите свой досуг. Будьте осторожны при выполнении задания. Рекомендуем быть более сдержанным в расходовании вознаграждения. Непродуманные траты стали причиной провалов некоторых наших негласных соратников...

Очередное задание для агента Фантома, подготовленное специалистами из технического сектора резидентуры ЦРУ в Москве, появилось накануне в зашифрованном виде в сети

Интернет на сайте: «Ракетная техника. Новинки, изобретения, предложения». Поздним вечером он сообщил о его получении и подтвердил готовность к выполнению задания.

На этом миссия Перси в Москве подошла к концу. Следующая явка с Фантомом могла состояться не раньше первой половины октября. В работе наступила пауза. Перси уже не требовалось зайцем петлять по московским улицам или подземке, чтобы оторваться от «хвоста», вечерами корпеть над очередным заданием начинающему агенту, потом отписывать кучу бумаг для руководства в Лэнгли, в которых разьяснять: почему сделано так, а не эдак. Теперь ему и Саймону оставалось запастись терпением и ждать результата, а он зависел от того, как сработает Фантом. Внутреннее чувство подсказывало Перси: алчность, которую пробудили в агенте деньги, заставит его прыгнуть выше своей головы.

«Все в этом мире продается и покупается! Впрочем только в цене. Ты, явно продешевил», — хмыкнул Перси и потянулся. Но удовольствия не получил — ноги уперлись в спинку кровати.

«Чертовы китайцы! Все норвят под себя подогнать!» — заговорила в нем давняя неприязнь к ним.

После трех суток проживания во второразрядном номере гостиницы «Пекин», Перси надоело изображать из себя прижимистого немецкого бюргера и есть постные обеды. Это, а также короткая, скрипящая при каждом движении кровать, злобные драконы, взиравшие с потолка, когда он заходил в ванную, сидели уже в печенках. Но сегодня, они и даже простужено сипящий кондиционер не испортили настроения. Через десять часов ему предстояло покинуть не только гостиницу, но и Россию. В кармане лежал билет на рейс Москва — Берлин. Этот крошечный клочок бумаги пробуждал в нем опьяняющее чувство свободы.

Впервые за последние дни Перси испытывал настоящее блаженство: операция по вербовке ценного агента успешно завершена, да еще с каким результатом! Накануне, до

позднего вечера они с Саймоном просидели в кабинете шифровальщиков, отправляя одну за другой докладные. В Лэнгли хотели знать в деталях обстоятельства вербовки, содержание задания и способы связи с агентом. И эта до-тошность не вызывала в Перси раздражения. Внимание, которое руководство ЦРУ проявило к Фантому, приятно льстило его честолюбию. Старый приятель — Гарри Шлосс, работающий в центральном аппарате Управления, в коротком разговоре упомянул, что результатах работы с Фантомом Директор доложил на самый верх.

«На самый верх! На самый верх!» — Перси повторял про себя фразу Шлосса, и в его воображении рисовалась встреча Директора с Президентом в Овальном кабинете Белого дома. Откинувшись на подушку, он закрыл глаза и пытался представить их разговор, но тут зазвонил телефон. На дисплее высветился незнакомый номер.

— Марк, ты говорить можешь? — не представившись, спросил неизвестный.

— Да! Кто это? — насторожился он и в следующую секунду догадался: Саймон!

— Ты чем занят? — поинтересовался резидент.

— Блаженствую.

— Извини, что беспокою, надо срочно встретиться.

От благодушного настроения Перси не осталось и следа.

Он чертыхнулся и с раздражением произнес:

— А по телефону, что, нельзя?

— Нет! Надо лично.

— Джек, ты же знаешь, у меня скоро самолет!

— Помню, но обстоятельства требуют того.

Столь категоричный ответ Саймона еще больше насторожил Перси.

Спеша рассеять опасения, намеком попытался прояснить ситуацию:

— Это касается нашего последнего дела?

— Пожалуй, но только косвенно.

— А точнее?

— Все при личной встрече. Через два часа тебя устроит? — наседал Саймон.

— Устроит, не устроит! Ты говоришь такими загадками, что хочешь — не хочешь, а поскачешь галопом.

— Извини, Марк, это не моя прихоть. Все идет сверху.

— Час от часу не легче, — буркнул Перси и пытался понять: «Что же такого могло произойти за ночь, чтобы резидент, сломя голову, летел на встречу. Что?!»

В мыслях царил сумбур, на душе скребли кошки, а разыгравшееся воображение рисовало одну картину мрачнее другой. Сгорая от нетерпения, Перси решил не ждать два часа и предложил:

— Я могу подъехать сейчас.

— В посольство — не надо! Лучше на стороне, подальше от любопытных ушей и глаз, — продолжал говорить загадками Саймон и напомнил:

— Встречаемся через два часа. Это недалеко от тебя. Место — смотри сообщение на сотовом.

— О'кей! — подчинился Перси и, забыв про завтрак, принялся спешно приводить себя в порядок. В то время, как руки делали что-то, в голове продолжали роиться тревожные мысли: «Проблемы с Фантомом? Но Саймон сказал, что к нему это имеет косвенное отношение. Проблемы с моей агентурой в Киеве? Но почему их надо решать в Москве? Так что же стряслось за ночь? Что?» — задавался он вопросами, и не находил ответов.

Писк сотового прервал его мысли, пришло SMS от Саймона. До места встречи было рукой подать.

Патриаршие пруды — оазис российской столицы, одно из любимейших мест проведения досуга горожан. В нем с утра и до позднего вечера водила пестрый хоровод многоликая Москва. В утренние часы патриархальная, лишенная суеты тишина тенистых аллей, воркующие голуби под крышами летних павильонов и умиротворяющая гладь пруда

привлекали к себе пенсионеров и детвору. После обеда на смену им появлялись и громко заявляли о себе молодежные компании. У каждой из них имелось свое излюбленное место. В одном углу, позвякивая цепями и поблескивая металлическими заклепками на куртках, кучковались поклонники тяжелого рока. В другом — на лужайке, под раскидистыми липами фанаты московского Спартака, наливаясь пивом и, футболя пустые банки, готовились к схватке с противниками из ЦСКА.

В этом человеческом муравейнике легко было затеряться. Перси одобрил выбор Саймона — обеденное время являлось не самым худшим для конспиративной встречи. Русской наружке, если бы она увязалась за ним, пришлось бы изрядно попотеть. За предыдущие три дня она себя никак не проявила, и потому он не испытывал серьезного беспокойства, но на всякий случай оставил на ее раскрутку сорок минут. Стрелки показывали начало двенадцатого, в запасе было достаточно времени, чтобы прекусить в ресторане. Помпезный зал на первом этаже, в котором каждый посетитель должен был почувствовать величие Поднебесной, пустовал. Переступив порог, Перси тут же оказался под перекрестным обстрелом нескольких пар любопытных глаз.

«Проклятые шпионы! Нигде от вас покоя нет!» — поднялась в нем волна раздражения.

Аппетит пропал. Ограничившись чашкой кофе и постным бутербродом, он вышел в город. Наступило обеденное время, и оживленные толпы высыпали на улицы. В центре площади, у памятника Маяковскому тусовка горластых тинэйджеров и пенсионеров, потрясая транспарантами и выкрикивая политические лозунги, проводила очередной коммунистический митинг. Крутнувшись в толпе, Перси нырнул в подземку, проделал пару замысловатых финтов, чтобы запутать возможный «хвост», доехал до «Пушкинской» и, не обнаружив слежки, направился на встречу с Саймоном.

В тринадцать двадцать он вышел к Патриаршим прудам. К этому часу здесь уже не осталось и духа от бывшей святости. В воздухе стоял тяжелый запах пива и еле уловимый — марихуаны. Набравшие градус фанаты Спартака воинственными голосами затянули свой гимн. Из другого угла сквера на дикой смеси русского и английского им отвечали поклонники тяжелого рока. Временами между компаниями начинало искрить, и только вальяжно бродившие по аллеям патрульные милиционеры удерживали их от вспышки. Ближе к летним павильонам все выглядело чинно и мирно. В одном из них, в малом зале терлась публика полубогемного вида.

Перси прошел внутрь, отыскал свободное место и, заказав коктейль, стал ждать Саймона. Прошло не больше минуты, и он почувствовал себе не своей тарелке. Его беззастенчиво ощупывали оценивающими взглядами. Жаркий румянец опалил ему щеки. Женоподобное поведение, следы помады на губах и румян на щеках соседей по столику, не оставляли сомнений в том, что он угодил в компанию гомосексуалистов. Чувство гадливости охватило его, и тут чья — то тяжелая рука опустилась на плечо.

— Мальчика не желаете? — с придыханием произнесла омерзительная, рыжеусая рожа.

От такого беспардонного хамства у Перси перехватило дыхание. А наглец голосом Саймона продолжал допытываться:

— Красавчик, тебе здесь не нравится?

— Джек... ты?! — Перси не мог поверить своим ушам. Искусно нанесенный грим до неузнаваемости изменил внешность резидента.

— Я! — подтвердил тот.

— Ты... ты, куда меня затащил?

— А чем здесь плохо?

— Это же... — у Перси от возмущения не нашлось слов.

— Самое, что ни на есть подходяще место для такой встречи, — сохраняя невозмутимое выражение лица Саймон и, понизив голос, пояснил:

— ФСБ даже в голову не придет, что два благопристойных пуританина сунуться в подобный вертеп.

— Джек, это явный перебор! Меня уже тошнит от этих крашенных рож!

— Зато спокойно.

— Спокойно?! Не знаю как ты, а я уже чувствую, как они лезут ко мне.

— Ладно, побережем твои нервы, — с усмешкой произнес Саймон и предложил: — Пойдем, прогуляемся.

Перси, как ошпаренный выскочил на улицу. Ему казалось, что все взгляды направлены только на него и спешил подальше унести ноги. Саймон едва поспевал за ним. Не дожидаясь, когда густая стена кустарника скроет их от посторонних глаз, Перси набросился на него с вопросами:

— Джек, что произошло? Почему не в посольстве? К чему этот маскарад?

— Извини, Марк, что поломал твои планы, но меня самого поставили перед фактом, — оправдывался Саймон.

— Каким еще фактом? О чем ты?

— Ситуация весьма щекотливая.

— Джек, мне сейчас не до щекотки. Говори прямо! Засветился Фантом или кто — то из моей киевской агентуры? — предположил худшее Перси.

— Киевская агентура здесь не причем.

— Остается Фантом?

— Не совсем так, — уклончиво ответил Саймон и, помывшись, спросил: — Как ты относишься к Ковальчуку?

— Я?... К Генри?! А он тут причем? — изумился столь неожиданному повороту Перси.

— Так как?

— Э — э. Профессионал. Как говорится, собаку съел... А собственно, в чем дело? Ты можешь внятно объяснить?!

— Попробую, но сначала ответь еще на один вопрос: вы были дружны? — продолжал говорить загадками Саймон.

— Ну,... в общем, поддерживали хорошие отношения, — замылся Перси, а затем потребовал: — Джек, может, хватит играть в кошки — мышки! Я не первый день в разведке! Давай без дальних заходов.

— Извини, Марк, мне это неприятно, и, по — правде говоря, я сам мало что знаю. Тебе все скажут в Лэнгли.

— В Лэнгли?! ... Я же лечу в Берлин, а оттуда в Киев?! — опешил Перси.

— Киев отменяется. В Берлине тебя встретит Браун с билетом на Вашингтон.

— Вашингтон? Значит, засветился Фантом!

— Насколько мне известно — нет.

— Ну, я тогда уже ничего не понимаю?! Вчера только говорил с Шлоссом, и он ни словом не обмолвился о вызове в Вашингтон.

— Все дело в Ковальчуке.

— В Генри?!

Саймон, помявшись, ответил:

— Я могу только предполагать, но не более того.

— Ну, говори же! Говори! — торопил Перси.

— Служба специальных расследований ищет русского крота. Его след обнаружили в киевской резидентуре. В Лэнгли дернули Ковальчука. Вывод напрашивается сам.

— Хочешь сказать: Генри крот?! Нет, нет! Этого не может быть! — не поверил своим ушам Перси.

— Марк, я ничего не утверждаю, но посуди сам. Его отстранили от работы, а вчера отозвали из Киева. Им занялась Служба специальных расследований. Остальное узнаешь в Лэнгли. На меня не ссылайтесь, я и так сказал больше, чем надо! — предупредил Саймон, с сочувствием посмотрел на ставшего мрачнее тучи Перси, и попытался сгладить ситуацию:

— Все обойдется, Марк. С Фантомом тебе сам черт не страшен.

Перси ничего не ответил. В его голове не укладывалась мысль, что добродушный ворчун Генри Ковальчук, прослуживший в разведке свыше двадцати лет и не в теплом кабинете Лэнгли, а в странах Восточной Европы, имевший на своем счету десятки ценных вербовок, мог стать русским агентом. Все существо Перси восставало против, казавшихся абсурдными, подозрений. Он больше грешил на происки резидента Саливана против бедолаги Генри, чем на коварных русских агентов, якобы свободно разгуливавших по коридорам Лэнгли, которыми тот не уставал страшить на совещаниях. Но теперь, если Ковальчук, но об этом Перси не хотелось и думать, действительно, окажется кротом, вместо обещанных наград, впереди его ждали изматывающие проверки. Проверки, которые могли закончиться позорной отставкой.

Саймон продолжал говорить, а Перси пытался понять, что могло подвигнуть Ковальчука на предательство? Разведчик такого уровня как он, так просто перейти на сторону противника не мог, на то требовались веские причины.

«Деньги? Серьезный мотив. Но Генри всегда довольствовался малым. Чрезмерные амбиции и жажда карьеры? За год до ухода на пенсию? Смешно! Конфликт с Саливаном и разочарование в профессии?» — размышлял Перси.

И здесь память услужливо подсказала: причину падения, а, возможно, предательства Ковальчука следует искать в его отношениях с руководителем киевской резидентуры. С назначением Саливана на должность резидента, у Генри стали возникать проблемы. Какая кошка пробежала между ними, так и осталось тайной. Сам Ковальчук на эту тему не распространялся. К концу второго месяца работы Саливана, их отношения окончательно испортились. Редкое совещание обходилось без того, чтобы он не поиздевался над Генри. Тот пытался огрызаться, а потом замкнулся в себе и стал все чаще заглядывать в рюмку. В редкие ми-

нуты бедагау прорывало, и тогда Перси приходилось выслушивать все, что Ковальчук думает: «о мерзавце Саливане; о скотстве в разведке, в которой надо бояться не столько врагов, сколько собственных безмозглых ослов; о том, что в этом дрянном мире прежние заслуги ничего не стоят; что «конюшня» ЦРУ ничем не лучше «зверинца» КГБ — ФСБ».

Тогда это брюзжание Ковальчука воспринимались не более чем обида неудачника, который в запале, да еще по пьяной лавочке, мог нагородить и не такого. Теперь же Перси иными глазами посмотрел на старого приятеля, и предположение Саймона о предательстве Генри уже не казалось столь беспочвенными. В памяти всплывали эпизоды из недавнего прошлого, и они заставляли задуматься.

Все началось полгода назад. Холодным декабрьским утром машина Перси остановилась перед воротами посольства США в Киеве, и тут из снежной круговерти вынырнул некто, закутанный по самые глаза шарфом, и, швырнув на сидение записку, скрылся. После расшифровки немудреного шифра в руках резидентуры ЦРУ, а точнее его — Марка Перси, оказалась настоящая информационная бомба. Инициативный делец от шпионажа предлагал фантастическую сделку: купить то, за чем, не один год безуспешно охотились резидентура — совершенно секретные материалы по российскому ракетному комплексу «Тополь».

Несмотря на конспирацию, слух о его удаче пронесся среди сотрудников резидентуры. Чуть позже, Ковальчук, случайно или нет, появился в кабинете, когда он ломал голову над тем, как выйти на личный контакт с инициативным продавцом секретов. Предложение Ковальчука оказалось кстати. На следующий день они с готовым планом операции подошли к Саливану. Тот скептически отнесся, как к нему, так и самому предложению «инициативника», посчитав его, в лучшем случае, подставой со стороны ФСБ, а в худ-

шем — наглой попыткой авантюриста, пытающегося таким способом сорвать денежный куш.

Срок, отведенный «инициативником» на сделку, истекал, и операция, не начавшись, начала затухать. Но тут на помощь пришли старые связи Перси в руководстве Лэнгли. Они надавили на Саливана, и тот нехотя выделил по статье «специальные расходы» десять тысяч долларов на покупку первого блока информации. Казалось бы, все складывалось наилучшим образом. «Инициативник» откликнулся на сигнал в Интернете и назначил обмен на железнодорожном вокзале города Киева, в зале автоматических камер хранения.

За несколько часов до назначенного времени резидентура пришла в движение. Наружка пасла подходы к месту встречи, а технари Дункана ухитрились поставить скрытые камеры видеонаблюдения в камере хранения. И когда подошел назначенный час, он — Марк Перси, рискуя оказаться в руках контрразведки, вытащил из ячейки материал оставленный «инициативником», а взамен положил десять тысяч долларов. Первая часть операции — обмен, завершилась удачно, контрразведка себя никак не проявила. Зато вторая обернулась оглушительным фиаско — вычислить «инициативника» и сесть ему на хвост наружке не удалось. Мерзавец элементарно обвел ее вокруг пальца. Деньги из ячейки вытащил мелкий воришка.

В штабе операции с удивленно наблюдали, как в толпе исчезли десять тысяч долларов. И еще долго при гробовом молчании с монитора на Саливана и Дункана тарачилась веснушчатая физиономии киевского «гавроша». Слабым утешением стала пачка от сигарет «кент», а в ней два листка шифрованных записей. Лучшие головы из аналитического и технического отделов несколько дней бились над расшифровкой и пришли к выводу: «инициативник» оставил их провел. Ловкий мерзавец изъял из перечня данных по ракет-

ному комплексу «Тополь» ключевые параметры. Выманив у резидентуры задаток в десять тысяч долларов и, сбросив ей интригующе сведения, он, так и не материализовавшись, исчез как фантом в Интернет — пространстве. Саливан пришел в ярость и обрушил свой гнев на Перси с Ковальчуком. У Генри не выдержали нервы, и в запале он высказал все, что думал «о безмозглых ослах в разведке». Совещание едва не закончилось безобразной дракой.

Прошло несколько дней и наглец — продавец секретов дал о себе знать. В Интернете на сайте: «Ракетная техника. Новинки, изобретения, предложения», появилось его очередное сообщение. В нем он благодарил за задаток и предлагал взамен на девяносто тысяч долларов заполнить пробелы в переданных материалах. В душе Перси затеплилась надежда. Но его предложение запросить в Лэнгли оставшуюся сумму и продолжить операцию, Саливан не захотел даже слушать и выставил из кабинета. Проглотив обиду, и наплевав на субординацию, Перси снова позвонил старому приятелю Шлоссу. Тот обещал помочь и свое слово сдержал. Из Лэнгли опять надавили на Саливана и он, разрешил продолжить виртуальные контакты с «инициативником». Шесть месяцев шли напряженные Интернет — переговоры, и вот, наконец, состоялась личная встреча в Москве.

В парке Центрального дома художника они встретились лицом к лицу. В работе Перси это была, пожалуй, самая нервная из всех вербовок агентов. В конце концов, ему удалось склонить скользкого как угорь продавца ракетных секретов к сотрудничеству. И вот теперь, когда, казалось бы, Саливан посрамлен, а он — Марк Перси оказался на коне, все могло пойти прахом. Подножку подставил не кто иной, как тот, кому он доверял как самому себе — Ковальчук.

«Подлец! — чертыхнулся в душе Перси. В эти минуты он готов был разорвать Ковальчука на части. Но, живший в нем разведчик взял верх над эмоциями. Острый ум искал

в закоулках памяти, то, что могло таить настоящую, а не мнимую угрозу для операции и его самого: — Фамилия? Имя Фантома? Кажется, нет. Да и откуда Ковальчук мог их знать? Мне самому они стали известны три дня назад!» — с облегчением вздохнул Перси, и с его губ сорвалось:

— Слава богу! Кажется, не все так ужасно!

— О чем ты, Марк? — живо отреагировал Саймон.

— Все о том же.

— О Ковальчуке?

— Да. Пытаюсь вспомнить, что ему известно о Фантоме.

— И много?

— Имя и фамилию он точно не знает.

— В таком случае русской контрразведке будет не просто выйти на него, — заключил Саймон.

— Это вопрос только времени, — обронил Перси.

Как профессионал, он отдавал себе отчет в том, что даже отрывочные сведения о Фантоме, которые Ковальчуку стали известны, могли послужить серьезной наводкой для контрразведки. Все решало время, и в гонке с ним ЦРУ ничего другого не оставалось, как только успеть добраться до главных секретов Тополя, прежде чем Фантом попадет под колпак ФСБ. Но это уже зависело от того, как повернут дело с кротом в Службе специальных расследований.

Отражение этих грустных мыслей Саймон прочел на лице Перси и искренне посочувствовал:

— Марк, не принимай все так близко к сердцу. Ты не один общался с Ковальчуком. Есть Грей, есть Ливицки.

— И что? Я, а не они работают с Фантомом. Теперь все в руках Службы специальных расследований!

— Не сгущай краски.

— Я не сгущаю. Сам знаешь, от этой живодерни ничего хорошего ждать не приходится, — мрачно произнес Перси.

— Да, там не то место, где раздают награды.

— Скорее дают пинка под зад.

— Марк, не заводись. Лучше вспомни, какие наводки Ковальчук мог дать русским на Фантома.

— Кроме сведений, что были в первой записке — больше ничего.

— А по ним можно вычислить, где он служит?

— Трудно. Разброс большой, от Генштаба, до штаба ракетных войск.

— Уже легче. Значит, есть время довести операцию до конца.

— Если он не наступит для меня раньше, — с сарказмом произнес Перси.

— Перестань себя хоронить! — сохранял оптимизм Саймон,

— Берем наихудший вариант. Предположим: русские знают, у каких секретов искать агента, но это десятки человек и на каждого уйдет уйма времени. Так что этой ниточке еще долго виться.

— А если им известно время выхода Фантома на нас в Киеве? Что тогда?!

— М-да! Это существенно меняет ситуацию.

— Не то слово. Вспомни Сыпачева. Полковник ГРУ спалился на второй месяц после вербовки, — напомнил Перси об одном из последних провалов ЦРУ в России.

Саймон болезненно поморщился. Потеря этого перспективного агента произошла до его назначения в Москву, но последствия провала пришлось расхлебывать ему. На какое-то время резидентура вынуждена была свернуть вербовочную работу на территории России. Пауза затянулась почти на год. Фантом стал первым удачным пополнением агентурной сети. Его вербовка открывала доступ к важнейшим ракетным технологиям. Несмотря на появление «крота», Саймон надеялся: прежде чем ФСБ доберется до Фантома, секреты Тополя окажутся в руках ЦРУ. Эту надежду он постарался поддержать в Перси и заявил:

— Все будет о'кей, Марк! Что касается Сыпачева, то сам виноват! Дурак! Ничего другого не нашел, как полезть в наше посольство.

— У меня положение не лучше. Крота под носом не рассмотрел! — терзался Перси.

— Марк, в Лэнгли не все идиоты, разберутся.

— На этот счет у меня большие сомнения. Свои псы хуже чужих.

— Свои? Кто, Саливан?

— Нет. Он мелкий пакостник. Псы из Службы специальных расследований. Им русские кроты повсюду мерещатся. Запишут меня с Ковальчуком в одну компанию, и доказывай, что не бегемот.

— Марк, прекрати! Также нельзя! Ты видишь все в черном свете. Вспомни Эймса?

— Кого?!

— Эймса.

— Что?! Ты меня с этим мерзавцем на одну доску ставишь?! — задохнулся от возмущения Перси

— Извини, Марк, я имел в виду другое, — Саймон поймал его за руку и с жаром заговорил:

— Выслушай до конца. Если следовать твоей логике, то Директору и мне следовало застрелиться. Эймс ходил у него в любимчиках, а я сидел с ним в одном кабинете и, как видишь, на улицу не вышвырнули.

— Тебе повезло, — буркнул Перси.

— Ты, в неудачниках тоже не ходишь. В конце концов, что такое разведка — это дорогая игрушка в руках политиков. А с ней легко не расстаются.

— Именно, игрушка! Ее не выбросят, а вот с нами церемониться не станут — поиграют, и на свалку.

— Спорный вопрос. Еще неизвестно, кто и кем играет. Мой тебе совет: не накручивай себя. В твою пользу говорят блестящая вербовка Фантома и его информация. Она полу-

чила наивысшую оценку не только в Лэнгли, но и у наших «яйцеголовых». Что касается Ковальчука, то обвинения ему не предъявили и как оно дальше повернется еще неизвестно, поэтому не вешай нос, — сохранял оптимизм Саймон.

— Предлагаешь вернуться в компашку к «голубым»? — буркнул Перси.

— А что, очень даже милые ребята, — хмыкнул Саймон.

— Я заметил, ты среди них прямо как свой.

Слой грима на лице Саймона не смог скрыть вспыхнувшего на щеках румянца. Смутившись, он невнятно пробормотал:

— Это же в интересах твоей безопасности. Пора расходиться. Желаю удачи. Все будет о, кей, Марк!

— Хотелось бы верить, — пробормотал Перси, вяло пожал руку Саймона и направился в противоположную сторону.

Покинув Патриаршие пруды, он больше часа бесцельно бродил по московским улицам. В голове и душе была пустота. Ему не хотелось возвращаться ни в гостиницу, ни в Берлин, ни, тем более, в Вашингтон. От одной только мысли, что впереди предстояли изнурительные опросы — беседы в Службе специальных расследований, детектор лжи и встреча с мерзавцем Ковальчуком, все переворачивалось.

Вскоре вечерние тени заскользили по асфальту и напомнили ему, что пора отправляться в аэропорт. Возвратившись в гостиницу, он собрал вещи и вызвал такси. По дороге в аэропорт Перси пришлось изрядно понервничать. Разговоры о московских автомобильных пробках оказались не преувеличением. Столица России никак не хотела выпустать его из транспортного капкана. В последний момент он успел встать на ступеньку трапа самолета, а дальше все завертелось с головокружительной быстротой. Через два часа «Боинг» приземлился в Берлине. Но и там ему не удалось перевести дух, началась регистрация на рейс до Вашингтона. Короткий

разговор с Брауном не прояснил ситуации. Тот выполнил чисто техническую функцию: встретил и передал билет. Спустя час Перси был в небе. Монотонный, убаюкивающий гул моторов, не успокоил разгулявшиеся нервы, в голову лезли самые нелепые мысли. Весь полет он провел в какой-то кошмарной дреме и прилетел в Вашингтон совершенно разбитый.

У трапа его поджидали двое чем-то неуловимо похожих друг на друга «бульдога» из Службы специальных расследований. Встреча больше походила на арест. Они, не отступая ни на шаг от Перси, проводили к машине, там вежливо, но настойчиво усадили его на заднее сидение и крепко стиснули телами. Попытка завязать разговор, чтобы прощупать почву и узнать, что его ждет впереди, не увенчалась успехом. «Бульдоги» хранили надменное молчание. Вскоре впереди показалась стеклянно-бетонная громада штаб-квартиры ЦРУ, и Перси ощутил неприятный холодок. Впервые за все годы службы он почувствовал себя в положении обгадившегося с головы до ног. Профессионал с более чем двадцатилетним стажем службы, под закат карьеры, потерявший всякий нюх и проворонивший под носом вражеского агента, в глазах сопляков из Службы специальных расследований, должен был представлять собой полное ничтожество.

Выйдя из машины, Перси бросил тоскливый взгляд по сторонам и, как на плаху, побрел к входу. Проверка документов, скоростной лифт, мягкая, скрадывающая шаги ковровая дорожка в секторе Службы специальных расследований, просторная приемная и кабинет начальника Особой группы, все это промелькнуло перед его глазами с калейдоскопической быстротой. Ее глава Фрэнсис Кейдж, холодно пожав ему руку, оскалился дежурной улыбкой. Но она не ввела Перси в заблуждение: Служба специальных расследований была не тем местом, где до обеда пили кофе, и потом травили анекдоты, а Кейдж был не тем человеком,

который вел душеспасительные беседы. Кличка: «Главный инквизитор», намертво прилипшая к нему, сама по себе говорила о многом.

— Как долетел, Марк? — начал он разговор с дежурного вопроса.

— Без приключений, — буркнул Перси.

— Как с погодой в Москве?

— Лучше чем здесь. Тут, то в жар, то в холод бросает.

— Хо-хо! — поняв намек, наигранно хохотнул Кейдж и пригласил к креслу:

— Проходи и располагайся, как у себя дома.

— Дома?! Ну, уж нет. Будь на то моя воля, я бы здесь и секунды не задержался.

— Ну, что ты, Марк! Неужели о нас такие ужасы распространяют?

— Я, по крайней мере, ничего хорошего не слышал. И откровенно говоря, не хотел бы слышать.

— Спасибо за прямоту. Что поделаешь, таков наш крест, и кто-то его должен нести.

— Как говорить: каждому свое. Только на мне его не надо ставить.

— Марк, ну, почему так мрачно? С нашей стороны было бы непросчительной ошибкой мешать работе такого блестящего разведчика как ты. Твой успех в работе с Фантомом получил высокую оценку, — продолжал Кейдж, а его холодные глаза, рентгеном просвечивали Перси.

— Мне об этом трудно судить. Со мной, кроме Саймона, никто не говорил.

— Не надо скромничать. Твои заслуги общеизвестны.

— Сегодня они ничего не стоят.

— Да, перестань себя хоронить!

Эта фраза Кейджа много стоила, и на душе Перси отлегло. Но через мгновение неприятный холодок снова охватил его. «Главный инквизитор» заявил:

— Слов нет Фантом ценный агент, а вот перспектива нашей работы с ним, к сожалению, вырисовывается не столь радужная. Где-то была допущена ошибка.

— В чем? Какая? — голос Перси дрогнул.

— Мы располагаем сведениями о том, что к русским прошла утечка информации об операции. И, как это не прискорбно говорить, виной всему «крот», который находился рядом с тобой. Негодяй! Он еще получит свое! Я ему обеспечу электрический стул! — злобная гримаса исказила физиономию Кейджа.

Перси поежился и осипшим голосом спросил:

— Насколько эти сведения достоверны?

— Более чем.

— И этот крот Ковальчук?

— Ковальчук?! С чего ты взял? — впился в Перси взглядом Кейдж, а его губы сложились в одну жесткую складку.

Тот понял, что невольно выдал Саймона и ушел от ответа:

— Ну, не Саливан же?!

— И все-таки, почему Ковальчук? — продолжал допытываться Кейдж.

— Об этом говорит простая логика. На первом этапе операции с Фантомом, кроме меня, Саливана и Дункана, к ней был допущен Ковальчук.

— А ты, что Дункана исключаешь?

— Сэма?! Исключено!

— И на чем основывается такая уверенность?

— На интуиции.

— Интуиция? А что она тебе говорит о Ковальчуке?

Перси замялся. Он все еще не мог поверить, что тот оказался «кротом».

— Вы ведь были друзьями, не так ли? — наседал Кейдж.

«Уже в друзья записали. Сволочи! Что вы еще на меня накопили?» — гадал Перси и лихорадочно соображал, как ответить. Любое неосторожно сказанное слово могло обер-

нуться против него. Он поднял голову и, встретившись с взглядом Кейджа, отвел взгляд в сторону. В глазах «Главного инквизитора» читалась неумолимая решимость найти и покарать предателя.

«Ты и мать родную не пожалеешь!» — с тоской подумал Перси и выдавил из себя:

— В последнее время Ковальчук вел себя нервно, стал злоупотреблять спиртным. Но тому есть объяснение — конфликт с резидентом Саливаном. И здесь я бы...

— Это нам известно! — перебил Кейдж и потребовал: Марк, забудь о шепетильности! Это не тот случай. Речь идет об угрозе национальным интересам страны, а не о бытовой склоке между сотрудниками.

— Понимаю.

— Будем говорить, как профессионалы. Нас интересует мотив, который мог подтолкнуть Ковальчука к предательству.

— Я уже отмечал: конфликт с резидентом Саливаном.

— Что еще?

— Возможно, разочарование в работе.

— О! Это существенно, — оживился Кейдж и поторопился: — В чем оно проявлялось?

— Так сразу и не вспомнить.

— Постарайся!

— Э-э были отдельные высказывания. Но они скорее носили эмоциональный характер, и являлись следствием конфликта с Саливаном. Тот, на мой взгляд, предвзято относился к Генри ... Ковальчуку

— Оставь Саливана в покое! Меня интересует Ковальчук. Что конкретно он говорил? — насел Кейдж.

Перси замялся и, пряча глаза, обронил:

— В такие минуты от него можно было услышать заявления типа: «надо больше бояться своих, чем врагов; что прежние заслуги ничего не стоят; что ЦРУ, не лучше КГБ».

— Даже так?! Подходящий фон для предательства! А какие материальные его проявления вы замечали? Я имею в виду: лишние деньги, дорогие покупки, романы с женщинами и так далее.

— Извините, сэр, но после перелета у меня в голове такая каша, что я не могу ручаться за точность и объективность ответов. Боюсь, что внесу только путаницу, — Перси уклонился от ответов, чтобы собраться с мыслями.

— Хорошо! Сделаем перерыв, — неожиданно проявил сговорчивость Кейдж и предложил: — Отправляйтесь в отель и набирайтесь сил, завтра нам предстоит напряженная работа.

— Насколько она затянется?

— Трудно сказать, ситуация сложная, но мы постараемся провести расследование в максимально сжатые сроки.

— У меня будет возможность встретиться с семьей?

— Да, конечно! Жена ждет тебя в отеле.

— Маргарет?! ... Здесь?! — удивился Перси.

— В номере. Все за наш счет.

Такая поразительная забота Кейджа, нисколько Перси не порадовала. За этим усматривалось только одно — скрытыми микрофонами и камерами контролировать каждое его слово и каждый шаг. «Главный инквизитор» цинично рассчитывал, что Маргарет развяжет ему язык. Внутри Перси все вскипело от возмущения, и ему стоило немалых усилий, чтобы удержать себя в руках. Тяжело поднявшись из кресла, он глухо произнес:

— Надеюсь, я свободен?

— Да, до завтра! — расплывшись в фальшивой улыбке, ответил Кейдж и, нажав кнопку на селекторе, распорядился: — Билл отвези Марка в отель и проследи, чтобы у него не возникло проблем.

— Будет исполнено, сэр! — заверил тот.

Оставив без ответа пожелание Кейджа приятно провести вечер, Перси вышел в приемную. «Бульдоги» снова

сопроводили его к машине. Отель находился поблизости от Лэнгли. Дежурный администратор с выправкой отставного военного, вышколенные горничные и вязкая тишина в холле лишней раз подтверждали подозрения Перси — его взяли под колпак. Тяжело ступая, он поднялся на второй этаж и там лицом к лицу столкнулся с Ковальчуком. Болезненная гримаса исказила осунувшееся лицо Генри, а в глазах разлился страх. От некогда искрящего весельем здоровяка осталась лишь бледная тень.

Глава 4

Майкл для Фантома.

...В развитие представленных Вами материалов постарайтесь получить детальные данные, относящиеся к последним испытаниям системы ПРО. Были бы весьма признательны, если бы Вы добыли не только выводную информацию, а и рабочие материалы.

...В интересах обеспечения Вашей безопасности предлагаем в ближайшем будущем перейти от прямых контактов к безличной форме поддержания наших отношений — посредством тайника. Тайник — это специально выбранное место, через которое мы будем обмениваться материалами. Носитель информации может быть закамуфлирован под бульжник, сучок, пачку от сигарет и т. п. В каждом конкретном случае мы будем сообщать, где будет произведена закладка тайника, и как будет выглядеть носитель информации.

К следующей нашей встрече подготовьте детальное описание мест Вашего жительства, службы и маршрутов движения к ним....

Дважды перечитав выдержки из первого и второго заданий резидентуры ЦРУ для Фантома, Градов возвратился к докладной записке генерала Сердюка. В ней содержался их

краткий анализ и предложения по дальнейшему развитию операции «Мираж».

На первый взгляд в докладной все было на своем месте, но, по мере того, как Градов вчитывался, тем все сильнее в нем нарастало раздражение. Его взгляд спотыкался на округлых формулировках: «предположительно», «вероятно», «наряду с этим», «вместе с тем» и тому подобное. За ними, как за пеленой тумана скрывались уловки американской разведки. Сердюк, что на него было не похоже, почему-то не высветил до конца ее хитроумные ловушки, в которые мог угодить Кочубей. Быстрый успех в операции, видимо, вскружил голову даже ему. Сам же Градов не обольщался. Хорошо зная по делам на последних разоблаченных шпионов хватку ЦРУ, он пытался разгадать будущие опасности, что поджидали его и подчиненных.

За безобидными фразами задания: *«...К следующей нашей встрече подготовьте детальное описание мест Вашего жительства, службы и маршрутов движения к ним...»*, — Градов усматривал не только стремление посольской резидентуры максимально уменьшить угрозу разоблачения своего ценного агента — перейдя на обмен информацией через тайник, но и обеспечить за ним плотный контроль.

Но это была проблема завтрашнего дня, а сегодня для Градова и его подчиненных настоящей головной болью стало последнее задание ЦРУ — представить к следующей явке математический алгоритм движение боевых блоков и полные установочные данные на ведущих разработчиков «Тополя». Несмотря на поддержку командующего ракетными войсками генерала Соловцова, в последнее время разработчики ракетного комплекса информацию давали весьма неохотно, и Агольцеву с Кочубеем чуть ли не с боем приходилось отвоевывать у них каждую цифру и каждую позицию. О том, как они поведут себя дальше, Градов мог сказать, не заглядывая в докладную Сердюка. Его предложение: не допустить утечки реальных секретов путем

имитации Кочубеем действий по их получению, которые бы создавали у ЦРУ иллюзию активной работы агента, Градов поддерживал, но, к сожалению, в докладной, кроме общих рассуждений, ничего не нашел и вернулся к заданию Фантому.

Ему не давала покоя фраза: *«...Были бы весьма признательны, если бы Вы добыли не только выводную информацию, а и рабочие материалы»*.

«Рабочие материалы? Зачем? Проверяют Николая? Или все гораздо проще? ЦРУ, а точнее американских разработчиков СОИ интересует не просто выводная информация, а сам процесс исследований со всеми тонкостями и особенностями?» — задавался этими вопросами Градов и пытался проникнуть в головоломку ЦРУ. И, снова обратившись к заданию, задержал внимание на абзаце: *«...Дополнительно нас будут интересовать любые данные, касающаяся ведущих разработчиков в области систем преодоления ПРО и навигации, а именно фамилия, имя, отчество, места жительства и проведения отдыха, номера телефонов и машин, привычки, увлечения, слабости...»*.

«Если вы считаете Фантома ценным агентом, то почему не бережете и гоните как на пожар? Почему? Где тут собака зарыта? Где?» — пытался разгадать ребус американской разведки Градов.

В докладной Сердюка он не нашел ответов и бросил нетерпеливый взгляд на часы. К этому времени должны были закончиться стрельбы, и Градов нажал на электронной панели кнопку вызова.

Ответил дежурный по Департаменту:

— Слушаю вас, товарищ генерал-полковник!

— Геннадий Васильевич, стрельбы закончились?

— Час назад, товарищ генерал-полковник.

— Если Сердюк с Писаренко подъехали, пусть зайдут ко мне!

— Есть! — коротко ответил дежурный.

Градов отпустил кнопку, встал из кресла и прошелся по кабинету. Несмотря на свои пятьдесят восемь, он двигался легко, сказывалась прошлая спортивная закалка. Рубашка с коротким рукавом подчеркивала хорошо развитую мускулатуру. Остановившись перед окном, он раздвинул шторы.

Веселый солнечный зайчик запрыгнул кабинет и беззаботно заскакал по стенам, которые немало повидали на своем веку, стали свидетелями многих трагических и героических страниц в истории отечественной военной контрразведки и судеб тех, кто ее возглавлял. В годы репрессий девять из тринадцати руководителей стали жертвами маниакальной подозрительности Сталина. Уцелели единицы, один из них — Виталий Федорчук впоследствии возглавивший КГБ СССР.

Во время войны здесь рождались замыслы многих блестящих разведывательных и контрразведывательных операций, проводившихся знаменитой СМЕРШ. Вершиной оперативного искусства и профессионального мастерства военных контрразведчиков стала операция «Загадка». В течение двух лет им удавалось водить за нос асов германской разведки. Ее руководитель — рейхсфюрер СС Гиммлер, отмечая «заслуги» агентурной группы «Иосиф», и не подозревал, что она «блестяще работала» не на него, а на Сталина.

Победный салют сорок пятого положил конец войне, но не тайному противоборству спецслужб бывших союзников. Это сполна ощутили на себе военные контрразведчики. В годы «холодной войны» ими была поставлена последняя точка в деятельности многих матерых шпионов. Бывший генерал ГРУ Поляков — о ком руководителя ЦРУ отзывались не иначе как: «...о самом драгоценном камне в короне американской разведки» — нанес тяжелейший урон советским спецслужбам — отдав на растерзание более тысячи своих коллег. Последнюю его «огранку» провели военные контрразведчики. Вместо золотых пляжей Майами преда-

тель попал в печь советского крематория. Ранее подобная участь постигла агента двух разведок: ЦРУ и британской МИ-6, бывшего полковника ГРУ Пеньковского. Возомнивший себя суперагентом и вершителем судеб целых народов, тщеславный предатель не успел покрасоваться в мундире британского полковника и добиться приема у королевы. «Выходным» костюмом для него стала арестантская роба. После них еще ряд клонированных высокопоставленных изменников получил по заслугам. Но не только секреты разоблачения предателей, а и множество других тайн хранили стены этого кабинета.

Застыв у окна, Градов смотрел на улицу и не замечал суеты человеческого муравейника. Его мысли занимала операция «Мираж». Ее ход вызывал двойкие чувства: с одной стороны активность американской разведки в работе с Фантомом — Кочубеем говорила о том, что она не заподозрила подвоха, а с другой сверхвысокий темп таил в себе угрозу. Ракетчики генерала Соловцова и разработчики из конструкторского бюро Соломонова каждый раз оказывались перед сложнейшей проблемой: что дать такого, и, при этом, не раскрыть главные секреты «Тополя».

Размышления Градова прервал звонок дежурного.

— Товарищ генерал-полковник, генерал Сердюк и полковник Писаренко прибыли и находятся в приемной! — доложил он.

— Пусть заходят! — распорядился Градов.

Сердюк и Писаренко, как были в полевой форме, так и вошли в кабинет.

— А-а, зверобои, как прошли стрельбы? — поинтересовался Градов.

— Зверобоев и Чингачгуков среди нас не обнаружилось, но и за молоком никто не бегал, — отшутился Сердюк.

— Это хорошо. Еще бы, Анатолий Алексеевич, ты чужие мысли научился читать, то цены тебе бы не было.

— О чем вы, Георгий Александрович?

— О шифровках ЦРУ и твоей докладной. Скажу прямо — слабовата! Как будто не ты писал.

— Слабовата?! — в голосе Сердюка послышалась обида.

Один из самых опытных и уважаемых сотрудников Департамента, на счету которого были десятки сложных операций, он привык к тому, что его предложения с лету находили поддержку у руководства. Поэтому критика Градова, а еще больше тон, больно ударили по самолюбию Сердюка. В последнее время ему стало казаться, что кое-кто из молодых коллег стал снисходительно посматривать на «деда Толю». Его служба в военной контрразведке, которой было отдано 35 лет, подходила к концу и, как бы то ни было горько осознавать, впереди ждала пугающая неизвестностью «гражданка».

— Ты только не обижайся, Анатолий Алексеевич, но я, честно говоря, рассчитывал на большее, — смягчил тон Градов.

— Товарищ генерал, мне кажется, я отразил все позиции! — возразил Сердюк.

— Отражить-то отразил. Но в том отражении я увидел такие козьи морды, что мне за Кочубея стало грустно.

— Не понял, товарищ генерал? Вы хотите сказать, я...

— Да, погоди ты, Анатолий! Не заводись! — остановил его Градов и предложил:

— Присаживайся, как говорить: в ногах правды нет.

— Георгий Александрович, мне может выйти? — деликатно заметил Писаренко.

— Василий Григорьевич, ты эти свои политесы брось! Тут все свои. Проходи! Будем вместе разбираться с теми крючками, что под нас подводит ЦРУ! Как говорить, одна голова хорошо, а три лучше, — старался наладить рабочую атмосферу Градов.

Сердюк промолчал и, заняв место за столом заседаний, взглянул на докладную. Она была испещрена пометками

Градова. Такого с его документами давно не происходило. Наохлившись, он ждал, что скажет Градов. Тот, щадя его самолюбие, сохранял доброжелательный тон:

— Анатолий Алексеевич, пойми меня правильно: но, похоже, вчера был не твой день. То ли успех в операции вскружил голову, то ли что другое, но ты пошел по накатанной колее. Я несколько раз перечитал докладную, и у меня возникло больше вопросов, чем я получил ответов.

— Неужели все так плохо? — обронил Сердюков.

— Речь не о том. В целом изложено все по делу. Но почему ты обошел стороной камни, которые ЦРУ хитро подбросило в наш огород?

— Что вы имеете в виду?

— Ты расценил задание ЦРУ, связанное с предоставлением Кочубеем информации о маршрутах своего движения, только как подготовку к работе через тайник.

— Так они об этом сами пишут!

— Пишут? А между тех самых строк я читаю другое: не пытаются ли они таким образом проверить Кочубея?

— Так это же само собой разумеется?! Поэтому я не стал расписывать в деталях.

— А зря! В деталях — черт запряган!

— Товарищ генерал, всего не предусмотреть!

— Не спорю. Да, у тебя изложены толковые рекомендации, но они хороши для учета в организации работы по американской линии. А у нас конкретная ситуация, и ее надо решить конкретно.

— Ясно, товарищ генерал, разрешите прокачать все варианты и доложить завтра, — сухо сказал Сердюк.

— Хорошо! — не стал настаивать Градов и, обратившись к Писаренко, потребовал:

— Василий Григорьевич, ты тоже не должен остаться в стороне! Разрешаю привлечь к работе способных сотрудников, но без всякой привязки к Кочубею.

— Есть! — принял к исполнению Писаренко.

— Итак, будем считать, что с первой частью определились, — подвел предварительный итог Градов и продолжил совещание:

— Что касается второй части — информационного обеспечения операции, то и здесь немало проблем. С таким волчьим аппетитом ЦРУ мы быстро выдохнемся.

— Уже выдыхаемся. Агольцеву и Кочубею с боем приходится вырывать каждую цифру, — посетовал Сердюк.

— А если подsunуть старые разработки по «Тополю», и пока в ЦРУ будут разбираться, мы выиграем время? — предложил Писаренко.

— В ЦРУ, может и проглотят. А как быть с инженерами? Их-то не проведешь, — возразил Сердюк.

— Тогда надо переводить игру на другое поле, — не сдавался Писаренко.

— Ну-ка, ну-ка, Василий Григорьевич, с этого места подробнее, — оживился Градов.

— Замкнуть их интерес на разработчиках «Тополя». В задании они просят Фантома, чтобы тот дал такие наводки, вот пусть и дает.

— Тогда уж сразу замкнуть на Главного конструктора — Соломонова, — с сарказмом произнес Сердюк.

— Погоди, погоди, Толя, тут есть рациональное зерно! Что конкретно предлагаешь, Василий Григорьевич?

— Дать наводку на Соломонова, Быкова, Федорова или Мальцева. Они уже засвечены перед прессой.

— Соломонов? Не пойдет. Где Соломонов и где Фантом? — с ходу отмел это предложение Градов.

— Георгий Александрович, я имел в виду как вариант, а так, естественно, надо спуститься на более низкий уровень. Мальцев подойдет.

— И чем он хорош?

— Надежен. В прошлом выполнял наши задания.

— Хочешь сказать, что его можно пустить дублером к Кочубею?

— А почему бы и нет? Кроме того, он серьезный ученый и у ЦРУ вызовет несомненный интерес. В результате мы получаем передышку и новый вариант для продолжения операции.

— А что, мысль! Ты же, кажется, с ним работал, — вспомнил Градов.

— Шесть лет назад! — подтвердил Писаренко.

— Вот тебе и карты в руки.

— Я готов, но могут возникнуть проблемы, Георгий Александрович.

— Это, какие же?

— Сейчас Мальцев имеет доступ к особо охраняемым секретам «Тополя». Даст ли Директор санкцию на его подключение?

— Согласен, проблема. Но мы-то на что? Так друзья, проработайте ситуацию в комплексе. Даю два дня! — закончил совещание Градов и, возвратив Сердюку докладную, рекомендовал:

— Анатолий Алексеевич, то, что в ней изложено, возьми за основу. Прежде чем подключать к операции Мальцева вместе с Василием Григорьевичем взвесьте все «за» и «против». Не лишним будет, если предварительно прощупать мнение самого Мальцева на сей счет! У меня все, вопросы?

Сердюк пожал плечами, а Писаренко коротко ответил:

— Нет!

— В таком случае, светлых вам мыслей, — пожелал Градов.

В приемную Сердюк вышел мрачнее тучи. Дежурный, выглянувший из-за перегородки, поспешил ретироваться. Тяжелый взгляд генерала ничего хорошего не сулил. Упреки, прозвучавшие на совещании, лишний раз напомнили Сердюку о возрасте, ведь старше его в руководстве Департамента никого не осталось. Тот же Градов был на полгода моложе и в центральный аппарат пришел, когда Анатолий

Алексеевич уже занимал должность начальника ведущего отдела и был в приятельских отношениях с самим Михаилом Барсуковым. Дружба с ним открывала перед Сердюком заманчивые перспективы. В всяком случае, в частных разговорах Михаил не раз намекал на это.

После августа 1991 года, те, кто входил в окружение Президента Ельцина, сделали головокружительную карьеру. Барсуков оказался одним из них. Добрейшей души человек и знаток тайн древнего Кремля, он и не помышлял о стремительном взлете на политический олимп. Все переменялось в один миг: дружба с всемогущим Александром Коржаковым, близким к Президенту России, привела Барсукова в кабинеты кремлевской власти. Не успели высохнуть чернила на указе Ельцина о назначении на должность Директора, как на погоны Барсукова обрушился настоящий звездопад. За два года подполковник вырос в звании до генерала армии. Даже неудача под селом Первомайское, когда банде Радуева удалось вырваться из окружения, не поколебала его положения. В ситуации, когда Кавказ напоминал пороховую бочку, Ельцин остро нуждался в поддержке силовиков.

Роковая неудача подстерегла Барсукова и Коржакова там, где ее не ждали. Прямые и решительные в «поле», они поскользнулись на придворном паркете. Наступил 1996 год. Впереди предстояли выборы Президента России, и Коржаков, Барсуков и, примкнувший к ним министр обороны Грачев, делали все возможное, чтобы Ельцин остался на своем посту. Конкуренты тоже не дремали. И в итоге Коржакова, Барсукова и Грачева просто вымели из Кремля. Все это всплыло в памяти Сердюка, и он с грустью подумал:

«Может оно и к лучшему. Миша давно на фазенде, а ты еще служишь. Нет, Толя, гражданка не для тебя».

— Алексеич, так что будем делать? — напомнил о себе Писаренко.

Сердюк встрепенулся и предложил:

— Давай-ка вечером все обмозгуем.

— Ладно, так еще лучше, а то у меня в голове нет ничего дельного, — охотно согласился Писаренко.

Сердюк возвратился к себе. Открыв докладную, он попытался новым взглядом посмотреть на нее и на замечания Градова, но сосредоточиться не успел. Раздался стук в дверь, и в кабинет уверенно вошел Агольцев. Бросив взгляд на Сердюка, тут же погрузился.

— Что, задробили? — голосом спросил он.

— Не то слово, Витя, камня на камне не оставил! — с горечью произнес Сердюк.

— Неужели все так плохо?

— Не устроил наш подход к ситуации вокруг Кочубея и его информационное обеспечение.

— Анатолий Алексеевич, а к нам какие претензии? Что дают ракетчики, то и сплавляем американцам.

— Витя, за операцию отвечаем мы, а не подчиненные Соловцова. Нет, Градов прав, надо искать нестандартные варианты. Найдем, — выиграем время, а значит и всю операцию.

— Легко сказать, в ЦРУ не дураки сидят, я уж не говорю про их науку. Мы же не фокусники! — кипятился Агольцев.

— Остынь, Витя, лучше прокачай с ребятами одно предложение.

— Какое?

— О подключении Мальцева к операции в качестве у отвлекающего маневра.

— Мальцева?! Да вы что, Анатолий Алексеевич?! Он же к таким секретам допущен! Тогда уж сразу весь «Тополь» сдать! Я...

— погоди! И выслушай! — перебил Сердюк и взялся разъяснить новый поворот в операции, родившийся в кабинете Градова.

— Никто вторым номером Мальцева пускать не собирается. Кочубей даст на него общую наводку, и пока ЦРУ будет возиться, мы выиграем время. Кроме того, через Мальцева мы получим второй канал и возможность дополнительного контроля над ходом операции.

— Польза сомнительна, а вред очевиден, — буркнул Агольцев.

— Витя, давай без «ахов» и «охов». Время не ждет! Какие будут предложения? — положил конец спору Сердюков.

— Будем искать, — без энтузиазма ответил тот и, забрав докладную, возвратился к себе.

Там его с нетерпением ждали Кочубей с Остащенко.

— Ну как прошло? Одобрили? — набросились они на Агольцева.

— Прошло-пошло и боком вышло, — в сердцах бросил Агольцев и швырнул докладную на стол.

Николай с Юрием склонились над ней, и их лица вытянулись. Резолюция Градова на первом листе отсутствовала, вместо нее стоял жирный вопросительный знак, а ниже докладная пестрела пометками.

— Да, попали под горячую руку. Живого места не оставил, — удрученно произнес Кочубей.

— И что теперь? — недоумевал Остащенко.

— А то. Думать будем! — отрезал Агольцев.

— Так вроде... — заикнулся Кочубей.

— Вроде, в огороде, Коля. Поставлена задача: проработать вопрос о подключении Мальцева к операции.

— Кого-кого? — переспросил Остащенко.

— Это один из разработчиков. Двигает науку в академии Петра Великого, — пояснил Кочубей.

— А ты его хорошо знаешь? — спросил Агольцев.

— Пару раз консультировался.

— Уже неплохо. Надо с ним встречаться.

— Не получится.

— Это же почему?

— Он в командировке, в Плесецке.

— Вот черт! Этого еще нам не хватало! — чертыхнулся Агольцев и тут же принял решение: — Так, Коля, полетишь в Плесецк!

— А можно и мне, Виктор Александрович, — вызвался Остащенко.

— Еще чего! Я что ли за тебя буду готовить предложения по закладке тайника? — отрезал Агольцев.

— А что готовить, если в ЦРУ за нас все решили. Пачка сигарет...

— Какая еще пачка?

— Можно бульжник, но Коле он не подходит.

— Юра, уймись, сейчас не до того! — нахмурился Агольцев.

— Виктор Александрович, нет, пусть объяснит! В делах на Данилова и Сычева, именно, камуфляж бульжника использовался для передачи информации, — вернулся Кочубей к спору с Остащенко.

— А потому, не пойдет, что бульжник — орудие пролетариата, — хмыкнул Остащенко.

— И что с того? — недоумевал Агольцев.

— А то. Фантом — не пролетарий, тем более в стране с социализмом покончено и мы вроде как семимильными шагами движемся к капитализму.

— А штаны не порвутся? — язвительно заметил Агольцев.

— Штаны не страшно, главное, чтобы народ понял.

— Ты на что намекаешь? Говори яснее!

— Виктор Александрович, так вы это лучше меня должны знать, — остался невозмутимым Остащенко.

— Юра, не морочь голову! Давай по делу! — потерял терпение Агольцев.

— А я по делу, Виктор Александрович. Помните времена, когда на полках шаром покати было?

— Ну? И что?

— А то, собралась в магазине толпа и орет: «Где мясо? Мясо давай!»

Торгаши в панике. Звонят в райком. Там не знают, что делать. Кто-то вспомнил о старом большевике, который с Лениным на субботнике бревно таскал. Вызвали его и просят успокоить толпу. Вышел он к ней и спрашивает: «Товарищи, что мы с вами строим?»

Ему в ответ: «Мяса! Мяса давай!».

А он свое гнет. Наконец, нашелся продвинутый: «Развитой социализм».

«Молодец! Правильно! — похвалил старый большевик и дальше: А как мы к нему идем, товарищи?»

Толпа притихла. Отдельные политически незрелые еще продолжали бухтеть: «Мяса хотим!» А продвинутый снова блеснул знаниями: «Ударными темпами!». А кто-то поддакнул: «Семимильными шагами!»

«Вот — вот семимильными шагами! — подхватил старый большевик, и затем уложил всех на лопатки: Вот в том и дело, товарищи! Мы к социализму идем семимильными шагами, а скотина того не знает и потому за нами не поспевает!»

— Стоп, Юра! Ты к чему нас призываешь? — с лица Агольцев сошла улыбка.

— Я, ни к чему. Морочим себе голову булыжниками, а проблема в другом.

— В чем?

— Сегодня в штабе РВСН, меня, мягко говоря, послали куда подальше!

— Что?!

— Секреты для американцев у них кончились.

— У-у, — застонал Агольцев и, бросив взгляд на Кочубея, объявил: — Все! Немедленно летишь в Плесецк!

— Так у меня же... — опешил Николай.

— Решено! Жди приказа! — был непреклонен Агольцев.

Свое слово он сдержал. Не прошло и четырех часов, как Николай оказался на авиабазе «Чкаловская» и вылетел в Плесецк. Там его встретил старший оперуполномоченный майор Олег Анисимов. Не заезжая в отдел военной контрразведки, они направились в центр предстартовой подготовки.

Узкая полоска бетонки, повиляв по дремучей тайге, вывела к серой громаде монтажно-испытательного корпуса. В его стенах инженеры и рабочие, вместе с создателями «Тополя» проводили сборку ракетносителя. Здесь действовал строгий порядок для всех — красные корочки Николая и Олега не произвели впечатления на контролера. Он придирчиво изучил документы, сверил фамилии со списком на допуск и только потом разблокировал проход. Массивная стальная дверь с тихим шорохом открылась, и Николай с Олегом прошли в шлюз. Анисимов прослужил на полигоне чуть больше четырех месяцев, но уже уверенно ориентировался в лабиринте коридоров. Они прошли в просторную комнату. Одна из ее стен представляла собой огромное окно, за которым открылась величественная панорама. Впервые в своей жизни Кочубей оказался в святая-святых ракетно-космической техники и с жадным любопытством разглядывал застывшую в металле колоссальную мощь.

В центре просторного зала находились две, напоминавшие собой огромные сигары, ступени ракеты. Опутанные множество кабелей, тянувшихся к пультам контроля, панели которых то тревожно вспыхивали, то загадочно перемигивались, они скорее напоминали сложного пациента на больничной койке, чем грозное оружие. Подобно муравьям ступени облепили разработчики, заводчане и испытатели с полигона.

Прежде чем пройти дальше, Кочубею и Анисимову пришлось выслушать инструктаж руководителя работ. Затем, облачившись в специальные костюмы, они вошли в главный зал. В нем царил стерильная чистота и рабочая тишина, которую нарушали приглушенные голоса, легкое шуршание и загадочные, монотонно повторяющиеся щелчки. Кочубей остановился, присмотрелся к тем, кто работал на первой ступени ракеты, увидел Мальцева и предложил:

— Все, Олег, дальше я сам.

— Хорошо, если что, я рядом, — предупредил тот.

— Ладно. Встречаемся через час на улице.

— Договорились, — согласился Анисимов.

Николай направился к сборочной бригаде. Склонившись над чертежами, Мальцев и двое инженеров что-то оживленно обсуждали. Помявшись, Кочубей окликнул:

— Виктор Петрович, вас можно побеспокоить?

Мальцев обернулся, и на его лице появилась недовольство.

— Еще раз прошу прощения, но вопрос не терпит отлагательства, — проявил настойчивость Кочубей.

— Не терпит? — буркнул Мальцев и, сняв перчатки, спустился вниз.

Узнал Кочубея, с раздражением произнес:

— А-а, это вы?!

— Добрый день, Виктор Петрович, — сохранял доброжелательный тон Николай.

— От вас дожدهшься доброты, — Мальцев не был расположен к разговору.

— Ну, почему так сразу...

— А что мне прикажете думать, когда режимщик по мою душу на полигон примчался? — перебил Мальцев.

— Я не режимщик.

— А кто же?!

— Военная контрразведка.

— Контрразведка?! — и Мальцев напрягся.

— Не волнуйтесь, Виктор Петрович, все нормально, — поспешил рассеять его опасения Кочубей.

— Беспокоиться?! Молодой человек, я не в том возрасте, чтобы так шутить!

Их разговор привлек внимание окружающих. Николай взял под локоть Мальцева, отвел в сторону. В глазах Мальцева читался вопрос: «Что случилось?»

Кочубей решил говорить начистоту и заявил:

— Виктор Петрович, нам нужна ваша помощь!

— Помощь?! — удивился Мальцев

— Да! — подтвердил Николай и спросил:

— Здесь есть свободная комната, чтобы спокойно поговорить?

Мальцев кивнул головой и направился к двери с табличкой «9». Кочубей последовал за ним. Помещение было напичкано аппаратурой. Мальцев, присев на стул, долго разглядывал его, затем поинтересовался.

— И в чем эта помощь должна заключаться?

— Речь идет о важной операции, которая ведется против иностранной спецслужбы, — перешел к делу Кочубей.

— Все это, конечно, занимательно, но я-то, какое к ней имею отношение? — недоумевал Мальцев.

— Это уже зависит от вас.

— Молодой человек, вас, кажется, зовут Николай?

Кочубей кивнул в ответ.

— Так вот, Николай, давайте говорить по существу.

— Хорошо! Спецслужбу интересует «Тополь» и его разработчики.

— А-а! Вот в чем дело!

— Есть и другое важное обстоятельство — вы представляете специфику нашей работы, — напомнил Николай о прошлых контактах Мальцева с военной контрразведкой.

— Как говорится: спасибо за высокое доверие, но в моем возрасте играть в разведчиков уже поздно. Ну какой я Штирлиц.

— Виктор Петрович, речь не о нем.

— А на Бонда я точно не потяну.

— Я понимаю вашу обеспокоенность. Но мы гарантируем личную безопасность, — использовал еще один аргумент Николай.

— Безопасность? Но я не банкир и не олигарх! — с улыбкой заметил Мальцев.

— Но у вас есть то, что дороже денег.

— Хотите сказать, голова?

— Да.

— Сегодня она не представляют никакого интереса. Все открытия совершаются до сорока лет, а мне пятьдесят три!

— Виктор Петрович, не надо скромничать. Если разведка ищет на вас выход, то это о чем-то говорит, не так ли?

— И все-таки, найдите кого-то другого. Я староват для подобных дел, — отказался Мальцев от участия в операции.

Это был удар для Кочубей. Он, имея за плечами десятилетний опыт оперативной работы, не смог подыскать весомые аргументы, чтобы убедить собеседника стать единомышленником. Серьезная профессиональная неудача! Николай размышлял, не зная, как закончить трудный разговор. Мальцев тоже чувствовал себя неловко и, избегая смотреть в глаза, смущенно произнес:

— Извините Николай, что не оправдал ваших надежд. Я представляю, какой это каторжный труд и боюсь, что не потяну. Сотрудничество с Василием Григорьевичем, осталось в прошлом....

— С Писаренко?! — воскликнул Кочубей.

— А вы его знаете?

— Да. Он с большой теплотой отзывался о вас.

— Спасибо! Должен вам сказать, он очень интересный человек! И дело у нас было интересное! — голос Мальцева потеплел.

— Жаль, что у нас такого дела не будет, — с горечью произнес Кочубей.

— Да погодите, Николай! Я же не сказал, нет. Вопрос в том, смогу ли я потянуть тяжкий шпионский груз?

— Поможем! Повезем вместе: вы, я и Василий Григорьевич!

— А не получится, как в той басне?

— Исключено! Чтобы не было трепежу, все будем делать по чертежу! — повторил Кочубей любимую присказку полковника Агольцева.

— Трепежу — чертежу? Интересный подход!

— Я хотел сказать по плану.

— Ну, если только по плану, тогда согласен, — с улыбкой ответил Мальцев.

— То есть, я могу рассчитывать на вашу помощь? — все еще не мог поверить Кочубей.

— А почему бы не тряхнуть стариной?

— И тряхнем, Виктор Петрович! Еще как тряхнем! — радость переполняла Кочубея.

— Когда приступать к работе? — перешел на деловой тон Мальцев.

— Быстрее, чем вы думаете. Мое руководство ждет результатов нашей беседы.

— Будем считать вопрос решенным.

— Спасибо. Для нас это очень важно, — произнес Кочубей.

— А как быть с моей командировкой на полигоне?

— Приказ о вашем откомандировании в Москву поступит в ближайшие дни. Там и займемся проработкой вопросов.

— Хорошо.

— До скорой встречи, Виктор Петрович! — не стал больше отвлекать Мальцева Кочубей.

— До скорой, — ответил Мальцев и потом еще долго провожал контрразведчика взглядом.

В тот же день в ДВКР ФСБ России поступила служебная записка по ВЧ.

Совершенно секретно

Только лично

Генерал-майору А. Сердюку.

27 августа проведена беседа с известным Вам кандидатом для участия в операции «Мираж». Получено его принципиальное согласие.

*Старший оперуполномоченный по ОВД
подполковник Н. Кочубей*

Глава 5

В холле второго этажа отеля царил тишина. Ковровая дорожка скрадывала шаги. Безликие стены, отделанные специальным материалом, гасили шум, и Перси показалось, что он слышит прерывистое дыхание Ковальчука. Тот не решался сделать шаг навстречу и потерянно топтался на месте. Его осунувшееся, с глубоко ввалившимися глазами лицо пошло красными пятнами, губы дрогнули.

Перси смотрел на Ковальчука ненавидящим взглядом — ярость переполняла его. Тот, кого он до вчерашнего дня считал другом, с которым делал одно общее дело, стал врагом. Его так и подмывало бросить Ковальчуку в лицо: «Мерзавец! Подлец!». Но разум возобладал над чувствами. Холл вряд ли оборудован скрытыми микрофонами и камерами «Главного инквизитора» — Фрэнсиса Кейджа, а значит, была возможность «прощупать» Ковальчука и понять, к чему готовиться. Перси буркнул:

— Хэлло, Генри.

Лицо Ковальчука исказила жалкая гримаса. Он неловко переступил с ноги на ногу и промямлил:

— Марк, я благодарен Господу, что он нас свел вместе.

— Скорее дьяволу.

— Ну зачем ты так?

— А как? Когда тебя потрошат у «Главного инквизитора».

— Ты был у него?!

— Только что.

— И?

— Будто не знаешь? Пятки до сих пор горят.

— Тебя-то за что?

Выдержка изменила Перси, пальцы сжались в кулаки, и он сорвался на крик.

— Ты еще спрашиваешь? А кто всю эту кашу заварил? Кто?!

Вопросы остались без ответов. Ковальчук вжал голову в плечи и отшатнулся к колонне. Вспышка ярости, охватившая Перси, могла разразиться градом ударов, но тот овладел собою и глухо обронил:

— Извини, Генри, нервы.

— А у меня... Ковальчук махнул рукой, и его прорвало:

— А все из-за этой свиньи Саливана! Ничтожество! Мерзавец! Завалил работу и пытается выставить меня русским кротом! Меня! Я...

— Перестань орать, Генри! Ты хочешь, чтобы слышал весь отель? — одернул его Перси.

— А мне нечего бояться! Это пусть Саливан за свою шкуру трясется.

— Оставь его в покое. Нам надо думать о своей.

— Значит мы вместе, Марк?! Ты не веришь в их шпионские бредни? — в глазах Ковальчука появилась надежда.

— Нет. Но, чтобы выбраться из этого дерьма, надо разобраться и понять: откуда ветер дует.

— Да-да, конечно!

— Но только не здесь.

— Пошли ко мне в номер, — предложил Ковальчук.

— Под микрофоны и камеры Кейджа? Нет! — отказался Перси.

— Ах, да! Голова уже ничего не соображает.

— Где мы можем поговорить без чужих ушей и глаз?

— Есть одно место.

— Веди, — согласился Перси.

Ковальчук распахнул дверь, они вышли на террасу и осмотрелись. Перед ними раскинулся тенистый внутренний дворик. Щебетали птицы, убаюкивающее журчала вода в фонтане. Саму террасу от любопытных глаз надежно закрывал густой ковер из плюща. Страхуясь от прослушки, Ковальчук включил вентилятор.

— Марк, не держи на меня зла. Я перед тобой чист! — заявил он и предложил: — Давай проблему решать вместе.

— Какую? — схитрил Перси.

— Ту, что раздул Саливан, и потом подхватили в Службе специальных расследований. Идиоты! Все это выведенного яйца не стоит.

— Так какого черта я здесь, а не в Киеве?! — воскликнул Перси.

— Марк, не горячись и выслушай до конца. Клянусь, я чист перед тобой и каяться мне не в чем.

— Кейдж так не считает.

— Он болван! Произошло роковое стечение обстоятельств. Он подхватил горячечные фантазии Саливана.

— Да, погоди ты с роком и с фантазиями! Мы не в Голливуде! Мы профессионалы и давай говорить языком фактов! — потребовал Перси.

— Хорошо, хорошо! — согласился Ковальчук.

— Так в чем тебя обвиняют?

— Обвиняют?! Выходит и ты...

— Извини, оговорился. Что они имеют против тебя?

— Ничего конкретного. Одни только домыслы.

— Генри — это не разговор! Давай по существу!

Ковальчук с трудом выдавил из себя;

— Кейдж лепит из меня русского крота! С ума сошел! Я — крот?! Абсурд! Ты же это понимаешь?

— Генри, дело не во мне, а в них. Они же не из пальца все это высосали? Есть же какие-то основания?

— Какие к черту основания? Дохлая наводка.

— Какая? От кого? Говори толком! — начал терять терпение Перси.

— На меня от нашего агента у русских.

— Агента?! — неприятный холодок заструился по спине Перси и голос дрогнул: — И кто он?

— Так Кейдж и скажет. Я сам догадался! — заявил Ковальчук и пустился в пространные рассуждения.

Перси слушал его в пол-уха, а в голове вихрем пронеслась мысль: «Наводка агента? Какого? Собственно, какая разница? От этого не легче! Где он сидит? В СВР или ФСБ? Но если засвечен Фантом, то, скорее всего в ФСБ».

От этой мысли Перси и вовсе стало страшно. Если раньше у него еще теплилась надежда на то, что расследование ограничится перетряхиванием «грязного белья» в киевской резидентуре и потом уйдет в «песок», то теперь стрелки сходились на нем и Ковальчуке. Поэтому рассчитывать на снисхождение Кейджа не приходилось. Что касается операции, то, по большому счету, уже не имело принципиального значения: являлся Ковальчук тем самым русским кротом, которого разыскивал Кейдж или он действительно стал жертвой рокового стечения обстоятельств. В таких случаях Директор не церемонился и безжалостно отстранял от работы как правых, так и виноватых.

«Я-то чем виноват, если где-то произошла утечка? Почему я должен расплачиваться за других? Почему?» — терзался Перси.

— Марк, ты меня не слушаешь? — как сквозь вату донесся до него голос Ковальчука.

— Слушаю, слушаю, продолжай, — включился Перси.

— Так ты понял, что против меня у них ничего нет, кроме наводки этого пресловутого агента!

— Агента? И что, он прямо указывает на тебя?

— Нет. Все вокруг да около.

— Но этого одного мало, чтобы вытаскивать нас в Англи и бросать под Кейджа.

— Я же говорю: одни инсинуации, которые родились в воспаленном мозгу Саливана. Этому сумасшедшему повсюду мерещатся русские шпионы, — продолжал твердить свое Ковальчук.

Но его глаза говорили Перси другое, и он потребовал:

— Генри, не держи меня за болвана! Говори начистоту! Ковальчук, потупившись, промямлил:

— Помнишь, я рассказывал о разработке одного русского?

— Да, что-то такое было, но как это связано с нами?

— Сейчас поймешь. Два месяца назад я познакомился с русским в ресторане «Гетман». Разговорились, мне он показался перспективным кандидатом на вербовку. Потом были еще две встречи...

— Генри, ближе к делу и Фантому! — торопил Перси.

Лицо Ковальчук пошло бурыми пятнам, и он с трудом выдавил из себя:

— Он оказался из контрразведки.

— Ты хочешь сказать из ФСБ?!

— Да!

— А как он оказался в Киеве?

— Приехал в отпуск к родителям.

— Допустим, но как ты узнал, что он из ФСБ?

— Не я, а Саливан.

— Саливан?! А он тут с какого бока? — удивился Перси.

— Русский находился в разработке у Берда, и я попал под слежку.

— В разработке у Берда? Тогда я уже ничего не понимаю!

— Видишь ли, я не доложил Саливану о контакте с русским.

— Но почему?!

— Ты же знаешь о моей неприязни к нему.

— Ну.

— Я рассчитывал поставить Саливана перед фактом, чтобы не загубить разработку. А он, мерзавец, раздул из мухи слона и теперь меня пинают все кому не лень. Я, русский шпион?! Бред!

— Стоп, Генри! А как все это связано со мной и Фантомом? Как? — окончательно запутался Перси.

— Хоть убей, Марк, не знаю! Не знаю! — твердил Ковальчук.

— И все-таки это крутится рядом с тобой. Думай! Вспоминай!

Ковальчук явно нервничал. Перси не спускал с него глаз. Ключ к разгадке головоломки с Фантомом сейчас находился в руках того, кто вольно или невольно оказался в центре последних драматических событий. Ковальчук отрывисто произносил какие-то фразы. Одна из них: «Кейдж требовал от меня данные по «Тополю»? Зачем?» — дала толчок мыслям Перси. Сработала скорее интуиция, а не логика.

— Генри, повтори, что ты сейчас сказал! — перебил он Ковальчука.

— Что-что?

— Повтори, что ты сказали

— Есть идея, Марк? — встрепенулся Ковальчук.

— Пока не знаю. Повтори!

— Кейдж допытывался: какие сведения мне стали известны из списка Фантома?

— Из какого списка?

— Того, что он оставил в камере хранения киевского вокзала.

— Списка? В камере хранения? Агент русских? Фантом? Как это все связано между собой? — вслух размышлял Перси, пытаясь найти отгадку.

Его гибкий и пытливым ум искал связь между списком Фантома, Ковальчуком и неведомым агентом, который сообщил ЦРУ об охоте ФСБ за продавцом секретов «Тополя». Перси пытался увязать в логическую цепочку, то, что

ему стало известно от Кейджа с тем, что сейчас рассказал Ковальчук, но она не складывалась. Из всей этой мешанины неоспоримым оставался факт — список секретов Фантома, стал известен русской контрразведке. Объяснения этому Перси не находил, но теперь, после хоть и путаного рассказа Ковальчука, ситуация с Фантомом и собственное положение ему не казались столь безнадежными. Многолетний опыт подсказывал Перси: русской контрразведке понадобится не один месяц, чтобы по перечню секретов выйти на их источник. Поэтому он уже не столь мрачно смотрел на мир и на терзавшегося Ковальчука. Ему стало жаль бедолагу, оказавшегося жертвой обстоятельств и предвзятого отношения начальников. К сожалению, в последнее время в разведке такое происходило все чаще. После провалов в Ираке и Афганистане, система начала съедать сама себя. За ошибки политиков приходилось расплачиваться им — разведчикам.

— Генри, все будет о'кей! Мы им еще покажем, — заверил он.

— Значит, ты не поверил в эти бредни, Марк? Не поверил? — воскликнул Ковальчук.

— Нет! Мы с тобой работаем не первый год.

— Спасибо! Если бы ты знал, как это для меня важно. Я тебе очень благодарен.

— Держись, Генри! А сейчас извини, меня ждет Маргарет, — закончил разговор Перси.

— Да, да, конечно, конечно, прости, что задержал, — извинился Ковальчук и распахнул дверь террасы.

Перси возвратился в холл, но, прежде чем пройти в номер, задержался у зеркала, посмотрел и не узнал себя. На него смотрел смертельно усталый человек с серым лицом.

«Господи, что подумает Маргарет? — ужаснулся он. — Надо, что-то делать? Что? Первое — немедленно избавиться от этого похоронного вида! Как? Выбрось из

головы Кейджа. У тебя все о'кей, Марк! Легко сказать. Маргарет не проведешь, она жена разведчика. Ты успешно выполнил опасное задание и тебя вызвали для доклада. Тебя, а ее зачем? Вот! У тебя нервный срыв, и врачи рекомендовали отдохнуть».

Последнее объяснение Перси показалось наиболее убедительным. Он решительно направился к номеру, энергично постучал в дверь и, не дождавшись ответа, шагнул в прихожую.

— Марк?! Милый! — возглас Маргарет, в котором смешались радость и тревога, сжал ему сердце.

В дверном проеме возникла легкая тень. Перси рванулся навстречу, и они крепко обнялись. Маргарет трепетными поцелуями касалась его щек, а с губ срывалось:

— Ты, жив! Ты здесь! Чего только я не передумала, пока летела сюда.

— Все хорошо, милая. Мы вместе. Я в порядке, — успокаивал он.

— Почему не позвонил? Сам? Почему они...

— Успокойся, родная! Все хорошо! Все хорошо! — повторял Перси и нежно гладил ее по пышной копне волос.

Силы оставили Маргарет, и она бессильно повисла на его руках. Он внес ее в гостиную и усадил в кресло. Его вид, как он не храбрился, говорил сам за себя. Маргарет воскликнула:

— Господи?! Что они с тобой сделали? Ты ранен, болен?!

— Нет-нет! На мне ни царапины.

— На тебе лица нет!

— Трудное задание. Теперь все позади, — невнятно бормотал Перси.

— Ты, ты... — спазм перехватил горло Маргарет.

Ей не хватало воздуха. Перси бросился к холодильнику, схватил бутылку, сорвал пробку и, расплескивая воду, наполнил стакан и подал Маргарет. Она сделала несколько глотков, затем закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Прошла минута, другая, спазм прошел,

на щеках Маргарет проступил слабый румянец, а голос снова окреп.

— Марк, тебе надо к доктору! — потребовала она.

— Да-да, — не стал спорить он.

— Сейчас! Немедленно!

— Это лишнее. Док осматривал меня в Киеве и ничего не нашел. Нервный срыв, что поделаешь, годы берут свое.

— Тем более!

— Маргарет, ты мой самый лучший доктор.

— Марк, если тебе и твоим начальникам наплевать на здоровье, то...

— Не наплевать. Это они тебя вызвали? — перебил Перси.

— Да. Но почему не предупредили, что ты болен?

— Это я попросил.

— Ты?! Но зачем?

— Чтобы не трепать тебе и детям нервы.

— Нет, Марк, ты что-то от меня скрываешь?

— Успокойся дорогая, самое худшее позади.

— Марк, ты выглядишь ужасно! Я настаиваю на обследовании у доктора!

— Непременно, как только закончу дела в Лэнгли, — заверил он и, чтобы уйти от опасной темы, поинтересовался: — Как дома? Как дети? Как Джим?

— Все хорошо. Джимми сделал первые шаги, — на лице Маргарет впервые появилась улыбка.

По ее щекам потекла тушь. Перси зашарил по карманам в поисках платка. Маргарет, стыдливо пряча лицо, принялась убирать салфеткой следы косметики. Оставив ее одну, он прошел в гостиную и стал распаковывать чемодан. На кровати выросла горка белья, а на столе коллекция сувениров. Среди них не оказалось забавной матрешки — подарка для Джимми. Перси принялся ворошить белье, надеясь обнаружить ее, и тут здесь легкая ладошка Маргарет легла на плечо. Смущаясь, она спросила:

— Как я?

Перси поднял голову и не нашелся, что ответить. В ее карих глазах плескалась безоглядная любовь. Любовь, о которой в текучке будней он начал забывать.

— Ну, так как? Чего молчишь?

— Ты... — и из глубин его памяти всплыл сонет Шекспира. Тот самый, когда-то покоровший сердце жизнерадостной двадцатилетней студентки факультета социологии. И Перси остро ощутил, что ни обольстительная Грей, ни любая другая женщина, не могли дать ему то, что он находил в Маргарет — любовь и нежность. Бережно обняв ее за плечи, он дрогнувшим голосом повторил, потрясающие строки, рожденные человеческим гением три столетия назад:

«Твои глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий...»

Воркующий смех Маргарет прозвучал для него самой чарующей музыкой. Она с нежностью произнесла:

— Я помню каждую строчку. Ты их читал мне двадцать восемь лет назад.

— Читал, и буду читать вечно! — поклялся Перси.

— Ах, ты мой Шекспир, — и Маргарет ласково провела рукой по его щеке.

В эти минуты разведчик Перси забыл о Кейдже, Ковальчуке и спецрасследовании. Ему было наплевать на скрытые микрофоны и видеокамеры, установленные в номере. Он был просто любящим мужем. От былой апатии и усталости не осталось и следа, а проснувшаяся в нем энергия искала

выхода. Стены номера — этой прозрачной «шкатулки Кейджа» давили. Его предложение поужинать в ресторане Маргарет приняла охотно. Он вызвал такси.

Водитель оказался на редкость словоохотливым. Через пять минут от него начала болеть голова, и они с тоской поглядывали по сторонам. Справа и слева тянулись деловые кварталы, а таксист все не умолкал. Наконец, впереди мелькнула вывеска китайского ресторана. Перси остановил свой выбор на нем. Вышколенный швейцар, музыка, предупредительные официанты, скользившие между столиками, обилие цветов и карликовых деревьев, создававших иллюзию китайского сада, пришлось Маргарет по душе. Они сели в укромный уголок, перед столиком возник официант и предложил меню.

Маргарет не стала в него заглядывать, да и Перси не стал блуждать в дебрях изысков китайской кухни. Пробежавшись по меню, он остановился на уже опробованных блюдах: замоченной в ячменной патоке и зажаренной на углях из каштана утке, супе из «ласточкиных гнезд», грибах муэр с рисовым сыром тофу, салате, приготовленном из молодых побегов бамбука и жареном арахисе. Сложнее оказалось с выбором напитков. Перси подвела память, ему на помощь пришел официант и предложил:

— Есть замечательная рисовая из Пекина.

Китайскую водку Перси на дух не выносил и резко мотнул головой. Официант сообразил и перешел к японскому ассортименту:

— Имеется превосходное сакэ.

— Не надо! Есть, что покрепче?

— Русская водка.

— О?! Водка! — на лице Перси появилась улыбка, а в голове мелькнула шальная мысль: «Взять, да выпить? Вот обрадуется Кейдж. Получит подтверждение тому, что я, как и Ковальчук, продался ФСБ».

— Прямые поставки из России, — принялся нахваливать официант водку.

— В следующий раз. Принесите виски или бренди.

— Рекомендую бренди.

— Хорошо! Одну бутылку, — согласился Перси и поинтересовался у Маргарет:

— Ты что будешь пить, дорогая?

— Что-нибудь из французских вин, — не стала изменять своему вкусу она.

— Есть превосходная бургундская коллекция, — предложил официант.

— В таком случае принесите красное полусладкое.

— У вас прекрасный вкус. Что еще?

— Все! На десерт чай, — подвел итог Перси.

— Благодарю вас. Вы не будете разочарованы, — заверил официант и отправился на кухню.

Не прошло и десяти минут, как он появился перед ними с огромным подносом, накрытым изящным бамбуковым колпаком. Марку и Маргарет оставалось только поражаться тому, как официанту удавалось удерживать все это на одной руке, а другой извлекать бутылки и блюда. Официант с ловкостью фокусника расставил на столе разнокалиберные тарелочки, миниатюрные чашечки и куайцзы, затем разлил по бокалам вино, бренди и, отвесив поклон, растворился в полумраке зала.

— За встречу, милая! — предложил тост Марк.

— За нас, — поддержала она.

Выпив, они налегли на закуску. Грибы Маргарет по вкусу, а салат просто привел ее в восторг. Она отдавала должное искусству китайских поваров и не скупилась на похвалы. Вскоре подоспел суп, а затем утка. На нее у Перси уже не хватило сил, Он быстро осовел от сытой пищи, бренди, и стал клевать носом.

— Марк, Марк? — тормозила его Маргарет.

Встрепенувшись, он смущенно ответил:

— Извини, дорогая, я страшно устал.

— Это я виновата, мучаю тебя всякими историями. Едем в отель! — потребовала она.

— Да-да, — согласился Перси, поманил официанта и расплатился.

На выходе из ресторана их поджидало такси — расторопный швейцар добросовестно отработывал свои чаевые. Засыпая на ходу, Перси с трудом доехал до отеля, поднялся в номер, и там его оставили силы. Последняя мысль, которая промелькнула в меркнущем сознании, адресовалась Кейджу: «Можешь засунуть себе куда угодно свои микрофоны и камеры! Слушай мой храп, мерзавец».

Разбудил Перси аромат кофе и звон посуды. Потянувшись до хруста в костях, он открыл глаза. Маргарет, одетая в легкий халатик, хлопотала над столом. Она обернулась и спросила:

— Как спалось, милый?

— Великолепно! Спал как убитый! — заявил Перси.

— Что, даже я не снилась?

— Ну, что ты! Ты мой самый прекрасный сон.

— Марк, я тебя не узнаю? Вчера стихи, сегодня complements. Что происходит?

— Пытаюсь смотреть на мир другими глазами. И знаешь, все выглядит в розовом свете, — пошутил он и поймал себя на мысли: все эти «фантомы», чужие секреты, тайные операции и награды не могли заменить того, что ему давала любовь Маргарет.

— Вот так всегда смотри на меня, и я от счастья буду на седьмом небе, — ответила она счастливым смехом и напомнила: — Пора завтракать

— Сейчас, только умоюсь, — откликнулся он и прошлепал в ванную.

Маргарет заказала в ресторане его любимые тосты и кофе. Впервые за последние сутки Перси поел с аппетитом, а

затем стал готовиться к встрече с Кейджем. Взгляд в зеркало прибавил настроения.

— Мы еще посмотрим, кто — кого, господин Инквизитор? — вырвалось у него.

— Марк, ты это чем? — тут же среагировала Маргарет.

В ее глазах снова вспыхнул тревожный огонек. Маргарет с ее пронизательностью могла докопаться до истины.

— Потом! Извини, дорогая, я очень спешу, — бросил Перси на ходу и поспешил спуститься.

Машина с «бульдогами» еще не появилась, и он сосредоточился на мыслях о предстоящей схватке с Кейджем. После разговора с Ковальчуком у него появились весомые аргументы, с которыми можно было не только отбиться от вздорных обвинений, но и попытаться вырваться без больших потерь из безжалостных жернов Службы специальных расследований.

До встречи с Кейджем оставались считанные минуты. Ровно в девять тридцать появилась машина. На этот раз она прибыла без эскорта «бульдогов», Перси расценил это как обнадеживающий знак. Вскоре тому нашлось более весомое подтверждение. На входе в Лэнгли его встретила обходительная сотрудница секретариата и проводила в приемную Кейджа. Тот тоже не заставил себя ждать, вышел навстречу и, энергично пожав руку, пригласил в кабинет. Это, а также две чашки для чая на столе говорили о многом: вчерашний разговор с Ковальчуком в Службе специальных расследований не составлял тайны и, похоже был в пользу Перси. Но он не спешил с выводами и ждал, что последует дальше.

— Присаживайся, Марк. Если не возражаешь, начнем с чая, — пригласил Кейдж к столу. При этом он не преминул продемонстрировать свою осведомленность и лишний раз показать, что в Службе специальных расследований знают все:

— Насколько я знаю, вы большой любитель ланкийского?

Подобные приемы, возможно, производили впечатление на новичков и слабонервных, но не на Перси. Они только разозлили его.

Бросив на Кейджа снисходительный взгляд, он язвительно заметил:

— Ты, знаешь, Фрэнсис, с хорошим человеком я выпью даже яд.

— Ха-ха, — наигранно хохотнул тот, и, холодно улыбувшись, произнес: — Проверю.

— Смотри, не ошибись.

— Я не пью с кем попало, — сухо отрезал Кейдж и сменил тему: — Как Маргарет?

— Не жалуется.

— Надеюсь, ты на нас не в обиде?

— В обиде?! Себе выйдет дороже.

— Марк, опять ты делаешь из меня чудовище.

— Так, мы же не на чай собрались? Вам русского крота подавай! — перешел в наступление Перси.

— Но тебя никто и ни в чем не обвиняет, — примирительно заметил Кейдж.

— Вчера мне так не показалось.

— Это игра твоего воображения.

— Воображения?! Меня, который двадцать лет отдал разведке, как последнего... — Перси задохнулся от возмущения.

— Марк, давай без сцен! Мы не в театре!

— Сцен?! Вы втаптываете меня в грязь и хотите, чтобы я целовал...

— Перси, прошу не забываться! — рыкнул Кейдж.

— Не забываться?! Это после того, как вчера два твоих бульдога тащили меня словно барана на заклание?

— Перестань! То было вчера.

— Вчера?! — осекся Перси

— Да, вчера.

— А что изменилось за ночь?

— Многое.

— Многое? Как это понимать?

— Расследование по тебе закрыто! — объявил Кейдж.

— Как закрыто?! — опешил Перси.

— А ты что, настаиваешь на продолжении?

— Нет, нет! — воскликнул Перси, и облегченно вздохнул. Ему стало неловко за свое поведение и нападки на Кейджа. Избегая его взгляда, Перси пробормотал:

— Извини, Фрэнсис, нервы. Но когда тебя подозревают черт знает в чем, тот тут...

— Забудь, Марк, все осталось позади. Зла не держи, что поделаешь такова моя миссия, — остановил его Кейджа, и, пододвинув чашку с чаем, предложил: — Выпей, все-таки твой любимый.

Перси сделал глоток, другой, но не почувствовал вкуса. Внутреннее напряжение, в котором он находился вторые сутки, дало о себе знать. А Кейдж неторопливо прихлебывал чай и продолжал внимательно наблюдать за ним. Теперь, когда все вопросы были сняты, он пытался понять: готовы ли Перси после такой встряски к продолжению активной работы с Фантомом. Работе, которой, несмотря на опасность провала, в руководстве ЦРУ придавали исключительное значение. Ценность поступающей от агента информации перевешивала все риски. Теперь вопрос состоял в том: способен ли Перси взять себя в руки и вернуться в операцию. Встретившись с ним взглядом, Кейдж поинтересовался.

— Марк, как ты оцениваешь дальнейшие перспективы в работе с Фантомом?

В глазах Перси промелькнула тень. Он не спешил высказываться по столь щекотливому вопросу, и, прежде чем дать ответ, решил прощупать позицию Кейджа, опустил чашку на стол и уклончиво ответил:

— Вам виднее.

— И все-таки?

— Все зависит от того, где сидит русский крот.

— Теперь мы знаем, что не рядом с тобой.

— Уже легче! — обрадовался Перси, и в нем проснулось любопытство: — Выходит, Ковальчук отпал?

— К нему остались вопросы, — не стал вдаваться в подробности Кейдж.

— Тогда, кто же: Ливицки, Грей, Берд? Ну не Саливан же?

— Марк, не будем бросать на них тень. Пока могу сказать только одно: русская контрразведка ищет Фантома среди тех, кто имеет отношение к секретам, которые прошли по его первому перечню.

— А по второму?

— Уточняем через нашего источника в России.

— Источника? В России?!

— Да.

— Его информации можно верить?

— Абсолютно!

— Давно сотрудничает?

— Марк, на такие вопросы ответы не дают.

— Ах да, конечно.

— Итак, что ты можешь сказать о перспективах работы с Фантомом? — вернулся к главному вопросу Кейдж.

Его настойчивость уже не раздражала Перси. Вероятность провала Фантома его не смущала, такова была судьба большинства агентов. Отбросив последние сомнения, Перси решительно заявил:

— Надо рисковать. Как говорят русские: овчинка стоит выделки. Тем более, если есть возможность контролировать действия русской контрразведки.

— К сожалению, только косвенно.

— Это немало.

— То есть, ты хочешь сказать, что готов к работе с Фантомом?

— Да, но если, не будут вставлять палки в колеса.

— Палки я беру на себя, — заверил Кейдж и впервые за время беседы улыбнулся.

— В таком случае я не вижу препятствий в работе с ним, — подтвердил свою готовность Перси.

— Вот и договорились! Когда ближайшая явка?

— В первой половине октября.

— Больше месяца. Достаточно времени, чтобы тебе как следует отдохнуть и набраться сил.

— А как же Саливан? Он будет против.

— Вопрос твоего отпуска уже согласован с Директором.

— То есть, я могу ехать домой?!

— Хоть сейчас.

— Спасибо, Фрэнсис! Сентябрь — мое любимое время года, — растрогано произнес Перси.

— Вот видишь, как все удачно сложилось. Так что, хорошего вам с Маргарет отпуска, — Кейдж дал понять, что разговор окончен и поднялся из кресла.

Из кабинета Перси вышел сам не свой от радости. Карьерные качели подняли его со дна и снова вознесли к вершине. Саймон, как в воду глядел, когда говорил, что Фантом со своими материалами перевесит все страхи бюрократов от разведки и наветы злопыхателей. Но сейчас Перси не хотел думать ни о них, ни о Кейдже, он рвался в отпуск, чтобы дома, в кругу семьи, забыть повседневными заботами и тихими радостями семейной жизни.

— Тебя отпустили в отпуск? — догадалась Маргарет, когда он вернулся в отель.

— Да! И немедленно! — выпалил Перси.

— Но сначала...

Слова Маргарет потонули в его поцелуях. Покружив по комнате, они свалились в кровать и залились счастливым смехом. Потом были лихорадочны сборы, аэропорт, самолет и, через полтора часа полета, под крылом появился тихий,

по-домашнему уютный городок Бойз — столица штата Айдахо.

Он с увлечением окунулся в домашние дела. Истосковавшие по работе руки не выпускали пилы, рубанка и молотка. К середине сентября на берегу речушки появился летний флигель: сбылась давняя мечта Маргарет. Вечерами они собирались на террасе за ужином и наслаждались воркующим журчанием воды, щебетом птиц и пьянящими запахами леса. По уик-эндам из города приезжали Мэри с внуком, и тогда дом наполнялся жизнерадостным детским смехом и веселыми голосами.

В этих приятных заботах и тихих радостях незаметно подошел к концу отпуск. Перси с грустью поглядывал на календарь: тридцатого сентября ему предстояло прибыть на службу в Киев. На этот раз Маргарет настояла на том, чтобы они отправились вместе. Он не стал возражать, предыдущие пять месяцев холостяцкой жизни порядком надоели, к тому же Джимми подрос, и ее заменила нянька. Наступило 28 сентября и Перси с Маргарет отправились в аэропорт, чтобы спустя сутки оказаться в бурлящем политическим страстями и густо опутанным шпионской паутиной Киеве.

Ранним утром 29 сентября в аэропорту «Борисполь» их встретил Дик Динар — самый молодой из сотрудников резидентуры. По дороге в город он рассказал последние горячие новости и сплетни, гулявшие по посольству и в резидентуре. Самой обсуждаемой была та, что касалась Ковальчука. На его место прибыл новый сотрудник. Перси не стал углубляться в эту болезненную для него тему...

На Украине наступила пора золотой осени и ее столица выглядела чудесным бриллиантом в неповторимой золотисто-багряной оправе листвы. Привольно раскинулись на холмах и крутых берегах Днепра древние святыни: Киево-Печерская Лавра, Владимирский и десяток других соборов. От них, и Перси ощущал это каждой клеточкой своего тела, исходила исполинская мощь загадочной славянской души.

Мощь, которую он, а вместе с ним Саливан и сотни других сотрудников ЦРУ здесь, в Киеве, а также в Москве и Минске должны были низвести на нет. Но ему не хотелось думать не об этом, не о предстоящей работе, он все будто был в отпуске. Однако дела сами напомнили о себе. Не успели они с Маргарет подняться в квартиру и разобрать чемоданы, как зазвонили телефоны.

Первым позвонил Берд, его интересовала старая разработка по русскому журналисту. Вслед за ним напомнил о себе Дункан и дал понять, что пора готовиться к явке с Фантомом. Перси уже не мог усидеть на месте и отправился в посольство, но прежде чем подняться к Саливану, решил пройтись по кабинетам и понять какие ветры веют в резидентуре. Но Саливан вызвал его к себе.

За время отпуска, как показалось Перси, старомодные очки резидента стали еще больше, а холодные рыбы глаза совсем обесцветились. Сухо поздоровавшись и ограничившись парой дежурных вопросов об отпуске, Саливан принялся монотонным голосом бубнить о сложности политической обстановки в Украине, вездесущих агентах ФСБ, которые ухитрились забраться под стол президента Ющенко и среди бела дня таскать секреты из-под его носа. Терпеливо выслушав эту словесную жвачку, Перси возвратился к себе в кабинет и до позднего вечера занимался материалами, поступившие в резидентуру за время его отпуска.

На следующий день ему было не до бумаг. Агенты обрывали телефон и вызывали на явки. На третий день он уже забыл об отпуске, и крутился между явками с агентами и встречами с конфиденнтами из властной политической тусовки. Те и другие завалили его компроматом на конкурентов, и, кажется, готовы были продать мать родную, только бы набить себе карманы. В лихорадочной текучке буден он не забывал о главном: предстоящей явке с Фантомом.

Помнили о ней и Саливан с Саймоном. С 6 октября Саливан принялся теревить Перси, а десятого из Москвы

позвонил Саймон и поинтересовался датой явки. Перси сообщить было нечего: Фантом хранил упорное молчание. Закончилась первая декада октября, а сигнал от него все не поступал. Прошла еще неделя, у Саливана иссякло терпение, и он потребовал: «...Пошевелить агента».

17 октября в сети Интернет, на сайте: «Ракетная техника. Новинки, изобретения» резидентура ЦРУ поместила внешне безобидный текст, в котором назначала явку своему агенту:

Майк для Фантома.

Прошу Вас по известному каналу подтвердить возможность нашей встречи. Предлагаем провести ее в Государственной Третьяковской галерее 23 октября в тринадцать часов у картины: «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофском дворце». Вас будет ждать известный человек.

Глава 6

Подошло время докладов начальников управлений ФСБ по военным округам, а в кабинете Градова все телефоны, кроме прямой связи с Директором, молчали. Он дал команду дежурному по Департаменту: в ближайший час его ни с кем не соединять, и на то имелись веские причины. Накануне в адрес Фантома-Кочубея поступило указание ЦРУ — срочно выйти на связь с Майклом-Перси. Но не время, его хватало, чтобы обеспечить оперативный контроль над явкой с американским разведчиком, а иные причины заставили Сердюка, Писаренко, Агольцева и Кочубея собраться на совещание у Градова.

В кабинете царил напряженная тишина. Сам Градов нервными шагами мерил кабинет и бросал на подчиненных тяжелые взгляды. Они прятали глаза, так как знали, чего будет добиваться Перси на явке с Кочубеем — секретов «Тополя». А с секретами снова возникли серьезные проблемы. Ракетчики генерала Соловцова исчерпали себя. Из последней поездки в штаб РВСН Агольцев привез материалы, которые вряд ли могли представлять интерес для ЦРУ. В довершение ко всему Директора ФСБ запретил ввод в операцию доктора технических наук Мальцева. Его решение было окончательным и не подлежало обсуждению.

— М-да, товарищи, с таким похоронным видом осталось только помянуть Фантома.

— Куда не кинь везде клин. Была надежда на Мальцева и та сплыла, — в сердцах произнес Писаренко.

— А мы с ним сработались, — не мог скрыть досады Кочубей.

— Зря задробили, — посетовал Агольцев.

— Вы еще головы пеплом посыпьте! Раньше надо было думать! — оборвал Градов.

Писаренко заерзал на стуле. Агольцев нахохлился и потупил взгляд. На скулах Сердюка заходили желваки. Кочубей избегал смотреть на Градова. В его словах была жестокая правда.

Четыре месяца назад, когда операция только начиналась, он, Сердюк и Агольцев, поддавшись эйфории первого успеха, переоценили свои возможности. Им казалось, что американская разведка и дальше будет исправно плясать под их дудку, и не заметили, как заигрались сами. Стремясь создать у нее представление об исключительных разведывательных возможностях Фантома, они переборщили с дезой и недооценили научный потенциал американских ракетчиков. В последних заданиях для Фантома явно прослеживалась их рука. В Пентагоне не разменивались на второстепенную информационную жвачку и требовали от него то, что составляло главный секрет Тополя.

Именно они — секреты стали теми самыми путями, которые вязали Кочубея по рукам и ногам, а с ним и всю операцию. Над этим генерал Сердюк не первый день ломал голову, пытаясь найти выход, и приходил к неутешительному выводу: операция грозила обернуться бумерангом с самыми непредсказуемыми последствиями. Привлечение к ней Мальцева, казалось, выводило ситуацию из тупика и расширяло поле для маневра. Теперь же после решения Директора, Сердюк, а вместе с ним Агольцев и Кочубей остались ни с чем.

«Так, где же выход? Где?!» — в который раз задавал себе этот вопрос Сердюк и мучительно искал ответ: «Командировка Николая? Болезнь? Как временный вариант пойдет. А дальше? ЦРУ потребует информацию, и нам останется только пускать пузыри? Рано или поздно они лопнут и тогда...

А что, если? Перебросить Кочубея на другой участок, не связанный с секретами Тополя? Куда? В округ. Ракетчика в округ? Нужна веская причина! Реформа в армии! Она идет полным ходом» — и лицо Сердюка просветлело.

Это не укрылось от Градова.

— Есть варианты, Анатолий Алексеевич? — догадался он.

— Как сказать, Георгий Александрович, пока наметки.

— Ну-ка, ну-ка, поделись, — и Градов подался к нему.

— В чем состоит наша головная боль? — начал с общего вопроса Сердюк.

— В дезде, которую 23 октября надо подsunуть ЦРУ, — с ожесточением произнес Агольцев.

— Что у нас есть на сегодня?

— Почти ничего, но я постараюсь хоть что-то выжать из ракетчиков.

— Хоть что-то не пойдет, Виктор Александрович.

— Тогда не знаю, — Агольцев развел руками.

— Получается какая-то удавка, которой мы сами себя душим, — с горечью обронил Писаренко.

— Василий Григорьевич, ты нас только суицидом не пугай. Этого еще мне не хватало, — язвительно заметил Градов и снова обратился к Сердюку: — Анатолий Алексеевич, что конкретно предлагаешь?

— Уйти от проблемы секретов вообще, — озадачил всех своим ответом Сердюк.

— Как?! Каким образом? — изумился Агольцев.

— Не вариант! Без секретов Фантом американцам, не нужен, — возразил Писаренко.

— Надо отвести туда, где он будет им интересен, — продолжал развивать свою мысль Сердюк

— Легко сказать. Николай не Ванька взводный — меньше взвода не дадут, дальше Чукотки не пошлют.

— Согласен, Василий Григорьевич, тут необходимо подумать: куда его отвести, чтобы не насторожить ЦРУ.

— А что, если на вышестоящую должность, — предложил Кочубей.

— Уж не на мою ли? Если так дальше пойдет, так он, Анатолий Алексеевич, скоро вашу потребует, — хмыкнул Агольцев.

— Виктор Александрович, прекрати! Не до того, — осадил его Сердюк

— А если пойти по пути семейных проблем, — не сдавался Агольцев.

— Это же как, Виктор Александрович? — заинтересовался Градов

— Конфликт с женой, развод и дележ квартиры. Такой головняк, что шпиону будет не до шпионских дел.

— Я же холостой! — напомнил Кочубей.

— Вот проблема, женим и разведем! — отмахнулся Агольцев.

— А ты, что поп или ЗАГС? — с усмешкой заметил Писаренко.

— Я его отец-командир! — отрезал Агольцев.

— Ладно, отцы и дети, не будем усугублять и без того тяжелое положение Николая, — положил конец спору Градов, и впервые за время совещания на его лице появилась улыбка.

Сердюку она сказала многое — идея с отводом Фантома от секретов Тополя, видимо, пришлась по душе Градову. Но то, что он затем предложил ошеломило всех.

— Куда?! В Абхазию?! — в один голос воскликнули Писаренко с Агольцевым.

У Кочубея от изумления открылся рот. Сердюк осмысливал столь радикальный поворот в операции. А Градов

держал паузу и давал подчиненным возможность оценить свое предложение. Первым нашелся Агольцев.

— Извините, Георгий Александрович, насколько мне известно, в Абхазии на сегодня нет ракетных войск, — деликатно заметил он.

— Только миротворцы, — уточнил Писаренко.

— Зато горячая точка, — пояснил Градов

— И такая, где Саакашвили готов поиграть военными мускулами, — отметил Сердюк.

— Получит по зубам, как год назад в Южной Осетии, — решительно отрезал Агольцев.

— Это уже второй вопрос, Виктор Александрович! — подводил к своей мысли Градов.

— А какой первый?

— Надеюсь, тебе ясно, кто стоит за спиной Саакашвили и спецслужб Грузии?

— Понятно — американцы!

— И что из этого следует? — допытывался Градов.

— Абхазия, Южная Осетия и наши миротворцы для ЦРУ приоритетное направление, — заключил Агольцев.

— Совершенно верно, Виктор Александрович!

— А это значит, что Фантом и без секретов «Тополя» будет представлять для них интерес, — сделал вывод Сердюк.

— Таким образом, мы сохраняем Николая в игре и даем операции новый импульс. Остается решить технический вопрос, связанный с его переводом к миротворцам в Абхазию, — подвел итог обсуждения Градов.

— Не проблема, найдем подходящую должность в штабе, — заверил Агольцев.

— Помощник начальника штаба по разведке. На ней Николай точно будет интересен американцам, — предложил Писаренко.

— Итак, будем считать, что с направлением развития операции определились! Теперь надо сосредоточиться на

предстоящей явке с Перси. Какие есть предложения? — Градов не давал передышки подчиненным.

— Немедленно встретаться с полковником Зорким! Основная нагрузка ляжет на него, — без тени сомнений заявил Сердюк.

— А Кузьмин? Его «электронные уши» будут очень кстати, — присоединился к нему Агольцев.

— Безусловно! — согласился Градов и распорядился: Анатолий Алексеевич, не откладывая дела в долгий ящик, проведи рабочую встречу с Зорким, Кузьминым и согласуй все вопросы.

— Есть! Сегодня же займусь! — подтвердил Сердюк и поднялся из кресла.

Вслед за ним встали офицеры.

— Задержитесь, товарищи! Остался организационный вопрос, — остановил их Градов и спросил: — Кого от нас направим в штаб операции?

Офицеры переглянулись, первым никто не решился дать предложение. Градов усмехнулся и с ехидцей спросил:

— Что это вы скромничаете?

Писаренко поймал на себе его взгляд и, помявшись, ответил:

— Да, как-то поперек батьки в пекло не очень-то.

— Ну, спасибо за доверие, Василий Григорьевич.

— Извините, товарищ генерал-полковник, вы меня не так поняли! Не могу же я себя предлагать, когда рядом генерал Сердюк.

— Что?! Ну, ты, Вася, и мастер стрелки переводить?! — возмутился тот.

— Но не полковнику же командовать генералами? — буркнул Писаренко.

— Все, хватит препираться! Не время выяснять кто стрелочник, а кто машинист! — положил конец пикировке Градов и приказал: — Руководителем операции назначаю

тебя, Анатолий Алексеевич! В помощь бери Писаренко и Агольцева. Послезавтра, отставить, завтра к исходу дня представить мне план организационно-оперативного обеспечения явки Николая с Перси. Вопросы?

— Разрешите выполнять? — ответил за всех Сердюк.

— Погоди, Анатолий Алексеевич, ты Зоркого хорошо знаешь?

— В общем, да. В последнее время плотно работаем.

— Это хорошо, но имей в виду: он со своей техникой и орлами готов даже к черту на рога залезть. Но у нас не тот случай. Никакой засветки Николая! Пусть что-то не услышим, что-то не увидим, но не дадим повода к подозрению для ЦРУ. Наша позиция: максимальная конспирация! Наблюдение вести только со стационарных, скрытых постов и с дальних подступов. Работу в эфире максимально ограничить, связь держать по проводным каналам связи, чтобы исключить любую утечку.

— Понял, Георгий Александрович, буду стоять на этой позиции! — подтвердил Сердюк.

— Не только стоять, а и добиться ее выполнения. И последнее, это касается линии поведения Кочубея в общении с Перси, — Градов перевел взгляд на него: — Здесь, Коля многое, если не все, зависит от тебя. Ты с ним уже встречался и имеешь представление — матерый разведчик.

— Да, палец ему в рот не клади, но не так страшен черт, как его малюют, справлюсь, — заверил Николай.

— Георгий Александрович, а если Николаю с Михаилом Ивановичем снова проиграть в ролях явку с Перси? Думаю, это лишним это не будет, — предложил Агольцев.

— А что, с таким мастером как Ножкин, он быстро войдет в образ Литвина! — поддержал его Писаренко.

— Добро, хорошая мысль, — согласился Градов.

— Главное, чтобы Николай потом из образа вышел. Шпионов мне еще в отделе не хватало, — с улыбкой заметил Сердюк.

Так, на оптимистичной ноте, закончилось совещание у Градова. Самому же Николаю было не до смеха. На следующий день за него взялся герой фильмов «Ошибка резидента» и «Возвращение резидента» артист Михаил Ножкин. С присущей ему обстоятельностью Михаил Иванович принялся лепить из Кочубея образ алчного и беспринципного шпиона — Ореста Литвина. Сам блестящий мастер перевоплощения, он был неумолим к любой неточности и фальши. Десятки раз Николаю приходилось отрабатывать каждый жест и каждую фразу. Но Михаил Иванович был неумолим: требовал явить во всей своей неприглядности черную душонку предателя. И когда заканчивалась репетиция, то и вне стен студии, где стараниями художника и декораторов была воссоздана обстановка предстоящей явки с Перси — зал Третьяковской картиной галереи, Николай испытывал раздвоение личности — шпион Литвин никак не хотел оставлять в покое контрразведчика Кочубея.

И на этот раз после окончания репетиции с Михаилом Ивановичем образ предателя продолжал преследовать Николая. Даже встреча с Татьяной не могла от него избавить. Жесты, мимика и манера речи вызвали у нее удивление.

— Коля, да что с тобой? — не могла понять она.

— Все нормально, — смутился он.

— Разве?! В последнее время с тобой происходит что-то странное.

— Странное? Что ты имеешь в виду?

— Ты сам на себя не похож.

— Но другие же узнают.

— Нет, ты болен, это я говорю тебе как врач! — настаивала Татьяна.

— Конечно, болен. Вскружила голову старому холостяку, — пытался отшутиться Кочубей.

— Коля, мне не до смеха. В психиатрии подобное поведение называется раздвоением личности.

— Вот бы еще зарплату за двоих платили

— Это серьезное заболевание, — не принимала шуточный тон Татьяна.

— Ы...ы — сделав страшное лицо, Николай попытался ее обнять.

— Да, ну тебя, — отшатнулась она.

— Все, Танечка, иду в отпуск!

— Когда?!

— Это как дед Толя решит.

— Кто такой?

— Я же тебе рассказывал — генерал Сердюк.

— А он как, добрый?

— Добрым начальник бывает, когда уходит в отпуск, и тогда вместе с ним отдыхают все подчиненные.

— В таком случае сегодня и завтра я твой начальник. Едем к нам на дачу! — решительно заявила Татьяна.

— Хорошо, только у шефа отпрошусь, — сдался Николай и набрал номер Сердюка.

Тот поинтересовался:

— Как отработали с Михаилом Ивановичем?

— Он остался доволен,

— То есть ты вжился в образ.

— Да, и как теперь выйти из него не знаю. Татьяна подзревает во мне мистера Джекила. Мне бы...

— Чего?! Какой еще Джекил? Перестань мне голову морочить! Говори толком! — перебил Сердюк.

— Анатолий Алексеевич, Таня, как врач... — замялся Кочубей, не решаясь высказать свою просьбу.

— С Татьяной я понял! А причем тут Джекил?

— Анатолий Алексеевич, я имел в виду историю перевоплощения Хайда в мистера Джекила.

Сердюк, хмыкнув, спросил:

— Короче, к чему ты клонишь, доктор Хайд?

— Разрешите выйти из образа, Анатолий Алексеевич? — забросил удочку Николай.

— Образа, говоришь?

— На выходные съездить на дачу к Татьяне?

— Суббота? Воскресенье? — в голосе Сердюков слышались недовольные нотки.

Возникла пауза. Кочубей уже пожалел о своей просьбе и готов был дать задний ход. Ответ Сердюка заставил его с облегчением вздохнуть.

— Значит так, Коля: постоянно находишься на связи, а в воскресенье в семнадцать ноль ноль как штык в Москве! — распорядился Сердюк.

— А если утром, в понедельник, я на своей машине? — заикнулся Кочубей.

— Извини, Коля, я все понимаю, но служба — есть служба. Надо еще раз пройтись по плану и сценарию встречи.

— Ясно, Анатолий Алексеевич. Спасибо

— Благодарить будешь, когда свадьбу сыграешь.

— Свадьбу? А вам, не жаль последнего холостяка?

— Пожалее, когда дело сделаем. И еще, дежурному по Департаменту сообщи адрес дачи Татьяны.

— Есть!

— Хорошего отдыха, холостяк! — пожелал Сердюков и закончил разговор.

Кочубей довольно потер руки и радостно воскликнул:

— Все, Танюша, свободен как птица в полете! — и, оглянувшись по сторонам, задержал взгляд на вывеске кафе «Мечта», зябко повел плечами и, стуча зубами, промолвил: — Что-то стало холодать, не пора ли нам э-э помечтать?

— И о чем будут эти мечты? — спросила Татьяна и бросила на Николая лукавый взгляд

— Например, о мироздании, — в тон ей ответил он.

— Это, конечно, интересно, а причем тут старый холостяк и свадьба?

— А вот с этим высоким званием, к сожалению, мне придется расстаться.

— Да? И как скоро?

— Начальник приказал в ближайшее время изменить социальный статус.

— Ой, как все просто в армии!

— Не в армии, а в ФСБ

— А кто в том приказе значится? — полюбопытствовала Татьяна.

— Пока секрет.

— Ну, скажи Коля! Я никому не выдам.

— Не сомневаюсь! С тобой, Танечка хоть в разведку! — рассмеялся Николай и, нежно обняв Татьяну за плечи, увлек к кафе.

Усилившийся мороз загнал под крышу местных тусовщиков, и Татьяна с Николаем с трудом нашли свободное место. Но теснота им нисколько не мешала. Николай находился на вершине блаженства. Любящий взгляд зеленых глаз Татьяны и бокал теплого, отдающего запахом корицы глинтвейна, кружили голову и будоражили кровь. Стрелки часов показывали начало одиннадцатого, когда они покинули кафе. Николай проводил Татьяну до порога квартиры и, сославшись на поздний час, отказался от чая и отправился к себе.

На следующее день, ранним утром он подъехал к подъезду дома Беляевых. К этому времени отец Татьяны, Юрий Александрович, уже был на ногах и загружал в старенький «Мерседес» рыболовные снасти. Позже к ним присоединились Анна Ивановна и Татьяна с сестрой Еленой. Не мешкая, чтобы не застрять в пробках, они выехали из Москвы и в девять часов стояли перед воротами дачи. Она располагалась на опушке соснового бора, метрах в ста от небольшого озера и составляла предмет особо гордости Юрия Александровича. Год назад вместе с соседями, двумя отставными военными, он собственными руками собрал ее из цилиндрованного бревна. В доме приятно пахло деревом и травами.

Разгрузив машины, Николай с Юрием Александровичем, подстегиваемые рыбацким азартом, поспешили к озеру, но там их ждало горькое разочарование. Тонкий лед предательски потрескивал под ногами, и они вынуждены были возвратиться на дачу. Скучать им не пришлось, в бане ждала работа — обшивать вагонкой парилку. Николай увлекся делом и забыл не только о Перси с его шпионским заданием, но и о шашлыке, который обещал приготовить сам. За дело принялись Татьяна с Еленой. Дочери офицера, исколесившие всю страну, они могли все: шить, вязать, водить УАЗ, стрелять, и уж тем более приготовить шашлык.

— Папа! Коля! Труба зовет! — заглянув в баню, позвала Татьяна.

— Шашлык уже готов! — присоединилась к ней Елена.

— Девчата, еще чуть-чуть, последняя доска осталась, — откликнулся Юрий Александрович.

— Папа, мы знаем твое чуть-чуть! Мама от голода умирает. Заканчивайте! — в один голос потребовали девушки.

— Все, Коля, идем, а то на наряд нарвемся, — сдался Юрий Александрович.

— На два! — пригрозила Татьяна.

Этот аргумент быстро подействовал. Юрий Александрович поспешно отложил доску в сторону, стряхнул с себя опилки и вышел на дорожку. Николай присоединился к нему. В гостиной их ожидал накрытый стол и абхазская чача, привезенная Николаем из отпуска. Тепло камина, сладковатый запах дыма, и аромат шашлыка разбудили зверский аппетит. Обед затянулся на целый час. Разомлев от тепла, сытой пищи и спиртного, Николай и Юрий Александрович все чаще теряли нить разговора и погрузились в сладкую дрему. После обеда они продолжили работу в бане, а перед ужином снова все вместе собрались у камина. Веселая игра пламени, мягкий свет от свечей располагали к воспоминаниям. Прошлая армейская жизнь Юрия Александровича и Николая была богата на забавные истории. За ними неза-

метно пролетело время, стрелки часов давно перевалили за полночь, когда они разошлись по спальням

Впервые за последнее время Николай спал без сновидений. Разбудили его женские голоса, доносившийся из гостиной. Он бросил взгляд на часы и перевел на окно — за ним было белым-бело. Ночью выпал обильный снег и все вокруг напоминало чудесную зимнюю сказку. После позднего завтрака, вооружившись лопатами, Николай с Юрием Александровичем расчистили дорожки во дворе, а затем продолжили трудиться в бане. За работой незаметно подошло время обеда, Николаю нужно было отправляться в Москву. Он с грустью покидал дачу Беляевых.

Серая лента шоссе стремительно исчезала под колесами. Справа мелькали километровые столбы, отдалявшие его от недавней сказки наяву. В семнадцать часов Николай был на Лубянке, в кабинете Сердюка. Также собрались Зоркий, Писаренко и Агольцев.

— Как отдохнул? — поздоровавшись, поинтересовался Сердюк.

— Отлично! Литвин не снился, — бодро ответил Николай.

— Вот и хорошо, а теперь за дело. Вадим Сергеевич, тебе первому слово, — предложил Сердюк.

Зоркий включил ноутбук, и на мониторе отобразился маршрут выхода Кочубея на явку с Майклом. Плотная сеть из кружков — скрытых и стационарных постов наружного наблюдения окружала посольство США, академию Петра Великого, станцию метро «Третьяковская» и подходы к картинной галерее. Как полагал Зоркий, именно на этих участках резидентура ЦРУ должна была взять под контроль действия Фантома, и потому сосредоточил там основные силы своих подчиненных. Непосредственно в месте проведения явки — зале галереи, наблюдение за американцами должно было осуществляться с помощью скрытых камер. Доклад Зоркого был лаконичен и не вызвал больших во-

просов. Две мертвые зоны, обнаруженные на маршруте, после короткого обсуждения договорились перекрыть техническими средствами наблюдения.

После завершения совещания Сердюк не стал задерживать Кочубея.

23 октября Николай проснулся раньше, чем прозвенел звонок будильника. Проглотив завтрак и, не почувствовав вкуса, он отправился на службу в академию Петра Великого, потолкался на кафедре и вышел в город. До явки с Перси оставалось меньше трех часов. К этому времени Сердюк, Зоркий и Агольцев, позже к ним присоединился Писаренко, расположились в главном зале командного пункта. Перед ними почти всю стену занимал огромный экран. Над ним отсвечивало цифровое табло. В его окошках мелькали секунды и неторопливо бежали минуты.

Сердюк и Зоркий сверили часы: было десять часов семнадцать минут. На этот час бригады сотрудников оперативно-технического и оперативно-поискового управлений заняли исходные позиции. Доклады их руководителей поступали к операторам, занимавших соседние с главным залом комнаты и после обработки данных выдавались на экран.

На нем серыми прожилками проступали проспекты и улицы Москвы, светло-синими разводами растекались пруды и водохранилища, ярко-зелеными островами пестрели парки и скверы, коричневыми пирамидами пучились «сталинские высотки». Эта была не та, хорошо знакомая и любимая москвичами, разноликая, яркая и полная энергии столица. На экране она жила другой, далекой от их восприятия жизнью. Ее покрывали уродливые, полыхающие алым цветом язвы «мертвых зон» и зон повышенной опасности, там, где разведчики наружного наблюдения могли попасть под контрнаблюдение резидентуры ЦРУ.

С особым вниманием Сердюк и Зоркий изучали расположение скрытых, стационарных и подвижных постов наблюдения у станции метро «Третьяковская» и на под-

ходах к галерее. Сверяясь со схемой, лежавшей на столе и той, что была экране, они не обнаружили расхождений. Руководители бригад наружного наблюдения знали свое дело и пока действовали без сбоев. Их работой Сердюк остался доволен, но чтобы рассеять последние сомнения, спросил у Зоркого:

— Сергеич, а в галерее мертвых зон не будет?

— Исключено! — заверил Зоркий и нажал кнопку на панели управления.

Экран погас, и в следующую секунду на нем крупным планом возник зал музея

— Класс! — поразился качеству изображения Агольцев.

— Пока есть время, могу организовать бесплатную экскурсию, — предложил Зоркий, и на его лице появилась горделивая улыбка.

— Потом, Сергеич. А что с соседними залами? — уточнил Сердюк.

— Анатолий Алексеевич, обижаешь, Мои парни дело знают, — с обидой заметил Зоркий.

— Ладно-ладно, Сергич — не стал больше терзать его вопросами Сердюк и предложил: Пока есть время, давайте чайком побалуемся?

— А может чего покрепче, — живо откликнулся Агольцев.

Его предложение осталось без ответа. На командный пункт обрушился шквал докладов. На мониторе, сменяя друг друга, замелькали кадры съемки наружки. Ядовитожелтую громаду посольства США сменили металлические пасти центральных и запасных ворот. Они выпускали на улицы машины. Все эта разномастная «автомобильная конюшня» устремилась на северо-запад и северо-восток Москвы. Резидентура ЦРУ начала раскручивать свою «карусель», рассчитывая увести за собой бригады наружного наблюдения российской контрразведки от места проведения явки с Фантомом. Подтверждением тому служили сообщения

разведчиков наружки со скрытых постов у «Третьяковки». Туда американцы не совали носа.

— Зашевелилось осиное гнездо шпионажа. Тень на плетень наводят! — констатировал Писаренко.

— Игру в наперстки затеяли. Не на тех напали, — с усмешкой заметил Агольцев.

Сердюк промолчал и снял трубку высокочастотной связи. Ответил Градов.

— Как обстановка? — поинтересовался он, в его голосе звучали беспокойные нотки.

— Накаляется, Георгий Александрович. Американцы начали операцию по связи. Уводят нас от «Третьяковки» на север.

— Что и следовало ожидать. Где Перси?

— Пока не проявился.

— Не черт, рано или поздно явится! — не терял уверенности Градов.

— Согласен. Но не исключаю, что вместо Перси на явку придет другой.

— Запишем и снимем любого, лишь бы Николай не дрогнул, — включился в разговор Зоркий.

— Как он?

Вопрос Градова повис в воздухе. Сердюк бросил взгляд на Агольцева. Тот поднял большой палец, и заверил:

— Настроен по-боевому. Штудирует путеводитель по Третьяковке.

— Правильно делает! Нечего на явке заикливаться, а то раньше времени перегорит, — одобрил Градов и распорядился: Как только появится Перси немедленно доложить.

— Есть! — принял к исполнению Сердюк и снова сосредоточился на том, что происходило на мониторе.

Экран пестрел разноцветными кружками, квадратиками и прямоугольниками — это машины посольства США. Они стремительно перемещались по улицам Москвы, продолжая раскручивать «карусель». За всем этим чувствовалась

рука опытного профессионала, знающего город, как свои пять пальцев. Бригады наружного наблюдения полковника Зоркого сбились с ног, стараясь не потерять след. Сам он не успевал менять трубки и требовал только одного: «Ищите Перси! Не пропустите соскок!»

Время перевалило за двенадцать. «Карусель» резидентуры набрала немислимые обороты, а у «Третьяковки», по-прежнему было тихо. Скрытые камеры и разведчики наружного наблюдения, дежурившие на стационарных постах, внимательно цедили публику, но пока никого, отдаленно напоминающего Перси, не обнаружили.

До явки оставалось чуть больше сорока минут, когда на выходе станции метро «Третьяковская» появился Кочубей. Держался он уверенно и неспешным шагом приближался к галерее. Но американцы и к этому времени никак себя не проявили.

— Ну, где же они?! Где? — нервничал Агольцев.

— Придут, куда денутся, — не терял уверенности Сердюк.

— Вот-вот прорежутся! — согласился с ним Зоркий и как в воду глядел.

Требовательно зазвонил телефон прямой связи с оператором. Он схватил трубку. Тот скороговоркой доложил.

— Понял, Паша. Передай ребятам, молодцы! Дай картинку на центральный экран! — потребовал Зоркий.

Сердюк и Агольцев повернулись к экрану. Промелькнул калейдоскоп кадров, и когда остановился, то на нем возникли мужчина и женщина средних лет. Оба невыразительной внешности. Разве что, мужчина выделялся ростом и чрезмерной худобой.

— О, этого «Карандаша» я уже видел! — воскликнул Агольцев.

— Наконец, пожаловали. Собственной персоной супруги Ричардсон: Карл и Бетти — не последние овечки из шпионского стада ЦРУ, — прокомментировал Зоркий

появление парочки и заверил: — Ждите, скоро проявится наш белокурый красавчик, если, конечно, не перекрасился!

Супруги Ричардсон, продефилировав перед галереей, спустились в гардероб, сдали вещи, купили билеты и поднялись в первый зал. Скрытые камеры видеонаблюдения и разведчиц наружного наблюдения, на время подменивших смотрительниц музея, неусыпно следили за ними. Поведение Ричардсонов ничем не отличались от сотен других посетителей. Они подолгу застывали у известных полотен. Бетти доставала блокнот и что-то помечала, а Карл исподволь внимательным взглядом постреливал по сторонам.

— Нюхают обстановку и подгадывают момент, чтобы перехватить Николая на подходе к явке, — оценил их действия Зоркий.

Кочубей в это время топтался в очереди к билетной кассе. До встречи с Перси оставалось 27 минут, но он никак себя не проявил. Операторы всматривались в мониторы и пытались отыскать его на подходах к галерее, но безуспешно. Объект «Инспектор» будто растворился в воздухе. И здесь сработала электроника. С камеры, установленной над входом в музей, на экран поступило изображение того, кого с таким нетерпением ждали в оперативном штабе операции.

— Он! — дружно воскликнули Сердюк и Агольцев.

Высокий, спортивного сложения блондин сбросил с головы капюшон куртки, и у них отпали последние сомнения. Это был Перси!

— И как он ухитрился проскользнуть мимо постов? Вроде все перекрыли? — недоумевал Агольцев.

— А как ты хотел — профессионал! Смотрим в оба, как бы еще чего не выкинул! — предупредил Зоркий и распорядился: — Всем постам: готовность номер один! Объект «Инспектор» вошел в галерею!

Сердюк снял трубку ВЧ-связи и доложил Градову:

— Георгий Александрович, объявился «Инспектор». Пока все идет по плану.

— Хорошо! Будем ждать результата, — не стал докучать вопросами Градов.

Внимание оперативного штаба сосредоточилось на Перси. Он свободно ориентировался в музее и четко выдерживал время. Быстро проскочив первые залы, он, постепенно замедляя движение и демонстрировал интерес к картинам. К этому времени супруги Ричардсон закончили осмотр экспозиции полотен Николая Ге. Бетти присела на кушетку и остановила взгляд на картине «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофском дворце». Карл возвратился к ярким, полным южного тепла и света картинам Василия Верещагина и там столкнулся с Кочубеем-Фантомом.

Николай скорее почувствовал, чем заметил, его цепкий взгляд. В следующее мгновение долговязый любитель живописи повернулся к нему спиной.

«Зацепили» — оценил поведение долговязого Кочубей, но сделал вид, что ничего не заметил и, принялся исподволь следить за публикой, пытаясь обнаружить другую пару глаз американской наружки. И здесь появился Остащенко. Николай и не подозревал в нем столь ярких артистических способностей. Юрий походил на вахлака-провинциала, которого жена затащила на барахолку «Черкизона». То ли картины, то ли дородная деревенская красotka, обвисшая на руке, вызывали на физиономии Остащенко мучительные гримасы, а в глазах была разлита такая тоска, что Кочубей испытал к нему жалость. И когда они оказались рядом, Юрий шепнул:

— Перси здесь. За тобой хвост — брюнетка в синем брючном костюме и долговязый в черной джинсовке.

Николай напрягся. Сердце громко забухало, рука опустилась в карман и нащупала контейнер с материалами для Перси.

«Не дергайся, Коля! Спокойно! Какое к черту спокойствие?! Ты шпион! Ты должен мадражить, но не переигрывать!» — настраивал Кочубей себя на встречу с Перси.

Присутствие Юрия придало уверенности, и Николай перешел в зал, где должна состояться явка.

Мрачные полотна Гё, от которых веяло могильным холодом, скорее отпугивали, чем привлекали к себе посетителей. Кроме одинокой дамы в синем брючном костюме, приткнувшейся на кушетке, смотрительницы, сидевшей на входе и сонно клевавшей носом, в зале никого не было.

«Брюнетка в синем костюме — вспомнил Кочубей о предупреждении Остащенко и задался вопросом: — А где же Перси?»

Ровно в час он появился на входе в зал, приостановился, скользнул настороженным взглядом по смотрительнице, экспозиции, на мгновение задержал на Кочубее и перевел на картину. Николай, с трудом сдерживая себя, начал сближаться с Перси. Они сошлись у известной картины.

— Какая мощная по экспрессии сцена! Не правда ли? — многозначительно произнес Перси.

— Трагедия властных отцов и амбициозных сыновей, — заключил Николай.

— У власти не может быть друзей и родственников.

— Вам виднее, я там не был.

— У вас другие перспективы,

— Если им не помешают, — обронил Кочубей.

— Все будет о'кей. Материал при вас?

— Да, — и рука Николая скользнула в кармане к контейнеру со шпионской начинкой.

— Не здесь! — остановил его Перси и скороговоркой обронил: — На стоянке перед станцией Третьяковская ждет бээмвэ икс пять серого цвета, номер М 247 ОС. Садитесь, проедем в одно место.

— Какое?! Зачем?!

— Не волнуйтесь, все под контролем. Поговорим в более подходящей обстановке.

— Надеюсь, не так как они? — с вымученной улыбкой произнес Николай и кивнул на картину.

— Ну, что вы? Я же не Иван Грозный, — отшутился Перси.

— Но вы в России.

— Вот поэтому продолжим наш разговор в другом месте.

— Мы так не договаривались, — возразил Кочубей.

— Это продиктовано интересами вашей безопасности. Я жду! — тоном, не терпящим возражений, заявил Перси и перешел к другой картине.

В голове Кочубея вихрем пронеслись мысли: «Вытаскивают на конспиративную квартиру! Там накачают психотропами и выпотрошат как карася! Перестань, Коля! Не накручивай себя. Если что, ребята подстрахуют. Как? Надо предупредить Юру? Каким образом? По ходу что-нибудь придумаешь. А теперь играй на брюнетку. Ты их агент, а раз так, то гони мандраж. Брось взгляд направо, затем налево, дернись разок-другой и поскорее рви когти».

Нервно поведя плечом и, сделав парочку суетливых движений, Николай протрусил в соседний зал, там не задержался, промчался по экспозиции современной живописи и спустился в гардероб. Робинсоны не отставали от него ни на шаг.

«Вот же, сволочи! Прилипли как банный лист!» — в душе костерил их Кочубей и искал взглядом Остащенко. Его усабая физиономия мелькнула впереди и скрылась за дверью туалета.

«Минута, есть. Баба туда не попрется, остается Долговязый, — Карл Ричардсон дышал в затылок. — Пару секунд у меня есть. Долговязый вряд ли успеет», — оценил ситуацию Кочубей и резко свернул в туалет.

Ричардсон замешкался. Николай, захлопнув за собой дверь, поискал взглядом Юрия. Тот, склонившись над раковиной, старательно мыл руки. Кочубей пристроился рядом, открыл кран и скороговоркой прошептал:

— Меня тащат в машину. Стоянка перед Третьяковкой.

— Понял, Коля. Мы рядом, если, что...

За спиной хлопнула дверь. В туалет вошел Ричардсон. Стрельнув глазами по сторонам, он на мгновение задержал взгляд на Николае, Юрии, отвел в сторону и прошел к писсуару. То ли от волнения, то ли от чего другого молнию на брюках заело. Он судорожно задергал ее, но она не поддавалась.

— Не переживай мужик! Тут все свои, — добродушно заметил Остащенко.

Ричардсон хорошо владел русским языком и не нуждался в переводе. Его тощая физиономия пошла пятнами. Буркнув что-то под нос, зло взглянул на Юрия и яростно дернул молнию. Она с треском разлетелась.

«Так тебе и надо, гад!» — в душе позлорадствовал Николай и вышел из туалета. Присутствие Остащенко придало ему уверенности. Он решительно направился к выходу.

Глава 7

В посольстве США, в особом секторе, защищенном мощным радио-магнитным щитом от невидимых электронных щупальцев русской контрразведки царило радостное оживление. Первый этап операции по связи с Фантомом прошел успешно. Сначала Ричардсон, а затем Перси сообщили: агент вышел на контакт. Резидент Саймон устало откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Его опасения, что явка могла закончиться провалом, не подтвердились. Русская контрразведка на этот раз не показала свои зубы. Опытные Перси и Ричардсон признаков слежки за Фантомом и собой не обнаружили. Об этом также говорили данные службы радиоперехвата дежурившей у станции подземки «Третьяковская». Ее «слухачи» не зафиксировали переговоров русских, которые бы свидетельствовали о присутствии бригад наружного наблюдения. Эфир мирно переливался «бытовухой», зато в северо-восточных и северо-западных районах Москвы его терзали позывные и отрывистые команды.

Саймон и его правая рука Том Гибсон торжествовали: их уловка с отвлечением сил контрразведки на ложные объекты удалась. Постоянно меняющаяся картина на огромном мониторе лишний раз свидетельствовала о том, что она по уши завязла в затеянной резидентурой игре в кошки-мышки.

Плотно сев на «хвост» Брауну, Мэрфи и Картрай, наружка русских второй час моталась за ними по Сокольническому району. Накал переговоров свидетельствовал о том, что нервы у нее на пределе, и тогда Саймон решил обострить ситуацию.

Пришло время Мерфи дернуть «топтунов». На стоянке у станции подземки «Сокольники» он выскочил из машины и ринулся в толпу перед входом. Вслед за ним запоздало бросились двое, но догнать его — в прошлом чемпиона университета по бегу на средние дистанции, было делом не простым. В то время как Мерфи накручивал замысловатые петли в подземке, выматывая погоню, наверху Браун и Картрайт рвали наружку на части. Браун, притормозив на светофоре, резко нажал на газ, а когда вспыхнул красный свет, устремился к дворцу спорта «Сокольники». Также напористо действовал Картрай. Он уводил свой «хвост» в противоположную сторону — к Преображенской площади.

Подобную «карусель» раскручивала группа Ника Купера в районе Северного речного вокзала. По замыслу Саймона, она должна была навести наружку на мысль о закладке резидентурой тайника. И русские клюнули. Прогулка Ника с супругой по набережной Химкинского водохранилища не осталась без внимания, за ними увязался «хвост». Испытывая терпение «топтунов», Ник и Санни долго бродили по аллеям парка, и когда те отстали, шмыгнули в прибрежные заросли и заложили тайник. Тлеющий окурок сигареты, брошенный Ником, должен был подсказать «хвосту», где искать закладку для несуществующего шпиона. Но даже с этой зацепкой контрразведке пришлось бы изрядно попотеть, чтобы найти среди хлама тот самый сучок, внутри которого находилась искусно спрятанная капсула с зашифрованным заданием. Его содержание привело бы в ужас Лубянку. Резидентура ЦРУ требовало от своего агента добыть, ни много, ни мало, а материалы, раскрывающие ответные меры российского министерства обороны

на действия Пентагона по размещению в Польше и Чехии элементов глобальной противоракетной обороны.

Группа Дика Оуэна выполняла еще более сложную задачу. Ей предстояло имитировать моментальную явку с агентом на станции подземки «ВДНХ». Там события также разворачивались самым благоприятным образом. Дик, сделав несколько хитрых финтов и убедившись, что «хвост» не потерялся, в последний момент заскочил в вагон. Два «топтун» еле успели втиснуться в соседние двери. Один из них — курносый, с невыразительным лицом, продвинулся ближе, скользнул по Дикю взглядом, и со скучающим видом уставился в окно, в нем отражались их силуэты. Второй «топтун» остался на месте.

Теперь, когда две пары цепких глаз стерегли каждое движение Дика, пришло время бросить ложную наводку. Осмотревшись, он выбрал «живца-шпиона». Крепыш средних лет, прилично одетый, с модной стрижкой, тянувший на чиновника или военного, вполне подходил на эту неблагодарную роль. Дело оставалось за малым: так обыграть ситуацию, чтобы у наружки не осталось тени сомнения в том, что произошла моментальная явка с агентом и сброшен материал. Но тут не все зависело от артистизма Дика, не менее важна была реакция «Крепыша».

Дик сосредоточился на выборе подходящего варианта действий. Удача сопутствовала ему. Все оказалось проще, чем представлялось в кабинете, когда они с Саймоном проигрывали возможные ситуации. Расстегнутый карман пальто «Крепыша», из которого торчал кошелек, подсказал Дикю, что делать дальше. Он продвинулся вперед, бросил на «Крепыша» многозначительный взгляд и затем перевел глаза на толстяка в кожаной куртке. Это не укрылись от «Курносого». Он принял охотничью стойку и пытался угадать, на кого нацелился «объект» — на «Крепыша» или «Толстяка»? Второй «топтун» тоже зашевелился и ужом проскользнул к двери.

Решающий момент для сброса «Крепышу» контейнера со шпионской закладкой приближался. За окнами тускло мигнули фонари, в тоннели посветлело. Энергично работая плечом, Дик стал пробиваться к выходу. Вслед за ним двинулся «Курносый». «Крепыш» пока оставался на месте и, похоже, не собирался выходить. До него оставалось не больше метра. Еще одно усилие и, отеснив в сторону безусого юнца, Дик оказался рядом с «Крепышом». Тот и не подозревал, что через мгновение станет приманкой для наружки. Все решали секунды. Дик подался к «Крепышу» похлопал по карману, из которого торчал кошелек, в следующее мгновение камуфляж зажигалки выскользнул из руки и свалился внутрь. «Крепыш» дернулся. Дик, опережая его, склонился к уху и обронил:

— Будьте внимательны, потеряете кошелек!

Ответ «Крепыша» потонул в визге тормозов. Поезд остановился, двери открылись, и толпа вынесла Дика на платформу. Он скосил глаз на вагон. «Хвост» развалился надвое. «Курносый» остался на месте и прилип к «Крепышу». За Диком пристроился второй «топтун». Этот не отличался особой прытью, и ему не пришлось сильно напрягаться. Недолго потаскав «хвост» по лабиринту переходов станции «Проспект мира», он поднялся наверх. На стоянке, в машине его поджидал Коллинз. Сделав пару петель среди ларьков, Дик пошел в отрыв. «Хвост» суматошно заметался. Коллинз предусмотрительно распахнул дверцу, и Дик рыбкой нырнул на заднее сидение. Мощный «Лексус» стремительно стартовал с места. Вырвавшись на проспект, Коллинз оглянулся и спросил:

— Все о'кей, Дик?

Тот блаженно улыбнулся и снисходительно ответил:

— Доложи боссу, спектакль разыгран как по нотам!

— Мои аплодисменты! — поздравил Коллинз и включил аппаратуру специальной связи.

Его сообщение, прибавило настроения Саймону. Он бросил победный взгляд на схему Москвы, север полыхал разными цветами, и довольно потер руки. Первая, самая сложная и самая напряженная фаза операции завершилась успешно. Силы контрразведки были отвлечены на ложные объекты, и это позволило Перси без помех провести явку с Фантомом. Подошел черед второй фазы. Разрешение на ее проведение в Лэнгли дали с большим скрипом. Аргументы Перси о том, что Фантом ведет с резидентурой игру — дозированно выдавая информацию по «Тополю», чтобы выкачать из нее как можно больше денег, а также растущая угроза разоблачения агента российской контрразведкой, возымели действие. Лэнгли дало согласие на проведение в отношении него специального мероприятия «Длинный язык».

Накануне явки с Фантомом, из Вашингтона прибыла группа специалистов. Им предстояло с помощью психотропных средств развязать агенту язык. Технические нюансы ее работы мало интересовали Саймона. Его больше беспокоил безопасный заход Фантома и Перси на конспиративную квартиру. В случае, если бы резидентура проморгала русскую наружку, это грозило обернуться грандиозным политическим скандалом. За провал агента, оперативной группы ЦРУ и явочной квартиры Саймону пришлось бы расплачиваться своей головой. Волнение, написанное на его лице, не укрылось от взгляда заместителя — Фрэнка Гибсона. Тот тоже сидел как на иголках, и не в силах справиться с напряжением, обронил:

— Скорее бы все закончилось.

— Да, — согласился Саливан, посмотрел на часы и распорядился: — Фрэнк, уточни обстановку в «шкатулке»? Они готовы к приему Фантома?

Гибсон снял трубку телефона, ответил старший группы, и спросил:

— Фил, как у вас?

— Мы готовы. Ждем.

— Они в пути. Осталось меньше часа.

— Фил, только не переборщите с препаратом, — вмешался в разговор Саймон.

— Сэр, не волнуйтесь, мы все просчитали, — заверил он.

— И все-таки, меня беспокоит объем дозы.

— Все будет о'кей.

— В чем подадите препарат?

— Три варианта: чай, кофе, водка.

— А если Фантом откажется?

— После такой встряски ему и литра водки будет мало.

— Будем надеяться, что он ничего не заподозрит, — согласился Саймон и обратился к оператору: — Мэл, уточните обстановку у галереи!

Тот склонился к телефону. Доклад Ричардсона разрядил обстановку и поднял настроение Саймону. Фантом покинул место явки и точно следовал указаниям Перси. Он находился на автостоянке у станции «Третьяковская»...

Пробежавшись взглядом по машинам, Кочубей без труда нашел нужную, прошел к машине, открыл заднюю дверцу и заглянул. В салоне находились двое. На его появление водитель никак не отреагировал, а второй — с бычьей шей, кивнул на свободное место.

— Привет ребята! — поздоровался Кочубей.

Водитель промолчал, а «Бычья шея» буркнула:

— Садись!

Николай забрался на заднее сидение, сел так, чтобы видеть в зеркало водителя и «Бычью шею». Прошла минута, другая, а Перси все не появлялся, Кочубей решил воспользоваться моментом, чтобы прощупать парочку и поинтересовался:

— Кого ждем, ребята?

— Кого надо, — не проявил желания к разговору «Бычья шея».

Николая это не остановило, и он продолжал доносить вопросами:

— Куда едем?

— Хозяин скажет.

— Что-то он не торопится, а у меня дела

— Я тебе русским языком сказал: Жди хозяина, — в голосе «Бычьей шеи» послышался легкий акцент.

— Русским? А ты где его учил? — зацепился Николай.

— Чего?! — насторожился «Бычья шея».

Но тут открылась дверца и появился Перси. Плюхнувшись рядом с Кочубеем, он распорядился:

— Вперед!

Водитель надавил на педаль газа. Послушная его рукам машина принялась совершать замысловатые маневры. «Бычья шея» приник к зеркалу и высматривал «хвост». Николай тоже сосредоточился на дороге, пытаясь запомнить маршрут, но вскоре понял — это бесполезное занятие. За рулем сидел профи, который отлично знал Москву, и потому Кочубей переключился на Перси:

— Марк, к чему эти маневры?!

— Не волнуйся, Орест! Все под контролем! Едем в надежное место, там спокойно поговорим.

— Не волноваться?! Мне за такие разговоры столько впаяют, что тебе и не снилось

— Орест, не накручивай себя, за поездку с иностранцем у вас уже давно не сажают.

— Марк, мне сейчас не до шуток.

— Все будет о'кей, Орест. Мы не останемся в долгу. На твой счет перечислим ...

Договорить Перси не успел. Его бросило вперед. Кочубея швырнуло на дверцу. Водитель BMW, уходя от столкновения, ударил по тормозам и резко взял вправо. Раздался скрежет металла. Следовавший за ними «Мерседес» чудом ушел от лобового удара и, помяв правый бок BMW, вылетел на полосу встречного движения. Николай сжался в комок, ожидая нового удара. BMW застыла в нескольких сантиметрах от фонарного столба. На дороге мгновенно возникла

пробка, а у машин толпа зевак. Николай пришел в себя, поднял голову и перевел дыхание. За стеклом мелькнули усатая физиономия Остащенко и задорный хохолок Саликова.

Авария с машиной американских разведчиков не была случайностью. В оперативном штабе Сердюка выбрали, может быть не самый лучший, способ освобождения Кочубея из лап ЦРУ. Острейшая ситуация не оставляла выбора контрразведчикам. Теперь уже Перси приходилось искать выход из положения. Авария смешала все карты резидентуры. Возбужденная толпа гомонила вокруг машин и пострадавших.

— Марк, что делать?! Что?! — запаниковал «Бычья шея».

Перси с трудом приходил в себя. Ему повезло меньше, чем Кочубею. В голове все шумело, перед глазами расплывались разноцветные круги, грудь и колено левой ноги ломило от острой боли. Но не столько она, сколько положение, грозившее расшифровкой Фантома, требовала немедленных действий. В любую секунду мог появиться милиционер, и тогда... Перси не мог допустить этого и решительно потребовал:

— Том, ты остаешься! Свяжись с посольством, они помогут.

— Хорошо, босс. Я прикрою, — заверил «Бычья шея».

— Орест, мы уходим! Ты первым. Место и время следующей встречи сообщу по известному тебе каналу, — объявил Перси и подтолкнул Кочубея выходу.

Николай, преодолевая боль в правом плече, с трудом выбрался из машины, нырнул в толпу и там попал в крепкие руки Остащенко и Саликова. За ним последовал Перси. Его пошатывало, кто-то пришел на помощь, подставив плечо, довел до лавки и, участливо заглядывая в глаза, спросил;

— Как себя чувствуете?

— Живой, — с трудом вымолвил Перси и попытался улыбнуться, но вышла жалкая гримаса. Надрывный вой милицейских сирен придал ему силы.

«Надо уходить! Надо уходить!» — подстегивая себя, Перси поднялся с лавки. Легкий морозец и порывистый ветер, стегавший по лицу, привели его в чувство. Проклиная русские дороги и непогоду, ноги разъезжались на ледяной корке, он доковылял до первой подворотни, достал телефон и связался с Саймоном.

— Слушаю тебя, Марк, — бодро ответил тот.

— У нас большая проблема, Джек, — потеряно произнес Перси.

— Проблема?! ... Какая? — осекся Саймон.

— Авария.

— Как?! Где?! — сорвался на крик Саймон.

— Недалеко от метро «Таганская».

— Как ты? Как он?

— Вроде целы.

— Вы в машине?

— Нет! Там Том.

— Где Фантом?

— Ушел.

— А как же шкатулка? Как? — растерялся Саймон.

— О чем ты, Джон?! Какая к черту шкатулка?! — взорвался Перси.

— Да-да, ты прав! Извини, Марк. Я немедленно отправлю за тобой машину.

— Не надо, доберусь сам! — отказался Перси и, припадая на поврежденную ногу, заковылял на конспиративную квартиру резидентуры ЦРУ.

К счастью она находилась поблизости. Там его ждали группа Филадельфии, чуть позже появился посольский доктор. Несмотря на устрашающий синюшный подтек на груди и шишку на колене, для Перси авария обошлась без переломов. Доктора больше беспокоили шумы в голове и легкое головокружение. Он внимательно изучил зрачки, измерил пульс, давление и сделал заключение: сотрясение мозга и потребовал госпитализации. В положении Перси сделать это

было не просто, так как грозило расшифровкой. Он решил отлежаться на конспиративной квартире. Последнее слово осталось за Саймоном. Тот принял соломоново решение: до отъезда из Москвы Перси должен находиться на конспиративной квартире под наблюдением доктора.

Потянулись дни вынужденного безделья. Крепкий организм помог Перси быстро восстановиться. На четвертые сутки травмы напоминали о себе лишь при резких движениях. Теперь его больше волновала судьба Фантома. Саймон не мог сообщить ничего утешительного. Агент не выходил на связь и не появлялся на маршруте движения к академии Петра Великого. Перси оставалось только гадать и надеяться, что авария не вызвала серьезных последствий для здоровья Фантома. В связи с этим, в Лэнгли решили взять паузу в работе с агентом, а Перси отозвать в Киев.

30 октября бизнесмен из Австрии Бруно Крэнц вылетел в Вену, и вечером того же дня в Киев возвратился уже Марк Перси. Дома его ждало тяжелое объяснение с Маргарет. Следы ушибов говорили сами за себя. На этот раз она не хотела ничего слышать, костерила на чем свет стоит Саливана и порывалась обратиться к послу. Перси с трудом удалось уговорить ее не делать этого. Но неприятности на этом не закончились, На следующий день при встрече с Саливаном, вместо благодарности он выслушал кучу упреков и гадостей. Назревавший скандал остановил появившийся в кабинете Кейдж. Служба специальных расследований продолжала упорно искать русского крота в киевской резидентуре. Попытка Саливана перевести стрелки на Генри Ковальчука не удалась, и теперь ему самому приходилось расхлебывать им же заваренную «шпионскую кашу».

— Как съездил, Марк? — пожав руку, поинтересовался Кейдж.

— Можно и лучше, — уклончиво ответил Перси.

— Я слышал, у тебя возникли трудности, но ты проявил себя молодцом.

— От тебя, Фрэнсис, ничего не скроешь.

— Служба, — хмыкнул тот и, дав понять, что разговор окончен предупредил: — У нас еще будет время поговорить.

— Не горю желанием, — буркнул Перси.

Из кабинета резидента он вышел в омерзительном настроении. После таких встреч и бесед пропадало всякое желание что-либо делать. Возвратившись к себе, Перси так и не открыл сейф и не притронулся к документам. В нем росло жгучее желание смахнуть все со стола на пол и растоптать бумажную шпионскую бухгалтерию. Его бесило отношение Саливана и Кейджа к работе с Фантомом. Похоже, им было глубоко наплевать на нее. Их больше занимали грязные слухи, домыслы и игры с русскими шпионами.

Стук в дверь отвлек Перси от мрачных мыслей — в кабинет заглянул Берд. В резидентуре он занимал особое положение и не потому, что за ним стояли вербовки ценных агентов и блестящие операции. Двоюродный брат, заседавший на Капитолийском холме, и острый как бритва язык, заставляли даже Саливана остерегаться Берда.

— С возвращением, блудный сын! — приветствовал Берд.

— Привет, Николос, — вяло ответил Перси.

— Марк, почему такой похоронный вид?

— А после Саливана другой разве бывает?

— Ха-ха, — хохотнул Берд и желчно заметил: — С приездом Кейджа он совсем слетел с тормозов.

— Все ищут крота?

— Ищут, но не там.

Осведомленность Берда была общеизвестна, и Перси забросил удочку:

— И в какой же он норе?

Берд глубокомысленно посмотрел на потолок.

Перси намек понял.

— Думаешь там?

— Если не там, то в Москве.

— Так какого черта Кейдж тут вынюхивает?!

— Москва — не Киев.

— Перестраховщики! Из-за них скоро самого себя возненавидишь! — с ожесточением произнес Перси.

— Да, плюнь ты на их возню.

— Легко сказать! Мерзавцы! Все нервы вымотали.

— Марк, не стоит так надрыватьсья. Тебе остался год до пенсии, наслаждайся жизнью, — посоветовал Берд и, достав из кармана три фотографии, спросил:

— Что можешь рассказать об этих рожах?

Договорить им не удалось. В кабинет заглянули Ливицки с Грей. Разговор перешел на сменщика Ковальчука. Двадцатисемилетний Джонатан Грин получил назначение на один из ключевых участков — в политическую разведку. По этому поводу в резидентуре строились различные предположения. Берд что-то знал, но промолчал. Вскоре эта, а также другая злободневная тема — борьба за власть между Ющенко и Януковичем, иссякли. Перси остался один и занялся подготовкой отчета по материалам, полученным от Фантома. На следующий день он представил его Саливану. Тот интереса не проявил, бегло прочитал, не стал задавать вопросов и подписал. Отправив отчет в Лэнгли, Перси с головой окунулся в работу с агентурой. За время его отсутствия у нее накопилась масса конфиденциальной информации на политических конкурентов в борьбе за власть в Украине. Он едва успевал с одной явки на другую и начал забывать о неприятностях, но тут о себе напомнил Кейдж.

В поисках русского крота «Главный инквизитор» добрался до Грей. В ее, казалось бы, безупречном прошлом он обнаружил «темное пятно». Год назад Джоан в составе инспекционной группы вела разведывательную работу на российском заводе в городе Воткинске, в цехах которого изготавливались ступени баллистических ракет. Под ее чары попал молодой инженер из конструкторского бюро. Джоан

воспользовалась этим и взяла его в оперативную разработку, но добраться до главных ракетных секретов так и не смогла. Зато приткий русский «мачо» едва не затащил ее в свою постель. В Лэнгли не захотели заходить так далеко, и отозвали Джоан из России.

Подозрительный Кейдж расценил ухаживания «мачо» как вербовочный подход со стороны местной контрразведки и вцепился в Джоан. Надеясь вывести «мерзавку на чистую воду», он не нашел ничего лучшего, как использовать Перси и его отношения с ней. Начав разговор с туманных намеков о связи Джоан с русской контрразведкой, Кейдж предложил ему «прощупать, чем она дышит». Перси, не желая ссориться со Службой специальных расследований — себе выйдет дороже, под различными предложениями пытался уклониться. В конце концов, Кейджу надоела игра в пинг-понг, он не стал дальше миндальничать и извлек из прошлого его «грязное белье» — интимную связь с Джоан. Перси взорвался. На шум перебранки сбежали сотрудники из соседних кабинетов, и спасли Кейджа от расправы. На следующий день он улетел в Вашингтон. А Перси сидел как на иголках и ждал оргвыводов. Их не последовало, похоже, черная полоса в его жизни закончилась.

После затянувшегося молчания, наконец, дал о себе знать Фантом. 20 ноября на сайте: «Ракетная техника. Новинки, изобретения, предложения» появилось его сообщение. Перечитав его, Перси испытал противоречивые чувства. С одной стороны оно развеяло опасение, что Фантом мог расшифроваться перед русской разведкой, а с другой — характер полученной во время аварии травмы: «смещение диска позвоночника», отодвигал на неопределенный срок завершение операции по получению секретов «Тополя».

В своем ответе Перси обошел тему задания стороной, пожелал Фантому скорейшего выздоровления и выразил надежду на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество.

После этого он снова погрузился в рутину повседневных дел. В череде безликих дней светлым пятном стали рождественские праздники и отъезд Саливана в отпуск. За него остался Дик Шульц. Мягкий и не конфликтный по характеру, он не дергал сотрудников по мелочам, и в резидентуре воцарилась рабочая атмосфера.

Следующей приятной новостью стал выход на связь 17 января Фантома. Он сообщил, что в его здоровье произошло значительное улучшение и в ближайшее время он будет направлен для прохождения восстановительного курса лечения в Пятигорск. Перси немедленно связался с Саймоном, и они принялись готовиться к явке с Фантомом. Ее намечалось провести в Пятигорске. Их планы грубо поломал Саливан. Возвратившись из отпуска, он решительно взялся за дела. Попытка Перси решить вопрос о своей командировке в Пятигорск не нашла у него поддержки. Саливан полагал: в сложившейся острой предвыборной ситуации в Украине присутствие Перси в Киеве более оправдано. И пока они бодались между собой, в операции с Фантомом произошел резкий поворот.

20 марта от него пришло очередное сообщение. Оно стало ударом для Перси. Командование направляло Фантома в Абхазию в состав российских миротворческих сил. Главные секреты «Тополя», до которых оставалось сделать всего один шаг, уплыли из-под самого носа. Сообщение Фантома не произвело никакого впечатления на Саливана, а в Лэнгли снова взяли паузу, чтобы определиться, как в новой ситуации строить с ним работу.

Операция перешла в вяло текущий режим. Попытки Перси придать ей дополнительный импульс, в связи новыми возможностями Фантома, откровенно игнорировались Саливаном. Его интересовала только информация о том, что происходило в стане оппозиции президенту Ющенко. С этого рабочий день в резидентуре начинался и тем же

заканчивался. В отвратительном настроении Перси поднялся в кабинет Саливана. Холодно кивнув на кресло, он поинтересовался:

— Когда у тебя явка с агентом Бульба?

— На днях, — затруднился вспомнить Перси.

— А точнее?

— Надо свериться с записями.

— Не надо! Срочно вызывай на явку! — потребовал Саливан.

— К чему такая спешка? — недоумевал Перси

— Это Бульба дал информацию об утечке из Министерства обороны Украины данных о поставках военной техники в Грузию?

— Да, но они носили отрывочный характер.

— Вот потому встречайся и детализируй!

— Не вижу смысла. Больше того, что у нас есть, он не скажет.

— Хватит дискутировать! Проводи явку и получай информацию!

Перси молча проглотил обиду и, чтобы не обострять отношений, перешел к практической стороне явки:

— Кто ее прикроет?

Саливан прошелся взглядом по списку сотрудников резидентуры и объявил:

— Берд, Ливицки, Грей. Достаточно?

— Да.

— Свободен. Жду доклада! — закончил разговор Саливан.

Перси, чертыхнувшись про себя, спустился в свой кабинет. Берд, Ливицки и Грей находились на месте. Распоряжение Саливана вызвало у них только негативные эмоции. Решив вопрос с прикрытием явки, Перси принялся названивать агенту Бульба. Наконец, тот ответил и, судя по интонациям, звонок его не обрадовал.

— Марк, что стряслось? У меня телефон горит, — проворчал он.

— Богдан, есть приятная новость — не стал его накручивать Перси и произнес условную фразу: — Твоей статьей заинтересовался один известный журнал.

Она означала: необходимо срочно прибыть на явочную квартиру.

— Марк, давай завтра. У дело важное есть сегодня, — взмолился Бульба.

— Жду через три часа на старом месте! — отрезал Перси.

Старым местом являлась явочная квартира ЦРУ. Три года назад ее приобрел для встреч с агентами предшественник Перси Сэм Болтон. Наводку на хозяйку он получил из пражской резидентуры ЦРУ. Ее дочь шесть лет назад выехала в Чехию на заработки. В американской разведке быстро смекнули, что более подходящей кандидатуры для агентурной разработки «объектов» из Украины и России найти трудно: привлекательная внешность и знание трех языков дорогого стоили.

Подготовка и, собственно, сама вербовка девушки не заняла много времени. Побывавшая в передрыгах, она с полунамека поняла, чего от нее хотят. При «птичьих правах» и проблемах, которые у нее периодически возникали с полицией нравов, такая крутая «крыша», как американская разведка, была весьма кстати, а будущий солидный шпионский заработок развеял все сомнения.

После короткого «шпионского ликбеза», теперь уже агент ЦРУ Фиалка, умело кружила головы и развязывала языки млевшим от ее чар русским и украинским политикам, бизнесменам. Вскоре она предложила привлечь к работе мать и ее квартиру.

Опытный Болтон решил, что квартира, расположенная на бойком месте и имевшая удобные подходы, идеально подходила для конфиденциального приема агентуры. Это

предложение резидент утвердил без колебаний, вербовка с помощью немалой суммы, состоялась.

Перси не пожалел, когда принял «Гвоздику» (такой псевдоним получила хозяйка) на связь. Она умела хранить чужие тайны, славилась кулинарными способностями. И на этот раз в прихожей явочной квартиры Перси встретил аппетитный запах сдобы. Отказавшись от предложения отведать пирогов, он поспешил в гостиную. До прихода Бульбы оставались считанные минуты, а ему требовалось включить аппаратуру скрытой записи.

Плотно прикрыв дверь, Перси прошел к крайнему книжному стеллажу, снял с верхней полки два тома стихов Пушкина и, нащупав на задней стенке шляпку «монтажного шурупа», надавил. За спиной еле слышным шорохом отозвались включенные микрофоны, а в противоположных углах комнаты мигнули ожившие микроскопические, вмонтированные в стены камеры. Теперь Перси занялся сервировкой стола. Достал из бара бутылку французского коньяка, рюмки, шоколад, лимоны.

Перси резал лимон, когда в прихожей раздался звонок. Из коридора донеслись легкие шаги, затем лязгнули замки и послышались приглушенные голоса. Перси по привычке нашарил в кармане платок. После каждой явки с Бульбой он вытирал руки. Завербованный Болтоном агент вызывал в нем чувство гадливости. Но связи Бульбы среди украинских политиков и способность пролезть даже в игольное ушко, вынуждали Перси каждый раз ломать комедию, чтобы не оттолкнуть от себя агента. Изобразив на лице улыбку, он выглянул в коридор и поздоровался

— Хэллоу, Богдан! Как ты?

— Хреново. Ты мне одно дело загубил, — проворчал агент, поправил разлохматившуюся гриву волос, прошел в гостиную и, пробежавшись взглядом по столу, спросил: — А где сало?

— Забочусь о твоём здоровье, — пытался сгладить возникшую неловкость Перси.

— Кто такое сказал?

— Это медицина говорит.

— Брехня! — безапелляционно заявил Бульба и бесцеремонно развалился на диване.

Перси открыл бутылку, разлил коньяк по рюмкам и предложил тост:

— За наше сотрудничество!

— И чтоб про нее не прознала бэспэка! — буркнул Бульба.

— Не беспокойся, Богдан, для нее наши отношения носят творческий характер. И лучшее тому подкрепление — твои публикации.

После третьей рюмки агент посыпал политическими сплетнями и слухами. Когда Бульба добрался до министерства обороны, Перси перебил его:

— Стоп, Богдан! Отсюда подробно! Что говорят о поставках украинского оружия в Грузию?

— Да ничего особенного, все вокруг да около, — пробубнил Бульба и потянулся к бутылке с коньяком

— А все-таки?! — остановил его Перси.

— Да про зенитно-ракетные комплексы.

— Какие?

— «Бук».

— Что еще?

— Про БТРы и спецов.

— Кто говорит.

— Я услышал от Завальнюка.

— А он от кого узнал?

— Через военных, — предположил Бульба.

— Логично, — согласился Перси. Соглашение о тайных поставках вооружений из Украины в Грузию, о которых в военных ведомствах этих стран знал лишь ограниченный

круг лиц, уже не являлись тайной. Это могло серьезно пошатнуть и без того зыбкие позиции президента Ющенко и нанести серьезный удар по интересам США в Украине. Для того чтобы не допустить дальнейшей утечки информации о поставках требовалось найти ее источник. Проходимцу Бульбе с его связями в политической верхушке такая задача была по силам, и Перси надел на агента:

— Богдан, я тебя прошу, отбрось все дела и займись Завальнюком!

— Легко, сказать. Где он, а где я, — замылся агент.

Проходимец не упускал любую возможность, чтобы выжать из резидентуры лишнюю сотню долларов. Перси посчитал, что это не тот случай, когда можно торговаться, и прямо спросил:

— Сколько это будет стоить?

— Думаю, что много — набивал себе цену агент.

— Богдан, вопрос не в цене, а в качестве информации.

— Ну за это я ручаюсь.

— Насколько твой знакомый близок к Завальнюку? — допытывался Перси.

Бульба расплылся в ухмылке и снисходительно заметил:

— Ближе не бывает.

— Хорошо! Сколько ты хочешь?

— О, это уже деловой разговор! — оживился Бульба и объявил: — Одиннадцать тысяч!

— Чего? — возмутился Перси

— Не хочешь, не надо!

— Ладно, ладно! Но информация должна того стоить! Бульба довольно потер руки.

— Значит, договорились! А теперь расходимся. У меня дела, — поторопил Перси. Бульба ушел.

Перси выключил аппаратуру, подождал пятнадцать минут, на тот случай, если за агентом увязался хвост, и затем

покинул явочную квартиру. Через квартал от нее в машине его ждал Ливицки.

— Домой, Марк? — спросил он.

— Нет, в посольство, — устало произнес Перси.

— Так поздно уже.

— Саливан ждет.

— И чего ему нейметя?

— Это ты у него сам спроси.

— Ну, уж нет, себе выйдет дороже, — хмыкнул Ливицки.

Через двадцать минут они были в посольстве. Несмотря на поздний час, на этаже, который занимала резидентура, во многих окнах горел свет. Перси поднялся в кабинет Саливана. Тот кивнул на кресло. Пауза затягивалась. Саливан будто не замечал Перси и неторопливо шелестел листками. Марк начал вскипать, его так и подмывало бросить Саливану в лицо: «Ты, чего из себя корчишь надутое ничтожество!»

Саливан наконец спросил:

— Что нового сообщил Бульба?

— Ничего! — отрезал Перси.

— Так-таки и ничего?

— Абсолютно.

— Это не ответ разведчика.

— А ты что хотел услышать?!

— Кто сбросил материал газетчикам? Где этот мерзавец сидит? Чего здесь непонятного? — монотонно бубнил Саливан.

Перси сквозь зубы процедил:

— Он постарается их выяснить через помощника Завальнюка. Но для этого необходимы деньги.

— Деньги! Деньги! А что, иначе ваши хваленые агенты работать не могут? Ты профессионал или кто?

Такого откровенно хамского отношения к себе Перси уже не мог позволить и, гневно воскликнул:

— Ты вызвал меня оскорблять или работать?

— Работать?! И это ты называете работой? Если считаешь прикрыться Фантомом, то со мной такой номер не пройдет. Я...

Саливан осекся и отпрянул назад. Перси в ярости взлетел над столом. Саливан вжался в кресло, и, выбросив руки вперед, что-то промышчал.

— Ничтожество! — с презрением бросил Перси и, хлопнув дверью, вылетел в приемную.

Не замечая никого и ничего, он промчался по коридору и ворвался к себе в кабинет. Его колотило. Подобного унижения ему не приходилось испытывать за всю свою службу. Это серое ничтожество, называвшее себя резидентом, позволило себе втоптать его в грязь.

«Все! С меня хватит! К чертовой матери такую службу!» — в душе Перси продолжала бушевать буря. Сделав круг по кабинету, он плюхнулся в кресло, выдернул из стопки листов чистый и приготовился писать рапорт. Рука вывела первую букву и застыла.

«Стоп, Марк, не пори горячки! Свинья Саливан этого только и ждет. Ну, уж нет! На тебе, мерзавец, свет клином не сошелся! Есть Перкинсон. Есть старина Шлосс!» — вспомнил Перси о давних друзьях.

Гарри Шлосс был далеко не последним человеком в Лэнгли и был на короткой ноге с Директором. Отбросив в сторону щепетильность, Перси поднял трубку спецсвязи. Ответил сам Шлосс. Бодрый голос Гарри придал Перси уверенности. Не вдаваясь в историю своих отношений с Саливаном, он рассказал о последнем конфликте. Шлосс внимательно выслушал, рекомендовал запастись терпением и пообещал помочь.

Прошла неделя. Перси она показалась вечностью. Каждый день он приходил в кабинет, ничего не делал и ждал звонка Шлосса. Тот дал о себе знать только во вторник. Свое слово он сдержал — в ближайшие дни Перси ждал вызова в

Лэнгли. Но это было не все — Гарри намекнул: впереди его ждало назначение на должность заместителя руководителя резидента в Тбилиси. В руководстве ЦРУ, видимо, учли предыдущую работу Перси в Грузии, а также присутствие в Абхазии агента Фантома и решили таким образом развести его с Саливаном.

Глава 8

После аварии, Николай, следуя легенде, которую с ходу разработали Сердюк и Агольцев, вынужден был лечь в госпиталь. Все с нетерпением ждали ответной реакции ЦРУ. И на следующий же после происшествия день, разведчики наружного наблюдения Зоркого засекли появление сотрудников посольской резидентуры на маршруте движения Фантома к академии Петра Великого. Спустя сутки на сайте: «Ракетная техника. Новинки, изобретения, предложения» появилось послание Майкла-Перси. В нем он интересовался *«...состоянием здоровья коллеги и отсутствием угроз для дальнейшего делового сотрудничества»*.

Градов не спешил с ответом. В ходе жарких дискуссий, разгоревшихся в его кабинете, было принято решение: максимально затянуть время. Ситуация работала на контрразведчиков, и Кочубей, несмотря на то, что уже через неделю оправился от травмы, вынужден был томиться в палате центрального госпиталя РВСН. Затворничество продолжалось до середины ноября, когда Градов посчитал: пора выходить на связь с ЦРУ.

20 ноября на сайте: «Ракетная техника. Новинки, изобретения, предложения» появилось сообщение Фантома.

В нем он информировал американскую разведку о том, что в результате аварии *«...у меня произошло смещение диска позвоночника и для полного восстановления потребуется длительное время»*. Майкл ответил на второй день. Он, не затрагивая тему задания, пожелал «коллеге» скорейшего выздоровления и выразил надежду на продолжение работы.

Уловка сработала. Сердюк с Агольцевым получили возможность сосредоточиться на подготовке дезинформационных материалов для ЦРУ. Весь декабрь ушел на согласование с ведущими разработчиками и специалистами по защите данных по «Тополю», которые Кочубей должен был передать Майклу. В итоге на стол Градова лег малый перечень секретов. Он вряд ли мог заинтересовать американскую разведку. В сложившейся ситуации участникам операции ничего другого не оставалось, как тянуть время, и надеяться, что разработчики «Тополя» пойдут навстречу. Надежда не оправдалась, и контрразведчики прибегли к очередной уловке.

17 января на сайте: *«Ракетная техника. Новинки, изобретения, предложения»* появилось новое сообщение Фантома: *«...В ближайшее время выеду в Пятигорск для прохождения восстановительного курса лечения. Надеюсь на продолжение сотрудничества»*.

Майкл живо отреагировал на сообщение и предложил провести явку в Пятигорске. Эта инициатива настроения контрразведчикам не добавила. По указанию Градова они приступили к подготовке операции по проведению явки. Агольцеву и Кочубею пришлось оставить все дела и срочно вылететь в Пятигорск, чтобы на месте отработать с коллегами детали предстоящей операции. Сердюк остался в Москве и занялся формированием блока дезинформационных материалов. К 23 января в Пятигорске все было готово для встречи с Майклом, но он молчал.

Наступил март, а в ЦРУ будто забыли о Фантоме. Пауза затягивалась. И тут ориентировка, поступившая из Службы внешней разведки, вынудила Градова созвать срочное совещание.

Сердюк, Писаренко, Агольцев и Кочубей насторожено поглядывали на Градова. В последнее время в таком составе они собирались не так часто. Профессиональный опыт подсказывал — причиной сбора могли стать обстоятельства чрезвычайного характера. Устало взглянув на подчиненных, он спросил у Кочубея:

— Ну что, ракетчик, не надоело болеть?

— Честно говоря, товарищ генерал-полковник, засиделся! — признался Николай.

— Может еще выждать, Георгий Александрович? Пауза нам на руку, — не был склонен к активизации операции Сердюк.

— С дезой по-прежнему туго, — поддержал его Агольцев.

— А меня беспокоит другое — почему ЦРУ ведет себя так пассивно? — задался вопросом Писаренко.

— Забота о здоровье и безопасности ценного агента. Майкл об этом прямо пишет, — напомнил Сердюк.

— Забота? Что-то не вяжется с тем, как в ЦРУ вели себя раньше. То гнали, как на пожар, а тут вдруг резко ударили по тормозам!

— Посчитали все риски явки в Пятигорске и отказались, — предположил Агольцев.

— И не только это. Василий Григорьевич прав, — согласился Градов с доводом Писаренко.

— Позвольте высказать свое соображение, Георгий Александрович? — попросил разрешения тот.

Градов кивнул головой. Получив поддержку, Писаренко заговорил напористо:

— Товарищи, давайте посмотрим на действия Фантома с позиции Перси. А они, с точки зрения психологии...

— Василий Григорьевич, психология она, конечно, хороша, но речь не о ней, а о том, как грамотно вернуть Николая в игру! — перебил его Агольцев.

— И я о том же! — отрезал Писаренко и продолжил: — Обратимся к началу операции. Что мы имели? Фантом-Литвин, рискуя, едет в Киев, выходит на ЦРУ, ведет торг, получает крохи, на этом не останавливается и пытается получить весь куш. А сегодня, когда до него остается всего шаг, он уходит в сторону. Где логика?

— Не в сторону, а проходит курс лечения, — буркнул Агольцев.

— Но он же не инвалид?

— Василий Григорьевич, смотри не глазь, — пытался смягчить остроту спора Градов.

Но Писаренко было уже не остановить:

— И опять-таки, вернемся к психологии. Нет сомнений, что в ЦРУ просчитали Фантома нахальным, нахрапистым, ради денег готовым на все. А что происходит сейчас? Он едет в Пятигорск, вместо того, чтобы здесь, в Москве выкачивать деньги из ЦРУ. Как-то не вяжется с его характером. Это...

— Все вяжется! — перебил Агольцев, — Ему из ЦРУ так и указали: «Сиди тихо и не высовывайся!»

— Согласен, в позиции ЦРУ есть своя логика, но ее нет в поведении Фантома. Он что, стал другим? — гнул свое Писаренко

— Василий Григорьевич, то, о чем ты говоришь, имеет место. Но мы, в первую очередь, должны исходить из логики развития операции. Хорошо, Фантом выходит на Перси передает информацию, которую мы с горем пополам наскребли у ракетчиков, а дальше что? Тупик! — возразил Сердюк.

— Но не идти же нам на поводу у ЦРУ! Надо навязывать свою тактику! — не сдавался Писаренко.

— Психология? Тактика? Завяжут они нас узлом, вот тогда я на тебя посмотрю! — потерял терпение Агольцев.

— Тихо, тихо, товарищи! — остановил спорщиков Градов, и подвел итог: Каждый из вас по-своему прав. Речь надо вести не о том, что хуже, или что лучше, а как сохранить операцию и не создать проблем для Николая. В конце концов, за всех нас перед ЦРУ отвечать ему одному, — и, обратившись к Кочубею, спросил:

— Сам-то что думаешь, Коля?

Тот переглянулся с Сердюком и ответил:

— Перейти к запасному варианту, товарищ генерал полковник.

— То есть, после лечения — перевод к миротворцам в Абхазию? — уточнил Градов.

— Да, и тогда уже Перси, а не мы будет ломать себе голову, как выйти на явку и какое дать задание. За один день это ему не сделать. Что касается психологии, я согласен с Василием Григорьевичем — Литвин ждать бы не стал и попытался урвать свое. Поэтому, перед тем, как отправиться в Абхазию, я полагаю, надо скинуть Майклу дезу и потребовать денег.

— Денег говоришь? — с улыбкой заметил Градов.

— А почему бы и нет.

— Не обеднеют, — поддержал Кочубея Агольцев.

— И мы вздохнем свободно, а то ракетчики от нас, как черт от ладана шарахаются, — согласился с таким развитием операции Сердюк.

Лишь Писаренко не разделял оптимизма. Его так и подмывало что-то сказать, но, наткнувшись на колючий взгляд Агольцева, он промолчал. Это не ускользнуло от внимания Градова.

— Василий Григорьевич, у тебя, похоже, иное мнение? — обратился он к нему.

— Скорее опасение, — подтвердил Писаренко.

— И какое же?

— Полагаю, что Фантом вряд ли будет интересен ЦРУ в Абхазии.

— Что значит интересен? Ты, Василий Григорьевич, совсем уж замудрил, — отмахнулся Агольцев.

— Да погоди ты, Виктор Александрович, пусть объяснит! — одернул его Градов.

Писаренко был уже не столь категоричен:

— Напрашивается аналогия с американскими агентами Ивановым и Морозовым. После того, как их перевели из Москвы на Дальний Восток, ЦРУ работу с ними законсервировало.

— О, когда то было, еще при царе Горохе. Тогда американцы дальше московской кольцевой носа не высовывали, — скептически заметил Сердюк.

— А Абхазия не Дальний Восток, там сейчас горячо, — поддержал его Агольцев.

Градов же не спешил с окончательным решением, видимо доводы Писаренко возымели силу, и предложил:

— Так, товарищи, нужно взвесить все «за» и «против». Анатолий Алексеевич, Василий Григорьевич, задержитесь, остальные свободны.

Подождав, когда за Кочубеем и Агольцевым закроется дверь, Градов поднялся из кресла, прошел к сейфу, достал из него документ и предложил.

— Почитайте!

Это была ориентировка из Службы внешней разведки. Руководитель разведки информировал Директора ФСБ о том, что ЦРУ осведомлено о поиске российской контрразведкой источника — агента торгующего секретами «Тополя». Ниже приводился их перечень. Сердюк просмотрел его и не поверил собственным глазам — перечень совпадал с тем, что «выставлял» на продажу Литвин.

— Да, Анатолий Алексеевич, все до цифры, до запятой сходится, — подтвердил Градов.

— Но как?! Где?! Кто?! — воскликнул Сердюк.

— Теперь на операции можно ставить крест, — потерянно произнес Писаренко.

— Стоп, братцы, рано паниковать! Раз ЦРУ полагает, что мы ищем продавца, значит, не догадывается о нашей игре, — не теряя уверенности Градов.

— Выходит, что так, — согласился Сердюк.

— В таком случае они постараются выжать по максимуму из Фантома, пока мы его не арестовали, — предположил Писаренко.

— Совершенно верно, Василий Григорьевич! Поэтому перевод Фантома в Абхазию с одной стороны обезопасит Кочубея, а с другой позволит нам сохранить операцию и повести игру на новом поле, — заключил Градов.

— Рискованно, она обернется бумерангом, если не мы узнаем, где и через кого произошла утечка информации, — возразил Сердюк.

— Да. И эта задача выходит на передний план.

— Где только мерзавца искать? К сожалению, разведчики не дают зацепки, — посетовал Сердюк.

— Если бы была, Анатолий Алексеевич, то дали бы, конечно. Придется рассчитывать на собственные силы, — констатировал Градов.

И пока они с Сердюком ломали голову, Писаренко, склонившись над листом бумаги, что-то торопливо набрасывал.

— Василий Григорьевич, что за ребус ты решаешь? — заинтересовался Градов.

— Да вот, — и Писаренко подал ему набросок схемы и список из семи фамилий.

В нем значились: он сам, Сердюк, Зоркий Кочубей, Остащенко, Салтовский и Саликов — все те, кто имел прямое отношение к операции «Мираж». У Градов брови поползли на лоб.

— Ну, ты даешь?! Самого себя подозревать! — изумился он.

Писаренко покраснел, но твердо ответил:

— Товарищ генерал-полковник, я констатирую факт. Разве что с Саликовым переборщил. Он список Литвина не видел, но мог слышать.

— Своих подозревать — последнее дело! Так и до тридцать седьмой докатимся! — решительно отрезал Сердюк.

— Анатолий Алексеевич, я никого не подозреваю, а пытаюсь определить источник и канал утечки информации к ЦРУ. Если следовать логике, то...

— Василий Григорьевич, да погоди ты! — остановил его Градов и попросил: — Лучше объясни, почему агент ЦРУ осведомлен только о секретах, которые передал Литвин, и ничего не сообщает про те, что ушли от Кочубея. Почему? Где здесь логика?

Вопрос повис в воздухе. Сердюк держал в руках ориентировку СВР. На ней стояла грозная резолюция Директора ФСБ: *«Принять оперативные меры по выявлению агента ЦРУ и в кратчайшие сроки пресечь шпионскую деятельность»*. В том, что тот существует, у Сердюка сомнений не вызывало. Предположение, что им мог оказаться, кто-то из списка Писаренко, казалось ему абсурдным. Он хорошо знал каждого, все были проверены в деле и не раз доказывали свою преданность.

«Где же ты затаился? Когда мы допустили промашку?» — напряженно думал Сердюк. Профессиональный опыт ему подсказывал: утечка, скорее всего, произошла на начальной стадии операции. И ключ к разгадке тайны таился в перечне секретов, который Литвин продал ЦРУ.

«О нем в полном объеме знали я, Градов, Кочубей и Осташенко, — размышлял Сердюк, — Они исключаются! Но тогда кто? А если... шпион мог оказаться среди офицеров-ракетчиков и разработчиков «Тополя», с которыми

Агольцев и Кочубей консультировались по перечню секретов Литвина!»

— Георгий Александрович, есть одно соображение! — все еще сомневаясь в своей догадке, неуверенно сказал Сердюк.

— Ну-ка, ну-ка, поделись.

— Я думаю, что шпиона следует искать среди тех, кого мы опрашивали по перечню Литвина.

— Логично! И взять по максимуму, чтобы предатель не остался в стороне.

— Придется немало народу перебрать, — посетовал Сердюк.

— Георгий Александрович, есть одна зацепка. Можно сузить круг подозреваемых! — вмешался в разговор Писаренко.

— И какая же? — оживился Градов.

— Она в перечне Литвина! То, что в нем приведено, скорее, имеет отношение не к вопросам боевого применения, «Тополя», а к его техническим характеристикам. А это уже ближе к науке.

— Полигоны и академия! — тут же очертил круг поиска Сердюк.

— Отлично! Молодцы! — похвалил Градов и, подводя итог, объявил: — Даю день и еще ночь! Завтра жду план оперативно-розыскных мероприятий на этого, как его назвать...

— «Американского соглядатая», — предложил Писаренко кличку шпиону.

— Ох, Василий Григорьевич, и любишь же ты навешивать ярлыки. Хотя, звучит не так уж и плохо. «Соглядатай»? Пусть будет «Соглядатай»! Его проверку необходимо вести оперативно, строжайше соблюдая меры конспирации! Что же касается операции «Мираж» и Кочубея, то ему об ориентировке разведчиков и «Соглядатае» не говорить, чтобы

не сбить боевой настрой. В проведении операции будем ориентироваться на Абхазию. У меня все. Да завтра, — закончил совещание Градов.

На следующий день у него на столе лежал план розыска «Соглядатая», скупой список секретов, который предстояло отправить Майклу и предложения по переводу Кочубея в Абхазию в состав миротворцев. Рассмотрев их, Градов утвердил и дополнительно принял решение: в помощь Кочубею подключить Остащенко. Обстановка в Абхазии с каждым днем накалялась и такой опытный оперативник как он, должен был стать Николаю надежной опорой

В течение недели Кочубей и Остащенко сдали все дела и 17 апреля выехали в аэропорт Внуково. Провожали их Татьяна и Виктор Салтовский. Проводы не обошлись без слез. Николай так и не смог убедить Татьяну в том, что в Абхазии служба не намного опаснее, чем в Москве. В одиннадцать сорок, рейсом № 249 Кочубей и Остащенко вылетели из Москвы.

Через два с половиной часа аэропорту Сочи их встретил старый приятель — начальник отдела военной контрразведки коллективных сил по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта полковник Борис Быстроног. За семь месяцев с их последней встречи Быстроног сильно изменился — похудел, а в глазах, прятавшихся за толстыми стекляшками старомодных очков, была усталость. Прежним остался задорно торчащий хохолок пшеничных волос. Поздоровавшись, он поинтересовался:

— Надолго?

— Трудно сказать, как пойдет, — уклончиво ответил Кочубей.

— Если блондинок много, то до конца сезона! — добродушно пробасил Остащенко.

— Вот этого не обещаю.

— Ладно, уговорил, едем!

— Но сначала заглянем в отдел по сочинскому гарнизону, познакомлю с начальником, — предложил Быстроног.

— А надо ли? — усомнился Кочубей.

— Лишним не будет, у Гены тут все схвачено, любой вопрос решает быстро.

— Коля, поехали! В Сочи такое знакомство лишним не будет! — загорелся Остащенко.

— Хорошо! Но только без всяких «полян» и хора казачков, — предупредил Кочубей.

— Ну, ты и зверь, начальник! Как без тренировки ехать в Абхазию, в первый же день под стол свалимся!

— Юра, заканчивай дурака валять!

— Ребята, поехали! Время идет! — позвал Быстроног.

В гарнизонном отделе военной контрразведки они не задержались. После короткого знакомства, несмотря на настойчивые уговоры Геннадия Корневского отдохнуть в ресторане «Ривьера», Кочубей согласился только на товарищеский обед в ближайшем кафе.

Дорога до границы с Абхазией заняла двадцать минут, но за километр до нее, у «Казачьего» рынка, УАЗ пристроился в хвост автомобильной очереди. Она медленно ползла к шлагбауму. Вскоре у Быстронога иссякло терпение. Наконец, дежурный бегом проверил документы, и вскоре под колесами громыхнул мост через реку Псоу.

Итак, они в Абхазии. Первые километры дороги производили тягостное впечатление. Абхазо-грузинская война 1992–1993 годов продолжала напоминать о себе остовами домов, разбитыми обочинами. Буйная южная растительность была не в силах затянуть уродливые язвы войны. После поселка Гечрипш, дорога стала скручиваться в тугую спираль. Далеко внизу осталась переливающаяся морская даль. УАЗ преодолел последний подъем к перевалу и, подчиняясь твердой руке Евгения, принялся петлять по горному серпантину. На смену мрачным буковым лесам пришли от-

ливающие бронзой сосновые рощи. Где-то здесь, в глубине леса, затаилась знаменитая «госдача» на Холодной речке.

Быстроног кивнул в ее сторону и буднично произнес:

— Дача Сталина. Здесь состоялось его знакомство с Берия.

— Может, заедем?! — загорелся Остащенко.

— Юр, а ты не боишься встретиться с товарищем Берия? — пошутил Кочубей.

— Нет, он уже вышел из доверия, — хмыкнул Юрий.

В машине раздался дружный смех.

Вскоре повеяло пьянящим ароматом цветущих мандариновых и апельсиновых садов. После крутого поворота горы расступились, и впереди бирюзовой гладью раскинулась просторная гагринская бухта. Над ней, раскинулась некогда знаменитая курортная столица Северного Черноморья — Гагра.

По набережной уже прогуливались немногочисленные отдыхающие. Николай с Юрием с завистью поглядывали на загорелых курортников. За городом, обогнав вереницу автобусов, направлявшуюся к высокогорному озеру Рица, Евгений прибавил скорость. Через сорок минут они находились у стен Пантелеймоновского монастыря.

Каждый раз, проезжая через Новый Афон, Кочубей не упускал возможности пройтись по этим дивным местам. И не только их неповторимая красота, а сам дух, исходивший от стен монастыря и древней Анакопийской цитадели, некогда освященных присутствием трех великих святых Андрея Первозванного, Иоанна Златоуста и Симона Кананита, словно очищали душу.

Солнце начало клониться к закату, когда на горизонте показалась столица Абхазии — Сухум. Город утопал в буйном цветении садов, но его поросшие бурьяном окраины снова напомнили о войне. Здесь она с особой жестокостью обошлась с людьми и природой. Тут и там попадались

печальные обелиски, из густых зарослей проступали развалины, стволы эвкалиптов, изуродованные осколками и пулями. Ближе к центру города, следы войны были не столь заметны. Мирная жизнь брала свое.

В санатории «Сухумский» ничто не напоминало о боевых действиях. Ухоженные тенистые аллеи, укромные беседки в глубине субтропического парка, кипарисы, пестрая цветочная мозаика перед административным корпусом и музыка, доносившаяся из репродуктора на столовой, словно возвратили Юрия и Николая в уже подзабытое советское прошлое. С конца восьмидесятых здесь почти ничего не изменилось. Разместились ребята в самом престижном корпусе санатория. Море находилось в двадцати метрах. Через открытое окно было слышно, как ленивая волна заманчиво шуршала галькой. Приняв душ, они легли спать.

Разбудил их Быстроног. Был восьмой час. В соседних номерах еще спали. Кочубей с Остащенко быстро привели себя в порядок, позавтракали в кафе «Стегляшка» и отправились в штаб миротворческих сил.

Обстановка на границе с Грузией оставалась напряженной. Командующий — генерал Чабан находился на месте, он был в курсе особого характера их службы, и потому не стал задавать лишних вопросов. Встреча с начальником штаба полковником Молчуном оказалась еще короче. Быстроног разъяснил ему особенности легенды прикрытия Кочубея. По лицу Молчуна было видно, что такой помощник по разведке ему особой радости не доставил.

Пожалуй, один Быстроног остался доволен таким исполнением. Два опытных работника существенно усиливали оперативные возможности военных контрразведчиков. В последнее время он и его подчиненные работали без выходных. Разведывательно-диверсионные группы спецслужб Грузии все чаще проникали вглубь Абхазии. Последние взрывы, прогремевшие в Гаграх, унесли жизни двоих че-

ловек. Еще три взрывных устройства удалось обнаружить и обезвредить в Сухуме. Поэтому времени на раскачку у Кочубея с Остащенко не оставалось.

В тот же день Николай включился в работу. В очередной раз ему пришлось играть непростую роль и разрываться на два участка. Для всех армейских офицеров он являлся помощником начальника штаба, и потому вынужден был исправно исполнять эти обязанности, одновременно занимаясь закордонной разведкой. Работал в паре с подчиненным Быстронога старшим оперуполномоченным Олег Готаревым. В течение недели Кочубей принял на связь часть его агентов. Наиболее перспективным среди них ему показался Багратион. Должность агента в штабе второй пехотной бригады, дислоцировавшейся на военной базе в Сенаки, открывала прямой доступ к секретам.

На первом этапе его взаимодействие с Багратионом складывалось непросто. Агент настороженно присматривался к новому куратору. К третьей явке между ними установился хороший контакт. Для Кочубея стал ясен мотив, подвигнувший Багратиона на сотрудничество: тяжелая болезнь сына. Основу конфиденциального сотрудничества составляли лекарства и деньги, которые регулярно выдавались агенту.

Конец апреля и весь май ушли у Кочубея на то, чтобы наладить результативную работу с Багратионом и другими агентами. Последующие явки показали, что он избрал правильную тактику в отношениях с ними, выведя на передний план заботу об их личной безопасности. Немаловажную роль в обеспечении явок играли два спецназовца из состава отряда особого назначения Министерства обороны Абхазии — Кавказ и Омар. Они со знанием дела выполняли свои обязанности.

Николай не забывал о Майкле. Тот лишь однажды напомнил о себе. В коротком сообщении он рекомендовал: *«...вживаться в обстановку и накапливать материал о*

деятельности военной группировки российских миротворческих сил в зоне грузино-абхазского конфликта». О времени и месте восстановления связи обещал сообщить дополнительно. Сбывался пессимистичный прогноз полковника Писаренко.

Неопределенность все больше нервировала Николая, и только приезд в отпуск Татьяны вернул хорошее настроение. В редкие часы, вырвавшись со службы, они погружались в беззаботную курортную жизнь. Последняя неделя июня пролетела как один день. Наступило воскресенье и они с Татьяной, поддавшись на уговоры Быстронога и его жены Ирины, решили отправиться к «святому источнику». Он находился в семнадцати километрах от Сухума в живописной горной долине.

УАЗ, резво промчавшись по улицам Сухума, свернул на убитую проселочную дорогу. Вскоре от нее осталось одно название, но движение не убавилось. По обочинам шли паломники. Среди них были старики и дети. Кочубей предложил

— Боря, давай кого-нибудь подвезем?

— Бесплезно! — не стал останавливаться Быстроног.

— Это почему же?

— Чтобы излечиться от недуга, надо весь путь пройти пешком, — пояснила Ирина.

— Сказки! Нам, с Колей, закоренелым атеистам, никакой святой дух не поможет, — отмахнулся Белоног.

— Боря, перестань говорить глупости! Сам не веришь, так других не смущай! — возмутилась Ирина.

— Сколько не купался, сколько не пил, никакого толка!

— Если нет веры, то не поможет, — обронила Татьяна.

— Вера? Я что-то не увидел там ни прозревших, ни резво побежавших, — скептически заметил Быстроног.

— А дочь бизнесмена из Костромы, ты забыл? — напомнила Ирина.

— Не из Костромы, а из Тулы. Я их не видел.

— Есть свидетели тому, как девочка встала на ноги, — не сдавалась Ирина.

— Правда?! Каким образом? — в Татьяне заговорил профессиональный интерес.

— О, это целая история! — оживилась Ирина, — Четыре года назад бизнесмен из Тулы приехал на источник с дочерью-инвалидом и здесь провел несколько месяцев. За это время построил деревянную часовню. И, когда был вбит последний гвоздь, произошло чудо — девочка пошла!

— Ой, как интересно! — загорелась Татьяна.

Ирина продолжила рассказ:

— Где-то в четвертом веке нашей эры в Абхазии появился христианский проповедник, звали его Василиск. Поселился он в этом месте. Его абхазское название — Гума, в переводе на русский: «возьми мое сердце». И, действительно, если посмотреть сверху, то Западная и Восточная Гумиста, сливаясь, как бы, образуют сердце.

— Ириш, ты уже такого туману напустила, что Татьяна дальше пешком пойдет, — пошутил Быстроног.

— Боря, перестань! — потребовала она.

— Все, рот на замок! — смолк он, а Ирина вернулась к рассказу.

— Василиск проповедовал христианство. Об этом узнали римляне, поймали его, надели на ноги деревянные колодки, подбитые гвоздями, и повели на казнь. Красные камни, которые попадают по дороге к источнику, если верить легенде — следы крови Василиска. Прошло время и на месте казни случилось чудо. Из скалы забило двенадцать струй.

— Невероятно?! По числу апостолов Христа! — поразилась Татьяна.

— Совершенно верно! — подтвердила Ирина и, завершая рассказ, не удержалась от упрека: — Боря вот не верит,

а люди все идут и идут, чтобы исцелиться. В день, говорят, бывает до тысячи человек.

В этом Татьяна и Николай убедились через несколько минут. За сотню метров до источника дорога оказалась забитой машинами. Быстроног с трудом нашел свободное место и остановился. Николай, Татьяна и Ирина направились к светлому просвету в конце тропы. Она вывела их на просторную поляну, к подножью скалы. Из нее било двенадцать упругих струй, сливаясь в полноводную речушку, она стремительно неслась к Гумисте.

Николай и Татьяна с любопытством поглядывали по сторонам. Перед ними, словно ожили библейские сюжеты, запечатленные на гениальных полотнах Федотова. На их глазах происходило удивительное превращение паломников. Лица несчастных, измученных многолетним недугом, светлели. А когда ноги касалась воды, в движениях появлялась забытая легкость, а из глаз уходило страдание. К ним возвращался мир утраченных звуков и забытых ощущений.

Николай, Татьяна, Ирина, поддавшись всеобщему движению, вошли в воду. Николай трижды окунулся с головой и внимательно прислушался к себе, пытаясь уловить новые ощущения, и затем спросил:

— Вы как, девочки? Есть что-то?

Татьяна зябко повела плечами и поспешила выбраться из воды.

— А я чувствую! — прошептала Ирина и еще семь раз окунулась.

К машине они возвратились, не чувствуя июньского зноя, а от былой усталости не осталось и следа. Быстроног хотел что-то сказать, но, посмотрев на их лица, промолчал и забрался в машину. Несколько километров они ехали, погруженные в свои мысли и оживились, когда впереди показалась смотровая площадка. На ней расположилась живописная группа местных жителей, одетых в черкески, с

неизменной лошадей, к которой выстроилась очередь тех, кто желал запечатлеть себя в наряде горца на фоне панорамы живописных гор. Под раскидистым дубом бойкий паренек колдовал над двумя мангалами. Аппетитный запах шашлыка напомнил об ужине. Поддавшись на уговоры Быстронога, вся компания по приезду в Сухум направилась в апацху «Кавказ», славившуюся хорошей кухней и отменным вином.

Быстроног разлил вино по бокалам и предложил тост: — За здоровье! Не знаю как там источник, но вино ему не помеха.

В тот вечер они засиделись допоздна. К себе они возвратились, когда робкая полоска зари окрасила горизонт, усталые, но довольные легли спать, не подозревая, что это был их последний спокойный день.

Ранним утром дежурный по отделу поднял на ноги Быстронога. В «верхней зоне» патрулирования произошел подрыв БТРа миротворцев. Водитель получил контузию и еще двое членов экипажа отделались ушибами и синяками. Не прошло и суток, как новое ЧП потрясло не только Быстронога, но и Кочубея. В засаду грузинского спецназа во время проведения явки с агентом угодил Олег Готарев. В тот день Татьяна должна была улетать в Москву, и Николай вынужден был поручить заботу о ней секретарю отдела Александр Мотреву, а сам с оперативной группой выехал на место происшествия.

Через полтора часа они добрались до 204-го поста миротворцев, и не успели приступить к поиску, как появился Готарев. После беседы с ним и осмотра места проведения явки с агентом, Быстроног и Кочубей сошлись во мнении — Олег стал жертвой подставы грузинской спецслужбы. Теперь, когда все осталось позади, они посчитали, что отделались сравнительно легко. Но так не считал начальник управления генерал Золотов. Он устроил

жестокий разнос Быстроногу. А спустя сутки из Москвы поступила разгромная шифрограмма. Подписал ее Градов. Самыми мягкими в ней были выражения: *«ряд руководителей отделов безопасности на местах самоустранился от непосредственной работы с подчиненными, имеющими на связи агентуру из оперативной среды; слабый контроль и пренебрежение мерами собственной безопасности привели к возникновению чрезвычайной ситуации, чреватой серьезными политическими последствиями».*

В заключение Градов вменил руководителям отделов в Республиках Абхазия и Южная Осетия обеспечить плотный контроль за работой оперативного состава с закордонной агентурой и потребовал проводить явки только в дневное время, под прикрытием группы, укомплектованной опытными, имеющими боевой опыт сотрудниками.

Прошло два дня, и вслед за шифровкой в Сухум прибыл полковник Агольцев с задачей: оказать помощь руководителю и оперативному составу отдела в организации контрразведывательной работы по противодействию разведывательно-подрывной деятельности грузинских спецслужб. Направляя Агольцева в Абхазию, Градов исходил из той сложной обстановки, которая в последнее время складывалась в регионе. В условиях ее обострения и нарастания военного противостояния он полагал, что ЦРУ предпримет действия, направленные на восстановление связи с агентом Фантомом и активизацию работы с ним.

В своем прогнозе Градов не ошибся. 2 июля 2008 года на сайте: «Ракетная техника. Новинки, изобретения, предложения» появилось очередное шифрованное сообщение для Фантома.

«Майкл Фантому.

Прошу Вас изучить возможность перехода через границу на территорию Зугдидского района для проведения личной

встречи. О наличии такой возможности, при условии минимального риска для Вас, сообщите в течение ближайшей недели по известному каналу.

Точное время и место встречи сообщим дополнительно. Ваша безопасность нами гарантирована.

Майкл.»

Глава 9

Пошел третий месяц пребывания Перси в Грузии. Вырвавшись из-под невыносимого морального и психологического гнета Саливана, он отдыхал. Обстановка в тбилисской резидентуре была по-настоящему деловой и творческой. Ее руководитель Дик Дуглас, несмотря на то, что был на девять лет моложе Перси, оказался настоящим профи. Пройдя в разведке все ступеньки карьерной лестницы, он не понаслышке знал работу сотрудников-агентуристов и ценил в них больше не умение написать бумагу и подать ее наверх, а способность, казалось бы, проигрышную ситуацию обернуть на пользу дела. Любимым коньком Дугласа являлась перевербовка агента противника и проведение через него оперативной комбинации. В этом Перси увидел для себя большой плюс — его стихией была живая работа с агентурой, а не протирание штанов в кабинете.

С первых минут знакомства с Дугласом они заговорили на одном языке — языке разведки. Тот не стал донимать Перси нудными наставлениями, надувать щеки и корчить из себя всезнайку. Ему требовался результат, а не щелканье каблуками. Такой подход к делу нравился Перси и настраивал на результативную работу. Дуглас тонко уловил его настрой и, с учетом опыта, приобретенного в прошлой

командировке в Грузию, поручил взаимодействие с местными спецслужбами и организацию разведопераций против сепаратистских режимов в Абхазии, Южной Осетии и российских миротворческих сил.

Получив карт-бланш, Перси рьяно взялся за работу. Ее масштаб, а еще больше те надежды, что возлагались в Лэнгли на тбилисскую резидентуру в реализации плана «Чистое поле»: возврат Грузией утраченных территорий — Абхазии и Южной Осетии и последующее вытеснение России из Закавказья, пробудили в нем здоровый профессиональный азарт и подогревали честолюбие. Первую неделю он провел в кабинете, внимательно изучал все имевшиеся в резидентуре материалы, чтобы в деталях разобраться в обстановке, сложившейся в Грузии и на ее границах. Она была сложной и противоречивой.

Тбилиси 2008 года разительно отличался от Тбилиси 2004 года. В памяти Перси осталась именно та столица Грузии: ночью, погруженная в кромешную тьму, днем окутанная сизой мглой от нещадно коптивших буржук, а по вечерам сотрясаемая бесконечными митингами на площади перед парламентом. В те осенние дни 2004 года она превратилась в общегрузинскую сценическую площадку. С раннего утра и до глубокой ночи на ней, сменяя друг друга, политическая тусовка разыгрывала трагедии и комедии.

Нынешний Тбилиси выглядел почти по-европейски. Центр города пестрел западной рекламой. Проспект Джорджа Буша после ремонта сверкал как картинка и напоминал тбилисцам, что все дороги к счастью ведут в Вашингтон. На улицах все чаще звучала английская речь. Осколки прошлой советской империи: исковерканные автомобили, искореженные таблички с русскими названиями улиц и разбитые бюсты ее партийных вождей можно было обнаружить, разве что, на свалках. Со свирепостью восточного сатрапа Саакашвили безжалостно сдирали с города все то, что напоминало о недавнем советском прошлом.

Перси был поражен произошедшим изменениям. Четыре года назад, после реализации проекта «Революция роз» он, покидая Тбилиси, не думал, что Саакашвили из «Розового бойскаута» превратится в грозного «Майкла «Бульдозера».

До последнего момента Перси, резидента Крэга и посла Майлза не оставляли сомнения, что ставка сделана верно и сценарий операции «Революция роз» будет успешно доведен до конца. Саакашвили их быстро рассеял. Он и его ближайшие подельники Жвания и Бурджанадзе оказались способными учениками. Выпестованные «садовниками» из ЦРУ и Госдепа, они с блеском сыграли отведенные им роли. Казавшийся непоколебимым, президент Шеварднадзе под улюлюканье толпы с позором бежал из парламента.

В обстановке «демократической диктатуры» грузинская разведка и контрразведка чувствовали себя, как рыба в мутной воде. Опираясь на поддержку Саакашвили, обещавшего очередной Новый год встретить в Сухими или Цхинвали, они, не считаясь с затратами, принялись создавать разветвленную разведывательно-диверсионную сеть не только в Абхазии, Южной Осетии, но и на территориях Краснодарского, Ставропольского краев и в республиках Северного Кавказа. С 2006 года десятки завербованных агентов и диверсионно-террористических групп, прошедших специальную подготовку на секретных базах ЦРУ, развернули масштабную подрывную деятельность на «мятежных территориях». Взрывы на дорогах и террористические акты против российских миротворцев должны были убедить многочисленных советников из ЦРУ и РУМО в том, что щедрая американская помощь на «развитие демократии в Грузии» тратится не зря.

Преыдуший опыт работы в Грузии подсказывал Перси — бравурным докладам руководителей местной разведки и контрразведки не стоит слишком доверять. Поэтому он не стал отсиживаться в тбилисских кабинетах и после изучения

документов отправился с инспекционными поездками в глубинку. Выезды в приграничные с Абхазией районы принесли ему одни разочарования. Оптимистичные заявления руководителя Специальной службы внешней разведки Константина Чикованишвили, звучавшие на координационных совещаниях, не отражали истинного положения дел на местах. Беседы с сотрудниками и явки с агентами показали: разведывательная работа против российских митотворческих сил, подразделений Министерства обороны абхазской армии и Службы государственной безопасности носила поверхностный характер и сводилась к получению второстепенной информации. На поверку оказалось, что серьезных агентурных позиций среди офицерского состава и в штабах противника грузинская разведка не имела.

Возвратившись в Тбилиси, Перси порывался позвонить Чикованишвили и высказать все, что назрело, но, остыв, решил сделать это при личной встрече и занялся подготовкой отчета для Дугласа. Не успел он набросать первый абзац, как тот сам напомнил о себе. Зазвонил телефон прямой связи. Поздоровавшись, Дуглас поинтересовался:

— Как поездка, Марк?

— Лучше бы не ездил. Одно расстройство, — не мог он сдержать досады.

— А что так?

— Одна видимость работы.

— Марк, ты меня пугаешь, — в голосе Дугласа поубавилось оптимизма.

— Дик, я называю вещи своими именами.

— Неужели все так плохо?

— Пишу отчет и не знаю, что указать.

— С отчетом потом, а сейчас поднимись ко мне! — потребовал Дуглас.

В его кабинет Перси вошел мрачнее тучи. Веселые солнечные зайчики, скакавшие по стенам, и бодрый вид Дугласа не подняли ему настроения.

— Марк, ты как с похорон, — пошутил он.

— Хуже. Мышиная возня, да и только! За что мы им платим? — в сердцах произнес Перси и, швырнув папку на стол, устало опустился в кресло.

— Не суди их так строго! То, что было два года назад и сейчас — это же небо и земля, — сохранял благодушный тон Дуглас.

— Я что-то не заметил. Пыль в глаза пускать — это они умеют! Ничего нельзя доверять! Все приходится делать самому!

— Марк, ты несправедлив, сделано немало. Они не сидят сложа руки. В последнее время приобретены серьезные источники информации в штабе Северо-Кавказского военного округа и в 58-й армии. Два из них — подполковники и имеют доступ к секретным документам.

— То, что я увидел вчера и сегодня на абхазском направлении, меня не убедило. Сотрудники и агенты больше заняты контрабандой, чем разведкой.

— Что поделаешь, национальная специфика.

— Вот то-то и оно. У них на уме только одно: деньги, деньги!

Дуглас не стал спорить, прошел к сейфу, достал подборку материалов и предложил:

— Посмотри, это интересно.

— Что здесь?

— Посмотри, посмотри!

Перси склонился над документами. Это были материалы оперативных разработок, которые велись Департаментом контрразведки МВД Грузии на двух военнослужащих Министерства обороны, четырех жителей Гори и пятерых из Зугдиди, подозреваемых в связях с российскими спецслужбами. В отдельном пакете хранились фотографии. Перси поднял голову и вопросительно посмотрел на Дугласа.

— Как видишь, подчиненные Табидзе не так уж плохо работают, — пояснил он.

— Возможно, — буркнул Перси.

— Марк, остынь и внимательно почитай докладную Табидзе. У контрразведки есть интересное предложение, и оно может хорошо вписаться в наш план вытеснения России из Закавказья.

— Даже так?

— Да, да! При всех минусах, надо отдать должное его изобретательности. Если довести до логического конца то, что он задумал, эффект будет потрясающим!

— Да, ну?! И что они такого придумали? — в Перси проснулся профессиональный интерес.

— Операцию «Хористы».

— Целую операцию? Это же надо!

— Марк, обойдемся без иронии. Ты зря недооцениваешь их способности. На мой взгляд, игра стоит свеч! — голос Дугласа стал строже.

— Извини Дик, после поездки настроение ни к черту. В чем смысл операции? — сменил тон Перси.

— После начала военной фазы операции в Южной Осетии и Абхазии не дать России в нее вмешаться.

— Каким образом?

— Скомпрометировать ее действия.

— Это же как?

— Обвинив российские спецслужбы в организации антиправительственного заговора и подготовке покушения на президента Саакашвили.

— Круто! И озвучат это разоблаченные контрразведкой агенты ФСБ и ГРУ? — догадался Перси.

— Да! Но есть проблема: для этого «хора» не хватает надежных исполнителей, — посетовал Дуглас и предложил: — Поэтому внимательно почитай предложения Табидзе и выскажи свои соображения.

Перси пододвинул к себе докладную записку и сосредоточился на ней. Замысел операции «Хористы» занимал полторы странички и строился на показаниях двух

разоблаченных российских агентов из числа военнотружущих, проходивших службу в пехотной бригаде, дислоцирующейся в городе Гори. Под угрозой тюремного срока и репрессий в отношении родственников, они не только признали себя виновными по всем пунктам обвинения, но, кажется, были готовы признаться в убийстве самого Сталина. Это натолкнуло Табидзе на мысль: придать второсортным шпионам зловещий облик террористов-убийц, замышлявших ни много, ни мало, а антиправительственный заговор с целью убийства президента Саакашвили. Все это должно было вылиться в грандиозное театрализованное шоу для «свободной» прессы и телевизионщиков. На их и глазах всего мира, «раскаявшимся» агентам предстояло поведать о коварных замыслах российских спецслужб.

В предложениях Табидзе содержалась лишь общая схема операции, но Перси увлекся. От его скептицизма не осталось и следа. В случае успешной реализации замысла, у российской стороны не осталось бы аргументов, оправдывающих присутствие ее войск на территории «сепаратистских режимов» в Абхазии и Южной Осетии. Это действительно был блестящий план, и участие в нем подняло бы авторитет тбилисской резидентуры в глазах руководства в Лэнгли. Это была не рутинная возня с второсортными агентами, которые годились только на, чтобы заложить фугас или выстрелить из-за угла по российским миротворцам. В Перси проснулся азарт охотника, но он не спешил взваливать на свои плечи весь груз ответственности и, решив прощупать Дугласа, поинтересовался:

— Дик, а что ты думаешь по поводу того, чтобы подкрепить этих «хористов» парочкой-другой подготовленных кукол?

— Думал, но сам понимаешь, это тонкая работа. Тут нужен профи самого высокого уровня, — хитрил Дуглас и исподволь подводил Перси к своему предложению.

— Да. Без глубокой проработки можно сесть в лужу — подыгрывал ему тот, рассчитывая выторговать себе преференции.

— Вот и я о том же. Опасаюсь, что у наших друзей — Константина и Леона, не хватит терпения довести дело до конца.

— Не исключено. Здесь важны выдержка, терпение и, конечно деньги, а за ними они придут к нам, — с усмешкой заметил Перси.

— Придется подключать кого-то из своих, — заключил Дуглас и, бросив на Перси испытующий взгляд, забросил удочку: Марк, а если тебе взяться за это дело.

Перси держал паузу. Его обуревали противоречивые желания. Такого рода операции не часто выпадали на долю даже ветеранов разведки. Успех в ней сулил не только весомую награду, но и позволил бы утереть нос Саливану. С другой стороны, любая осечка могла окончательно похоронить надежду восстановить подмоченную «киевской историей» репутацию и достойно завершить карьеру в разведке. Перси сомневался, и тогда Дуглас сыграл на его честолюбии.

— Марк, кроме тебя это никто не потянет, — произнес он.

— Потянуть-то можно, как бы потом не надорваться, — все еще колебался Перси.

— Поможем, я сделаю все, что в моих силах! — заверил Дуглас

— Спасибо, Дик! Взяться можно, а как же остальные мои вопросы? Они ведь так и повиснут.

— Замкну на других, на Шульца и Скотта.

— Они, конечно, толковые парни, но пока войдут в проблему потеряют время, а сейчас каждый день дорог.

— Хорошо, что предлагаешь?

— Создать группу разработчиков и замкнуть на нее «хористов».

— Отличная идея, Марк! Нет проблем! Называй фамилии, и уже сегодня они будут у тебя! — напористо заговорил Дуглас.

Перси замялся. Эта готовность идти навстречу приятно тешила самолюбие, но ему не хотелось обижать Дугласа. При всей исполнительности Шульца и Скотта, они и вряд ли были способны в короткий срок подготовить «куклу». Здесь требовалось особое мастерство и подход, Перси пожалел, что рядом нет Ковальчука, Грей и Ливицки. Они обладали тем редким талантом, который позволял даже самых упрямых превратить в послушное орудие. Мелькнувшая было мысль предложить их Дугласу, показалась Перси нескромной. Тем более решение этого вопроса выходило за пределы компетенции резидента.

— Ну, так что, Марк? — торопил с ответом Дуглас.

— Извини, Дик, слов нет Шульц и Скотт отличные парни, но мы слишком разные и вряд ли быстро сработаемся.

— Хорошо, возьми любых других.

— Мне нужны те, кто понимает меня с полуслова.

— Марк, мы не дети! Говори прямо, чего ты хочешь? — начал терять терпение Дуглас.

— К сожалению, не все в твоей власти.

— Ну, это мы еще посмотрим. Если надо я дойду до Директора!

— Хорошо, мне нужны Ливицки и Грей. Я с ними работал в киевской резидентуре и уверен, что мы заставим «хористов» спеть то, что надо! — заверил Перси.

— Я подумую, — после затянувшегося молчания ответил Дуглас и, завершая беседу, поручил: — А пока свяжись с Дрейком и уточни, на какой стадии у военных находится подготовка к операции «Чистое поле». Результат мне нужен уже сегодня.

— Хорошо, сэр! Я свободен?

Дуглас кивнул головой. Перси покинул кабинет и, возвратившись к себе, долго не мог взяться за работу. Поостыв,

он уже ругал себя за то, что не только не отказался от участия в операции, а еще вылез с дурацкой инициативой о под-ключения к ней Ливицки и Грей. Последнее было явным перебором. При всем либерализме Дугласа, он допустил непростительную промашку — позволил усомниться в его любимцах: Шульце и Скотте. Перси так и подмывало подняться в кабинет резидента и принести извинения, но гордость и амбиции не позволяли сделать этого. Решив: будь, как будет, он взялся за поиск главного военного советника при Министерстве обороны Грузии — полковника Джона Дрейка. На телефонные звонки тот не отвечал, и Перси пришлось отправиться в крыло военного атташе. Блуждать по кабинетам ему не пришлось — Дрейк только что вернулся из города.

— О, разведка?! — приветствовал он, и на его широко-скулом лице появилась хитрющая улыбка.

— Джон, тебя не найти! Я весь телефон оборвал, и все ноги истер, — не удержался от упрека Перси.

— Наверно не там искал, — добродушно заметил Дрейк.

— Мне сейчас не до шуток. Шефу срочно нужен один материал.

— Сегодня, я нарасхват! Но предупреждаю, не питай иллюзий: своих тайн не имею, торгую только чужими.

— Вот они-то мне и нужны, — впервые за день на лице Перси появилась улыбка.

— Смотря какие?

— Последние данные по подготовке грузинской армии к операции «Чистое поле».

С лица Дрейка исчезла улыбка. Помявшись, он сказал:

— Извини, Марк, но ты же знаешь порядок? Без коман-ды, такой материал я не могу дать.

— Это не моя инициатива, я действую по указанию Дугласа, — сослался Перси.

— А мой шеф в курсе?

— Думаю, да.

— Ну, если, только так, — и, поколебавшись, Дрейк открыл сейф, достал кипу документов, порылся и положил на стол тоненькую папку.

— И это все? — удивился Перси.

— Здесь сводный материал по состоянию на вчерашний день, думаю, будет достаточно.

— Ну, ты и скряга, Джон!

Дрейк развел руками.

— Где могу поработать? — не стал настаивать Перси

— Желательно здесь.

— А не боишься, что подсижу?

— Ха-ха, — хохотнул Дрейк и с иронией ответил: — В моем возрасте, да и в твоём, такое нам не грозит.

— М-да, — буркнул Перси, уселся за соседний стол и сосредоточился над обобщенной справкой, характеризующей состояние вооруженных сил Грузии. Внимательно прочитав ее от первой и до последней страницы, он возвратился к сводной таблице. Приведенные в ней сравнительные качественные и количественные показатели грузинской армии с одной стороны, абхазской и южно-осетинской с другой, были явно не в пользу сепаратистских режимов. В воздухе и на море грузинские вооруженные силы имели подавляющее превосходство, а в танках и артиллерии они обладали трехкратным преимуществом. Просмотрев все материалы, Перси так и не обнаружил того, что его больше всего интересовало — данных, относящихся к боевому составу подразделений специального назначения, и вопросительно посмотрел на Дрейка.

— Что-то не ясно? — спросил он.

— Здесь нет сведений по спецподразделениям.

— Они у Пауэлла, а он будет через час. Но я могу назвать по памяти.

— Хорошо, — согласился Перси.

Дрейк поднял глаза к потолку и как хорошо заученный урок стал перечислять:

— Тринадцатый батальон специального назначения «Шавнабада», 1-й пехотной бригады Министерства обороны Грузии, с базой дислокации близ Тбилиси. В его состав входит 488 человек. На вооружении находится 15 танков, снайперское оружие, в том числе предназначенное для поражения удаленных целей и оснащенное приспособлениями для беспламенной и бесшумной стрельбы. Под руководством наших инструкторов весь контингент прошел специальную подготовку по программе «Обучение и оснащение». Батальон способен вести боевые и разведывательно-диверсионные действия в горно-лесистой местности, городских условиях и на морском побережье. С 2006 года его личный состав привлекался к проведению диверсионно-разведывательных акций в Кодорском ущелье Абхазии.

— Ну, у тебя и память, Джон! — восхитился Перси.

Дрейк был явно польщен:

— Для вас, Марк, особый интерес будет представлять отдельная бригада специального назначения, с базой дислокации в Коджори. Там готовятся крутые парни.

— Чем же они круты? — заинтересовался Перси.

— Из их числа в составе бригады сформированы особые боевые группы численностью до семи человек. Все в совершенстве владеют русским, осетинским и абхазским языками, многие имеют славянскую внешность. В их задачу входит: с началом операции «Чистое поле» под видом русских, абхазов и югоосетин осуществлять диверсии и теракты в тылу сепаратистов. Не менее интересен учебный центр горной подготовки в Сачхере...

— Стоп, стоп, Джон! Я все не запомню, а на словах докладывать шефу — это не серьезно! — остановил Перси и предложил: — Если тебя не затруднит, сделай копии со справок и направь Дугласу.

— Нет проблем, нужна только команда Дугласа, — напомнил Дрейк.

— Будет! — пообещал Перси и, перебросившись с ним парой шуток, возвратился к себе в кабинет.

До позднего вечера он не покидал посольства, ожидая вызова к резиденту, чтобы услышать ответ на свое предложение о подключении Ливицки и Грей к операции «Хористы», но так и не дождался. Прошло четыре дня после их разговора, когда, наконец, Дуглас вызвал его к себе. Перси шел к нему и терялся в догадках, а когда переступил порог кабинета, то потерял и дар речи. Сияя улыбками, его встретили Джоан Грей и Роберт Ливицки. И когда схлынули радостные эмоции, Перси отдал должное Дугласу.

— Дик, ты волшебник! У меня нет слов! Я твой вечный должник!

— Ну, что ты, Марк! Я вовсе не волшебник, но кое-что умею, — лукаво улыбнулся Дуглас и, завершая встречу, пожелал: — Успешной вам работы!

— Все будет о'кей, — заверил Перси.

Шумной компанией он, Ливицки и Грей спустились к нему в кабинет. Несколько минут, перебивая друг друга, они обменивались последними новостями, а затем Перси ознакомил их с материалами операции «Хористы». Перед обедом они разошлись, на час у него была назначена встреча в Департаменте контрразведки МВД Грузии. Там его ждали шеф Главного управления контрразведки Леон Табидзе и главный грузинский разведчик Константин Чикованишвили. Внешне разные: Табидзе худощавый спортивного сложения и полноватый Чикованишвили, они неумовимо походили цепкими взглядами, и вкрадчивыми манерами.

— О, батона Марк, — расплылись оба в улыбках.

— Добрый день, господа! — решил придерживаться официального тона Перси, опасаясь, вместо делового обсуждения, оказаться за обеденным столом.

— Для такого желанного гостя как ты, он всегда добрый, — продолжал Табидзе и, кивнув на заднюю за кабинетом комнату, предложил:

— Пожалуй, к нашему скромному столу.

— У нас, что праздник? — холодно заметил Перси.

Это нисколько не смутило Чикованишвили, и он зашел с другой стороны:

— Батоно Марк ты нас обижаешь. Твой приезд для нас, действительно, праздник. Общение с таким профессионалом как ты, это настоящий подарок. Мы...

— Извини, Константин, — остановил этот поток словословия Перси и сухо заметил: — Давайте к делу. Мне сегодня еще надо представить докладную Дугласу.

Обед не состоялся. Перси, чтобы как-то снять возникшую напряженность вежливо произнес:

— Господа, я не отниму у вас много времени. Мне нужны данные, касающиеся вашей агентуры, задействованной на абхазском направлении.

Чикованишвили переглянулся с Табидзе и без особого энтузиазма ответил:

— По моей службе наберется полтора десятка.

— У меня с агентами-маршрутниками тридцать! — с гордостью объявил Табидзе.

— Простите господа, но я, видимо, не совсем точно обозначил вопрос. Меня интересуют агенты, которые имеет прямой доступ к секретам и могут повлиять на ситуацию в выгодном для нас плане. Или агенты-двойники, работающие с русской разведкой и контрразведкой.

Чикованишвили промолчал, ответил Табидзе:

— Таких трое.

— Кто с ними поддерживает связь? ГРУ? ФСБ? — оживился Перси.

— Два работают с ГРУ, а с третьим пока не все ясно.

— В смысле?

— Раньше с ним работал военный контрразведчик Гонтарев, а сейчас непонятно, то ли ФСБ, то ли ГРУ.

— Интересно?! Впервые слышу, чтобы ФСБ и ГРУ обменивались своими агентами! — удивился Перси.

— Да, как-то странно, — согласился Табидзе.
— Кто такой? С кого времени работает?
— Подполковник. В Абхазии появился недавно.
— Занятно! Очень даже занятно! Что есть на него? — заинтересовался Перси загадочным русским подполковником.

— Под рукой нет.
— А когда сможешь подготовить?
— Сегодня они будут у тебя! — заявил Табидзе и поинтересовался: — Думаешь завербовать?
— А почему бы и нет.
— Я тоже об этом думал.
— Если не завербуем, то скомпрометируем.
— С тобой, Марк, мы самого черта завербуем, — польстился Табидзе.

— Леон, я жду материалы, — Перси не стал разминаться на любезности и, отказавшись от настойчивых предложений сесть за стол, возвратился в посольство.

В тот день он так и не дождался ответа от Табидзе. Только на третьи сутки к нему поступила куца справка на двух сотрудников ГРУ и загадочного подполковника. С него Перси начал знакомство с документом и чем дальше вчитывался, тем все сильнее в нем нарастала тревога. Отложив справку в сторону, он нервными шагами мерил кабинет. Имя Орест рождало в нем недобрые предчувствия. Но не только имя, а и описание его внешности, которое дал двойной агент Янус-Багратион вызывали в памяти Перси образ Фантома.

«Чертовщина какая-то? Но этого не может быть!» — отказывался он верить столь чудовищному предположению. Возвратившись к столу, Перси, снова и снова перечитывал справку.

«Бред какой-то! Но факты! Какие факты? Это игра твоего воображения! И все-таки, Марк, от них не отмахнуться. Надо проверять! Надо!» — решил Перси, поднял

трубку телефона специальной связи и позвонил Табидзе. Тот оказался на месте.

— Леон, если не секрет, у кого на связи находится Янус? — поинтересовался Перси

— Марк, какие от тебя могут быть секреты? — бодро ответил Табидзе.

— Спасибо, так у кого?

— Майора Ломинадзе.

— Через него можно собрать подробные данные на этого непонятного подполковника Ореста?

— Не вопрос, Кахабер сделает все как надо.

— И как скоро?

— Через неделю материал будет у тебя! — заверил Табидзе.

— О'кей! Жду. До встречи, — попрощался Перси.

После разговора с Табидзе ему оставалось запастись терпением и ждать. На этот раз тот сдержал свое слово и на шестые сутки прислал видеозапись, сделанную агентом Янусом-Багратионом во время явки с загадочным подполковником. Забыв про все дела, Перси, сгорая от нетерпения, сел за ее просмотр. Качество записи было невысоким. Агент, опасаясь разоблачения, действовал предельно осторожно, тем не менее, голос собеседника был хорошо слышен, а черты лица четко видны. После первых же кадров Перси бросило в жар. И если раньше еще теплилась надежда, что, Фантом и подполковник Орест не одно и то же лицо, то теперь от нее не осталось и следа. Перси снова и снова обращался к записи: ловил каждое слово, каждый жест подполковника и убеждался — это не игра воображения. Характерный поворот головы и голос подтверждали факт — русский разведчик и Фантом являлись одним и тем же лицом! И уже было неважно: являлся он сотрудником ФСБ или ГРУ. Для него — Марка Перси суровая действительность состояла в том, что он, отдавший разведке свыше двадцати лет, в конце своей карьеры оказался игрушкой в руках русских.

— Нет! Нет! Этого не может быть! — Перси в ярости хватил кулаком по столу, но не почувствовал боли. Сшибая стулья, он метался по кабинету. Несколько минут длился этот приступ необузданной ярости, а когда угас, Перси покинули силы. Он рухнул на диван и невидящим взглядом уставился в потолок. В душе царила абсолютная пустота, а в голове не осталось ни одной здравой мысли. Порывы ветра распахнул окно. Перси подался вперед и, жадно вдыхая холодный воздух, приходил в себя. К нему снова возвратилась способность мыслить, и он закружил по кабинету в поисках выхода:

«Забыть! Зачеркнуть! Немедленно порвать связь! Порвать? Идиот! Ты глупее ничего не мог придумать? А что ты скажешь Дугласу? Как будешь объясняться перед Саймоном? Как?! ... Может доложить все, как есть? Доложить?! Святая наивность! А потом с треском вылететь на улицу? Нет — это не выход! Думай, Марк! Думай!» — подстегивал себя Перси.

Резкий звонок телефона ударил по нервам. Это был Дуглас.

— Марк, через два часа подъедут Чикованишвили и Табидзе, — напомнил он и поинтересовался: — У тебя готово дополнение к плану операции «Хористы»?

— М...да, — промычал Перси.

— Как продвигается работа с подполковником «Х»? Тянет ли он на руководителя террористов?

— Что? Ах, да конечно! — не мог собраться с мыслями Перси.

— Марк, ты меня слышишь?

— Да, сэр, работа с Фантомом продвигается.

— Причем здесь он? Я не о том!

— Извините, сэр, заработался.

— Ладно, поднимись ко мне! Разберемся! — пригласил к себе Дуглас.

— Хорошо, сэр, — промямлил Перси и лихорадочно зашуршал документами. Как назло, дополнение к плану

операции «Хористы» куда-то запропастилось. Выложив из сейфа все что было, он принялся просматривать каждый лист, а из головы не шла мысль: «Как быть с Фантомом? Как? Доложить или не доложить?»

Наконец, на глаза попало злосчастный листок. Положив его в папку, Перси с тяжелым сердцем направился к Дугласу. Тот, задерганный звонками и докладами подчиненных, не обратил внимания на его убитый вид, кивнул на кресло. Отчитав кого-то по телефону, Дуглас бросил трубку на аппарат и устало произнес:

— Скоро с ума сойду, скорее бы все это началось.

— Нарастает как снежный ком, — буркнул Перси.

— И не говори. Как у тебя с дополнением по «Хористам»?

— Готово.

— Хоть, ты радуешь, Марк, — с вымученной улыбкой произнес Дуглас.

Перси промолчал и, положив папку на край стола, отодвинулся в тень, чтобы спрятать лицо и скрыть эмоции. Но Дугласу было не до того, на него наседали из Лэнгли и требовали завершить подготовку к операции «Хористы». К сожалению, все оказалось сложнее, чем было прописано в докладных Чикованишвили и Табидзе. С рядовыми исполнителями они легко справились, но, когда дело дошло до «руководителя» заговорщиков все застопорилось. Подполковник «Х» оказался крепким орешком, и операция зависла. Поэтому Дуглас внимательно вчитывался в предложения Перси, надеясь найти то, что поможет сделать «Х» более сговорчивым. Тот исподволь наблюдал за резидентом и терзался, не зная, как подступиться к разговору о Фантоме. Мрачное лицо Дугласа ничего хорошего не сулило.

Закончив чтение, Дуглас покачал головой и заявил:

— Извини, Марк, но это не выход! В Лэнгли нужен результат, а не идеи!

— К сожалению, других вариантов я не вижу! На большее Табидзе не способен, — уныло обронил Перси.

— Болтун! Только вчера клялся, что «Х» у него в кармане. И где тот карман? Где? Позер! Ну, он у меня еще запоет! Сам сядет на его место! — дал волю своим чувствам Дуглас.

«Его?! Место?» — и Перси пронзила догадка. Пока еще смутно перед ним возникла новая, дерзкая схема операции «Хористы».

— Дик, я, кажется, знаю выход, — неуверенно произнес он.

— Какой? — осекся тот и перевел на него взгляд.

— Может не совсем выход, но вариант

— Я весь внимание, Марк?

— Отнесись к этому спокойно и выслушай до конца.

— Говори, говори! — торопил Дуглас.

— А если заменить «Х» на более весомую фигуру?

— О чем ты, Марк? Остался всего месяц! Исключено!

— Дик, ты обещал выслушать! — решил идти до конца Перси.

— Хорошо, хорошо, слушаю! Кого ты имеешь в виду?

— Э-э, Фантома. Он...

— Кого?! — глаза Дугласа округлились, а когда к нему вернулся дар речи, выпалил: — Марк, ты в своем уме? Это же фигура!

— Была фигура.

— Что значит была?!

— У меня имеются серьезные основания подозревать, что он подстава ФСБ или ГРУ

— Как?! Не может быть? — не мог поверить Дуглас.

— Есть конкретные факты.

— Ты это серьезно, Марк?

— Более, чем.

— М-да, с тобой не соскучишься.

— Дик, я вполне серьезно! Он — подстава! И теперь дело моей чести...

— Хорошо, Марк, успокойся! — остановил его Дуглас и предложил: — Давай без эмоций и все по порядку.

Перси, избегая лишних деталей, рассказал о работе с Фантомом, привел доказательства его принадлежности к российским спецслужбам и высказал свою версию развития операции «Хористы». Оставив без изменений основные позиции предыдущего плана, он предложил использовать Фантома вместо подполковника «Х» в качестве руководителя сети российских спецслужб в Грузии. Скептическая гримаса на лице Дугласа, появившаяся в первые минуты, исчезла. Дерзкий замысел операции ему понравился. Это придало Перси уверенности. Он на ходу принялся набрасывать схему вывода Фантома с территории Абхазии и последующего использованию в акции по компрометации российского политического руководства.

Закончив излагать свой план, Перси с нетерпением ждал реакции Дугласа. Тот, после затянувшейся паузы, осторожно заметил:

— Рискованная операция, но результат может получиться ошеломляющий.

— Дик, надо решаться! Я гарантирую успех! — насея Перси и, спеша закрепить успех, предложил: — Операцию назовем «Западня»!

Дуглас ничего не ответил, встал из-за стола, прошелся по кабинету и остановился у портрета Президента Буша. Перси следил за каждым движением Дугласа, и когда тот обернулся, с облегчением вздохнул. Выражение глаз президента укрепили в нем надежду.

— Смелое предложение, но очень рискованное, — все еще осторожничал Дуглас.

— В нашей работе без риска много не добьешься! — с жаром заговорил Перси.

— Согласен, но горячность и жажда мести, Марк, это не лучший советчик.

— Я буду холоден как лед!

— Одного этого будет мало.

— Змеей извернусь, но негодяй будет в наших руках!

— Марк, не будем забегать вперед, — тянул с окончательным решением Дуглас и предложил: — Соберись с мыслями, а вечером я жду письменные предложения. Но иллюзий не строй, сам знаешь, окончательное решение зависит не от меня.

— Я все понимаю, Дик! Спасибо за поддержку, Я... — больше у Перси не нашлось слов.

— Все о'кей, Марк! До вечера, — закончил разговор Дуглас.

Перси возвратился к себе в кабинет и, сгорая от нетерпения свести счеты с ненавистным Фантомом, сел за разработку. И когда документ был готов, он поднялся к Дугласу. Тот, отложив в сторону все дела, внимательно, от первой и до последней строчки прочитал предложения Перси, внес несколько несущественных правок и утвердил. На следующий день документ был отправлен на рассмотрение в Лэнгли. Последнее слово оставалось за Директором ЦРУ.

Глава 10

Столица Абхазии Сухум изнывал он невыносимой июльской жары. К полудню на улицах начинал плавиться асфальт, металлические крыши домов раскалялись как сковородки, а от обжигающе-горячего воздуха перехватывало дыхание. Город напоминал огромную печь. Легкий бриз, потягивавший со стороны моря, был не в силах остудить жар, исходящий от прокаленного солнцем бывшего главного корпуса санатория Московского военного округа, в котором теперь размещался объединенный штаб командования коллективных сил по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта.

Кабинет начальника отдела ФСБ полковника Бориса Быстронога располагался на втором этаже. Но даже заросли олеандра, поднявшиеся до уровня окна, не спасали от палящих лучей. Быстроног, а вместе с ним Кочубей и Остащенко, второй час вымучивавшие из себя план проведения явки с агентом Багратионом, чувствовали себя как в парилке.

Первым иссякло терпение Остащенко. Залпом осушив стакан минералки, он заявил:

— Все, ребята, я больше не могу! Забираюсь в море, и буду сидеть до ночи!

— Да, надо сделать перерыв, в голову уже ничего не лезет, — согласился с ним Кочубей.

Быстроног посмотрел на часы, приближалось время обеда, и предложил:

— Совместим приятное с полезным.

— Это же как? — оживился Остащенко.

— Проскочим в Ущелье. Прохлада и отличный шашлык.

— Едем! — поддержал его Кочубей и заверил: — Юра, не пожалеешь. Место обалденное!

— А от меня, что-нибудь останется, когда доберемся? Может лучше на речку, к Акопу в Бамбуки? — колебался Остащенко.

— Лучше в Ущелье. Это недалеко, сразу за Гумистой, — пояснил Быстроног и, запихнув кипу документов в сейф, направился к двери.

Остащенко, прихватив с собой недопитую бутылку с минеральной водой, присоединился. Дежурная служба у Быстронога была поставлена как надо, не успели они дойти до стоянки, как появился УАЗ и, взвизгнув тормозами, остановился перед ними. Дверца распахнулась.

Быстроног плюхнулся на переднее сидение и распорядился:

— Женя, едем в Ущелье!

— В какое, товарищ полковник? — уточнил он.

— За Гумисту! Не забыл, где это?

— А-а, понял! — подтвердил Евгений и, лихо развернув машину, утопил педаль газа. Николай с Юрием стащили с себя вымокшие до нитки рубашки, открыли окошки. Ближе к Гумисте повеяло речной свежестью, они оживились, и с любопытством посматривали по сторонам. Остащенко остановил взгляд на печальных обелисках перед мостом. С них смотрели молодые, строгие лица тех, кто на этом рубеже в 1992 году ценой своих жизней остановил грузинскую бронированную армаду, вторгшуюся в Абхазию. Он с ожесточением сказал:

— Везде одно и то же. Что здесь, что в Чечне, что в Сербии. Мерзавцы — политики! Они дерутся за трон, а простые ребята расплачиваются своими жизнями.

Быстроног с Кочубеем промолчали — им нечего было добавить. Они за свою службу в Осетии и Чечне повидали всякого. Через несколько минут слева, сквозь буйную южную зелень диковинным каменным цветком проступил ресторан «Ущелье».

— Приехали! Тормози, Женя! — приказал Быстроног. Евгений нашел среди развалин свободное место и остановился.

— Да! Ну и местечко. Боря, и что мы тут будем делать? — недоумевал Остащенко.

— Пока предлагаю расслабиться и заморить червячка. За мной, ребята! — позвал Быстроног.

Кочубей с Остащенко, на ходу надев рубашки, поспешили за ним. Борис перешел дорогу и исчез в разломе скалы. Юрий шагнул под каменную арку и ахнул. Искусница природа сотворила здесь настоящее чудо. То, что уцелело после войны и устояло перед безвременьем, поражало воображение. По берегам горной речушки, которая то стремительными водопадами срывалась с головокружительной высоты, то расплескивалась тихими лагунами, располагались просторные террасы и манящие своей загадочностью гроты. От палящих лучей солнца этот нерукотворный храм природы защищал зеленый шатер из дикого винограда и хмеля.

Спустившись на нижнюю площадку, Быстроног в поисках подходящего места осмотрелся.

— Боря! Привет! — окликнули его.

Он поднял голову и радостно воскликнул:

— О, Станислав, и ты здесь?!

— А где же мне быть?

— Но что историк может искать в столь злачном месте?

— Ничего, кроме истины, — в тон Быстроногу ответил Станислав.

— Мы готовы помочь, — живо откликнулся Борис.

Станислав, оценивающим взглядом окинул фигуры Кочубея с Остащенко и шутливо заметил:

— С такими молодцами не только ее, но и кое-что другое по твоей части можно найти.

— От тебя ничего не скроешь. Мои коллеги — Николай и Юрий, — не стал секретничать Быстроног.

— Профессор Лакоба, — представился Станислав.

— И не только профессор, а известный историк, писатель, соратник президента Ардзинба...

— Перестань, Боря! Ты меня заживо хоронишь! — рассмеялся Станислав и пригласил к столу: — Присоединяйтесь к нам с Олегом.

— Какие могут быть возражения. Быть рядом и дышать одним воздухом с такими сосудами мудрости как вы, для меня это настоящее счастье, — продолжал ломать комедию Быстроног.

— Уймись, фонтан славословия, не умничай! Поторопись, пока вино не прокисло.

— А вот этого допустить никак нельзя! — воскликнул Борис и направился к лестнице. Николай с Юрием последовали за ним и по крутым, вырубленным в скале ступенькам поднялись на верхнюю террасу. Навстречу им поднялся профессорского вида приятель Станислава.

— Олег, академик, — представил друга Лакоба.

— Станислав, не смущай наших гостей, они подумают, что у нас как в Грузии, если не князь, то вор в законе. А в Абхазии, если не профессор, так обязательно академик, — пошутил Олег.

— Ладно, вы тут пока между собой разбирайтесь, а я займусь меню, — предложил Быстроног, подозвал официанта и занялся заказом.

Кочубей с Остащенко переглянулись, не зная с чего начать разговор. Предлог нашелся сам собою: на столике лежала газета, густо испещренная разноцветными помет-

ками. В глаза бросался заголовок: «Грузия, союзник или иждивенец?». Николай кивнул на газету и спросил:

— Судя по пометкам, серьезный материал?

— Я бы сказал, скорее любопытный, — оценил статью Станислав.

— И чем же?

— Подходом к теме.

— И чем он интересен?

— Тем, что автор рассматривает отношения России и Грузии, отказавшись от бытующих стереотипов.

— Да?! И, что в итоге получается? — в Николае проснулся неподдельный интерес к этой, ставшей в последнее время острейшей теме.

— То, что Грузия никогда не была ни другом, ни надежным союзником России, — озадачил его ответом Лакоба.

— Такого не может быть! До развала Союза, среди военных Грузия считалась самым лучшим местом службы, — возразил Остащенко.

— Вот дадут пинка Саакашвили, и снова станем друзьями! — заявил Быстроног.

— В этом и состоит твое заблуждение! — не разделял его оптимизма Лакоба.

— Нет тут никакого заблуждения! Я десять лет прожил в Грузии! — завелся Быстроног.

— Боря, тихо и без рук! Давай искать истину на дне кувшина, — вмешался в спор Кочубей.

— И это будет правильно! — живо откликнулся Олег и разлил вино по стаканам.

Станислав произнес тост за встречу, а затем они дружно навалились на салат. К этому времени подоспели снятые с пылу, с жару хачапури. Очередной тост внес оживление. Но Николаю не давала покоя статья и комментарий Лакоба. Воспользовавшись паузой, он вернулся к разговору:

— И все-таки, Станислав, извините за настойчивость, но хотелось бы знать: в чем состоит наше заблуждение в оценке отношений России с Грузией?

— Стоит ли тратить время? Это долгая история, — вежливо заметил он.

— А нам спешить некуда. Лучше здесь, чем в городе. Там такое пекло. Мы с удовольствием слушаем, — заинтересовался темой Остащенко.

— Хорошо! — согласился Лакоба и предложил: — Только не торопитесь осуждать автора статьи, кстати, русского, Епифанцева и спешить с выводами.

Юрий с Николаем энергично закивали головами, и Станислав начал с исторического экскурса:

— Мнение о том, что Грузия стойко стояла на страже российских интересов на Кавказе — это миф, который искусно формировался грузинской княжеской элитой, а позже партийной номенклатурой, и охотно принимался, как в монархическом Петербурге, так и в большевистской Москве.

Заявление Лакобы тут же вызвало резкую реакцию стороны Остащенко:

— А как же быть с Багратионом, Чавчавадзе, Кантария?

— Юра, чему тут удивляться, когда хозяином страны тридцать лет был грузин Сталин, — напомнил Быстроног.

— Боря, причем тут Сталин? У грузин каждый десятый с войны не вернулся, — обратился к цифрам Остащенко.

— Белорусы потеряли каждого четвертого. И что? — задался вопросом Кочубей.

— Ребята, плохих или виновных народов не бывает! Речь надо вести о тех, кто ими правит, — отметил Станислав.

— Это понятно! — согласился Остащенко.

— Нет, Юрий, с Грузией и ее вождями не все так просто, — возразил ему Олег.

— А, все они одним миром мазаны! Что Сталин, что Шеварнадзе!

— Речь не о них, а о стиле правления грузинской элиты! В нем есть одна важная особенность, на которую мало кто обращает внимания, — подчеркнул Станислав.

— Да какая там особенность?! Всегда одно и то же: лапшу на уши народу навесить, а себе нагрести побольше, — отмахнулся Остащенко.

— Юра, дай Станиславу сказать, — попросил Кочубей.

— Все молчу! — заверил Остащенко.

Николай, заинтригованный заявлением Лакобы, забыл про обед и с нетерпением ждал продолжения. Тот, польщенный вниманием, приступил к рассказу:

— Так вот, если беспристрастным взглядом посмотреть на недавние события в Грузии и на «предания старины глубокой», просматривается одна интересная особенность: во все времена они действовали одинаковым образом и демонстрировали одну и ту же модель поведения — искусную мимирию под личину верного союзника очередного властителя Кавказа. Этот стиль правления сформировался не сегодня, не вчера, а три столетия назад, когда в схватке за Кавказ сошлись такие титаны, как Персия и Турция. Территория, которая в современных представлениях ассоциируется собственно как Грузия, была поделена между ними: Имеретия и Менгрелия отошли к Турции, а Картли и Кахетия — к Персии.

— О, когда это было! С того времени столько воды утекло. Сейчас все по-другому, — скептически заметил Быстроног.

— Боря, не спеши, дослушай до конца! — не согласился с ним Кочубей и попросил: — Станислав, мы слушаем! Так в чем суть той модели?

— В том, что в своих отношениях с сильными мира сего грузинские правители исповедовали и исповедуют принцип: «Не можешь победить — задуши в объятиях», — пояснил Лакоба и продолжил рассказ.

— Прошло около двух десятилетий, как Картли и Кахетия вошли в состав Персии, а грузинская знать стала почти своею при дворе шаха. О ее весе свидетельствует тот факт, что шах Аббас Первый хорошо владел грузинским языком.

В истории трудно найти другой такой пример, когда бы властелин говорил на языке вассалов. Проведение военной реформы в армии он поручил ни кому-нибудь, а грузинскому князю Ундиладзе. Управление столицей — Исфаганом почти целое столетие осуществляли выходцы из грузинских княжеских родов. Поразительно и другое — в тех интригах, что плелись при шахском дворе, многие знатные персы заплатились головами, но не грузины. Царь Картли — Теймураз трижды терял и трижды возвращал себе трон и, при этом, каждый раз умудрялся избежать тюрьмы.

— Это же надо?! Вот прохиндсей! — поразился Кочубей.

— А что, разве в России им плохо жилось? Катались, как сыр в масле! — напомнил Быстроног.

— Это уже другой зигзаг в поведении правящей элиты Грузии, — отметил Станислав и снова обратился к ее истории.

— После смерти Надир-шаха Персия погрязла в междоусобных войнах, и над Грузией нависла грозная тень Османской империи. Правитель Картли — царь Ираклий Второй бросился искать спасения в Санкт-Петербурге, и его мольба была услышана. 24 июля 1783 года в крепости Георгиевская, князь Потемкин вместе с князьями Багратионом и Чавчавадзе подписали известный Георгиевский трактат. Россия перешагнула через Кавказский хребет, оставив за спиной враждебно настроенных воинственных горцев, чтобы защитить братьев по вере. За этот свой шаг она заплатила огромную цену. Большая Кавказская война затянулась на целых пятьдесят лет и унесла сотни тысяч жизней.

— До сих пор расхлебать не можем, — мрачно обронил Быстроног.

— То, что случилось на Кавказе двести лет назад, я имею приход России, то случилось, — констатировал Лакоба.

— Так вот, когда в Исфагане узнали об этом союзе Ираклия, то потеряли дар речи от подобного вероломства. Под защитой русских штыков он платил презрением своему

бывшему хозяину — шаху и торопился засвидетельствовать преданность новому. В Тифлисе посланцы Екатерины таяли от радушия грузинской знати, а в холодном Петербурге ее пылкие речи во славу России согревали сердца вельмож сиятельного двора.

Предав своего прежнего хозяина — персидского шаха, Ираклий первым делом принялся откусывать «лакомые куски» от разваливавшейся империи. Опираясь на мощь батальонов кавказских егерей, он захватил Гянжинское и Эриваньское ханства. Аппетит, как говорится, приходит во время еды, используя нарастающее соперничество между Россией и Турцией за господство над Кавказом, Ираклий попытался проглотить Менгрельское царство. Это явно не понравилось в Стамбуле, и тогда, чтобы не дразнить грозного соседа, он вступил с ним в тайные переговоры.

В 1786 году, нарушив положения Георгиевского трактата, Ираклий заключил в обход России договор с Турцией. Казалось бы, он перехитрил всех. В Петербурге добился высокого покровительства и защиты от обманутой и преданной Персии. В Стамбуле султан сменил гнев на милость, более того, пообещал Ираклию удерживать воинственных лезгин и чеченцев от набегов на Грузию. Но так казалось только Ираклию. В Петербурге, узнав о его черной измене, пришли в страшное негодование, но поделать ничего не могли. Чаша весов в русско-турецкой войне склонилась в пользу Турции, и Ираклий, посчитав, что с броском России на Кавказ покончено, ринулся в объятия Османской империи. Летом 1787 года в Стамбуле договор был ратифицирован. В Петербурге такого откровенного бесстыдства простить не могли, и русские батальоны покинули неверного союзника.

Спустя четыре года турецкие войска потерпели поражение в войне с Россией. Ираклий остался один на один не только с потрепанной Турцией, но и с набравшей силу Персией. Ее шах Ага Каджарский железной рукой собрал

осколки империи, и его армия двинулась на Тифлис. В 1795 году в Крцанисской битве персы разбили войска Ираклия, и ему с сыном Георгием пришлось спасаться бегством.

— Привычное для них занятие, — хмыкнул Остащенко

— Сейчас на месте битвы находится резиденция Саакашвили, — блеснул эрудицией Быстроног.

— Значит, скоро и он будет паковать чемоданы, — заявил Кочубей.

— Не уверен. Сегодня у него крутой хозяин, — возразил Олег.

— Американцы? Они где? А мы рядом. Вот наберемся силенок, и все вернется на круги своя, — заключил Остащенко.

— Вот, именно, силенок! — подчеркнул Станислав, — А на чьей она стороне — это всегда очень тонко улавливали грузинские вожди. Тот же Ираклий после сокрушительного поражения, казалось бы, потерял все. Ан, нет, выплыл и предпринял ловкий ход — передал трон Георгию. Прилежный ученик своего отца, он сделал Петербургу такое предложение, от которого трудно было отказаться: о принятии в российское подданство Картли и Кахетии.

В 1801 году они вошли в состав Российской империи, и с того времени начался новый отсчет собственно истории Грузии. Под надежным зонтиком России она, как на дрожжах, стала разрастаться территориально. С помощью русских батальонов присоединила к себе земли Ахалцихе, Саингило, Аджарии и за короткий срок приобрела такой статус в империи, который не имела никакая-либо другая губерния. С населением в 300 тысяч, местных князей оказалось не меньше, чем во всей 50-миллионной России. От фамилий грузинской знати, князей Шервашидзе, Чавчавадзе, Церетели, Орбелиани, входивших в царскую свиту, рябило в глазах и звенело в ушах. Грузия стала этаким баловнем в Российской империи, а к грузинам сформировалось особое отношение, которое не наблюдалось по отношению к другим нациям.

— «И божья благодать сошла на Грузию! Она цвела», — вспомнил Кочубей слова известного поэта.

— По-другому не скажешь, — согласился с ним Лакоба, — И эта благодать приобретала не поддающиеся разумному объяснению проявления. Известно, с какой жестокостью в Петербурге было подавлено восстание декабристов. Пестель, Рылеев, Каховский, Бестужев-Рюмин, Муравьев-Апостол — господа голубых кровей закончили жизнь на эшафоте. Спустя семь лет антигосударственный заговор был раскрыт в Тифлисе. И как же поступили с его организаторами: князьями Орбелиани?

— У нас всегда одно и то же — бесплатная путевка в Сибирь, — ответил Быстроног.

— А вот и не угадал, Боря. Почетная ссылка в центральную губернию, а через пару лет высочайшее помилование и восстановление во всех правах. Старость они встретили в достатке и почете. Один Орбелиани вышел в отставку генерал-лейтенантом, а второй — Георгий одно время исполнял обязанности наместника царя на Кавказе. И вообще отношение российской власти к Грузии и грузинам поражает. Позже Николай II отклонил предложение Председателя правительства графа Витте о разведении в Грузии чая под тем предлогом, что это «...чрезвычайно трудоемкая плантаторская культура... — в связи с чем он «...не хотел бы, чтобы грузины изнуряли себя на чайных плантациях».

— Да, этому трудно найти разумное объяснение. Но, то происходило в девятнадцатом веке, а в двадцатом среди вождей революции было много грузин. Одни имена чего только стоят: Сталин, Орджоникидзе, Берия, Сванидзе, — напомнил Кочубей.

— Извините, Николай, это опять-таки поверхностный взгляд. Все гораздо сложнее, — вежливо заметил Лакоба и пояснил: — Если внимательно посмотреть на тот короткий период в отношениях России и Грузии, я имею в виду, с октября восемнадцатого по февраль двадцать первого, то вы

поразительному тому, какие невероятные политические кульбиты совершала грузинская правящая верхушка.

— А если подробнее. Этот цирк для меня становится все более интересным, — сказал Остащенко.

— Станислав, ребята, может, повременим с грузинскими революциями и цирком? Не знаю как у вас, а у меня настоящая контрреволюция в желудке. Давайте пройдемся по шашлычку? — вмешался в разговор Быстроног.

Все охотно согласилось. Борис подозвал к столу официанта и через несколько минут тот появился с огромным блюдом, на котором высилась горка аппетитно зажаренного мяса, щедро усыпанная петрушкой. Это было фирменное блюдо повара Рамина — ребрышки молодого барашка, замоченные в знаменитом ачандарском вине. На время за столом воцарилась сосредоточенная тишина. Николай, расправившись с очередной порцией шашлыка, блаженно откинулся на спинку лавки и шутиво заметил:

— Я со своей контрреволюцией покончил и если вы, Станислав, не возражаете, вернемся к обсуждению особенностей грузинской революции?

— После такого обеда я готов переварить даже ее, — присоединился Остащенко.

— Еще не надоел? — с улыбкой спросил Лакоба.

— О чем ты говоришь?! Мы все внимание! — поддержал друзей Быстроног.

— Хорошо, — согласился Станислав и продолжил рассказ, — После революции в семнадцатом, бывшие деятели Госдумы Жордания, Чхенкели и Чхеидзе, сменившие Петроград на Тифлис, взяли власть в Грузии в свои руки и в начале восемнадцатого вступили в переговоры с Германией. Страх перед Турцией вынуждал их делать самые фантастические предложения. Они пошли на то, что просили принять Грузию в состав Германии в качестве федеральной земли. В Берлине тут же откликнулись на эту просьбу, и в Тифлис пожаловал граф Шуленбург. Но не обаяние грузинских

вождей и сладкое вино, а запах бакинской нефти, к которой рвалась соперница-Британия, заставил его форсировать переговоры. 13 мая Грузия, заручившись поддержкой Германии, объявила о своем выходе из Закавказской Республики, а спустя два дня кайзеровские войска высадились в Поти и взяли под контроль стратегические объекты.

— В тот год бывшую Российскую империю «красные», «белые» и всякая там зелено-малиновая компания кроили, как лоскутное одеяло, — едко заметил Остащенко.

— Каждый тянул его на себя, а русский народ расплачивался своей кровью, — с горечью сказал Кочубей.

— Вы правы, — согласился Лакоба, — Но я веду речь о другом: о поведении вождей — Жордания и Чхенкели. До революции они входили, в так называемую «группу оборонцев» — депутатов Госдумы и стояли насмерть за единство Российской империи и продолжение войны с Германией до победного конца. Спустя семь месяцев от их ненависти к немцам не осталось и следа, они взахлеб пели оду «немецкому порядку и просвещенной власти», а для России других слов, как «варварская» у них не осталось. Опираясь на германские штыки, Жордания, как это было с царем Ираклием, под шумок гражданской войны вознамерились откусить кусок Кавказа, который был явно ему не по зубам. Грузинские войска оккупировали Абхазию, на этом не остановились и концу июля захватили Адлер, Сочи, Туапсе.

— Ну, шакалы! — поразился Остащенко.

— Малая империя, как ее назвал академик Сахаров, — вспомнил Кочубей.

— Можно сказать и так! — согласился с ним Лакоба и с сарказмом произнес: — Но с новым хозяином они жестоко просчитались — он подкачал. В ноябре восемнадцатого в Германии грянула революция, и Грузия в очередной раз, оставшись один на один с озлобленными соседями, принялась срочно подыскивать нового покровителя. В Москве

о Жордания и его компании не хотели слышать, тогда они пали в ноги к «британскому льву». В Лондоне не заметили, как начали подыгрывать грузинским вождям. Искусство интриганства, позаимствованное ими у предшественника царя Ираклия, дало свои плоды: в Поти высадился британский экспедиционный корпус, но пробыл недолго.

Советская власть быстро укрепилась всерьез и надолго не только в России, но и в соседних с Грузией Армении и Азербайджане. В Тифлисе тут же смекнули, что на Кавказе появился новый-старый хозяин и принялись обивать пороги в Кремле. 7 мая 1920 года советская Россия признала Грузию в обмен на легализацию большевистских организаций. Не успели еще высохнуть чернила на договоре с большевиками, как Жордания указал британцам на дверь. И тут он совершили роковую ошибку, забыв, что имеет дело не с русским царем, а с пролетарским вождем — грузином Сталиным. Спустя восемь месяцев, 21 февраля, части 11-й Красной армии, не встречая на своем пути сопротивления, вошли Тифлис. Вместо тысяч добровольцев, которыми грозился Жордания, против советских войск выступила жалкая кучка, да и та, не дойдя до окраин, разбежалась по домам.

— По признанию командующего этим воинством генерала Одишелидзе, «вместо обещанных 1500 человек особый батальон народной гвардии вышел из Тифлиса на театр войны в составе 240 человек, на зато на его проводках было сказано 240 речей», — уточнил Олег.

— Жордания, а с ним меньшевистское правительство бежало за границу. С того времени, если можно так выразиться, начался «золотой» период в истории Грузии, — завершил на этом экскурс в историю Лакоба.

— Как же, слышаны! Сразу после той войны мой дед перебрался из Воронежской области в Кутаиси, и потом нам с братом рассказывал, как в те времена жили в Грузии. В России народ с кваса на воду перебывался, а они, как сыр в масле катались, — вспомнил Быстроног.

— Покатались мы в том масле, врагу не пожелаешь. У себя дома хозяевами не были. На родном языке запрещали говорить! А когда Союз распался, так они одним рывком рассчитывали покончить с Абхазией! Мерзавцы, сколько людей положили! Детей! Стариков! — и гримаса боли исказила лицо Олега.

— А мы на комсомольских собраниях только и слышали: Грузия — всесоюзная здравница, житница и кузница кадровых кадров, — зло обронил Остащенко

— И наковали! Подпольных миллионеров и воров в законе, — буркнул Быстроног.

— А как же «Мимино?» А как же «Отец солдата?» Это же все было! — не находил ответа Кочубей.

— Для нас было, да сплыло. А для них: «Расцветай под солнцем, Грузия моя». Все, дураков больше нет! — отрезал Борис.

— Кто расцветал, а кто и чахнул. На Урале и в Сибири народ загибался в тайге, а они тут среди мандарин и фикусов жировали, и все им советская власть плоха была! — возмутился Остащенко.

— Юра, но так-то всех под одну гребенку нельзя!.. — но договорить Кочубею не удалось.

Настойчиво зазвонил сотовый, и на дисплее высветился номер Кавказа. Извинившись, Николай поднялся из-за стола, отошел в сторону и спросил:

— Вы что, уже готовы?

— Да. Машина заправлена. Ждем только команды, — не стал вдаваться в подробности Кавказ.

— Хорошо, скоро будем! — заверил Николай и возвратился к столу. Быстроног и Остащенко по его лицу догадались: пора собираться. Извинившись перед Станиславом и Олегом, они, так и не попробовав всех блюд, спустились к машине. Водителя на месте не оказалось.

— Женя? — позвал Быстроног.

— Я здесь, Борисович Юрьевич, — отозвался тот.

— Едем в город! — строго распорядился Быстроног.

Быстроног прямо в дороге принялся звонить в отдел. Сотовый секретаря — Александра Мотрева молчал, на вызов ответил дежурный — Гонтарев.

— Олег, где Саня? — спросил Быстроног.

— Только что был в отделе, — неуверенно ответил тот.

— Был, да сплыл! Почему не отвечает?

— Не знаю, Борисович Юрьевич. Может питание село?

— Короче, разыщи и в отдел! Пусть вскрыет оружейку!

Ты получи оружие: три пистолета с полным боекомплектом.

— Понял. А потом куда? — уточнил Гонтарев.

— Отправишься к границе! Надо прикрыть Николая с Юрой! Понял?

— Да! Так может прихватить автомат, лишним не будет?

— Возьми! — разрешил Быстроног и распорядился: — Вызывай дежурный УАЗ, сам за руль и встречаемся на Красном мосту.

— Юра, нам Кавказа с Омаром хватит. — отказался помощи Кочубей.

— Коля, пусть едет. Олег парень хваткий и с головой, такой всегда пригодится, — не согласился с ним Остащенко.

— Мы же не на боевую операцию, а на явку с агентом едем! Зачем толпой светиться?

— Олег в той зоне два года отпахал и знает обстановку, как свои пять пальцев. Если что, прикроет! — заявил Быстроног.

— Тьфу, тьфу! Смотри, не накарай! — предостерег Остащенко.

— Хорошо! — согласился Кочубей и позвонил Кавказу.

— Слушаю тебя, Николаич? — тут же ответил тот.

— Через час встречаемся на Очамчырском повороте. Только ты и Омар! — распорядился Кочубей.

— Понял. Будем на месте, — подтвердил Кавказ.

Решив вопрос с боевым охранением, Николай сосредоточился на предстоящей явке с агентом Багратионом. На

связь он принял его три месяца назад. За это время у него сложилось двойственное впечатление об агенте. Должность в штабе второй пехотной бригады, дислоцирующейся на базе в Сеняке, открывавшая прямой доступ к секретным планам грузинского командования Западной группы войск, ставила Багратиона в один ряд с наиболее ценными агентами. И он подтверждал это своей информацией. Последние данные о составе, численности и вооружении группировки получили высокую оценку, как со стороны Сердюка, так и самого Градова. С другой стороны, патологическая жадность агента к деньгам, вызывало у Кочубея не столько профессиональное недоверие к его надежности, сколько внутренний протест. Но в сложившейся ситуации, когда положение на границе с Грузией накалялось с каждым днем и в любой момент грозило разразиться крупной провокацией, информация Багратиона перевешивала все минусы.

УАЗ резво катил вперед, через двадцать минут они были в Сухуме. На стоянке перед Красным мостом их ждал Готарев с машиной. Николай бросил взгляд на этого ладного, немногословного офицера и улыбнулся. В памяти всплыл недавний забавный эпизод.

Дружеский ужин в ресторане «Айтар», на котором он, Олег и Юрий вместе с сотрудниками СГБ Отаром и Раулем отмечали день рождения последнего. В тот вечер было выпито немало. Отар первым спустился к стоянке и здесь, то ли память, то ли чача подвели его. Он перепутал машины. Опешивший «угонщик» не успел раскрыть рта, как вылетел из автомобиля и распластался на асфальте. Лепет бедняги только распалил Отара. Он выхватил пистолет. На шум сбежалась толпа, и ребра «угонщика» вот-вот затрещали бы от ударов. Ситуацию разрядил Олег. Раздвинув крепким плечом зевак, он навис над беднягой и объявил об успешном завершении первого этапа учения «антитеррор». Второй его этап теперь уже с участием «угонщика» завершился в ресторане «Айтар».

Поздоровавшись с Гонtareвым, Кочубей не удержался от шутки:

— Олег, что у нас сегодня с антитеррором?

Тот сообразил, о чем идет речь, и с улыбкой ответил:

— Все в порядке. Отар сменил машину.

Осташенко прыснул со смеха. Быстроног с подозрением посмотрел на них, но не стал допытываться, и заговорил деловым тоном:

— Шутки в сторону! Олег, ты готов?

— Да! — подтвердил тот.

— Ничего не забыл?

— Обижаете, Борисович Юрьевич, не в первый раз. Взял под завязку.

— Хорошо! Хотя, в таких делах патронов, водки и махорки всегда не хватает.

— Мне легче, я не курю, — хмыкнул Гонtareв.

— Тут не тот случай. Без нужды вперед не лезь! — строго предупредил Быстроног.

— Борис Юрьевич, ты, что нас на войну посылаешь? Все будет в порядке! — заверил его Кочубей.

— Война, не война, а за последние годы там больше сотни наших парней полегло, — напомнил он.

— Юрич, все будет нормально! — обиженно засопел Осташенко.

— Ладно, удачи вам! — пожелал Быстроног, и они разъехались.

После Сухума движение на дороге стало свободнее, а после Гулрыпша Гонtareв уже не снимал ноги с педали газа. Вскоре показался поворот на Очамчыру, там, на старенькой «ниве» их ждали Кавказ с Омаром. До города Гага они следовали на короткой дистанции, а перед ним разъехались, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимание грузинской агентуры, и вновь встретились на восточной окраине.

Серая лента шоссе, исклеванная снарядами и минами, нырнула в лощину, и дальше потянулся унылый пейзаж: за-

брошенные дома и заросшие высоким бурьяном поля. Отсюда начинался район, где рыскали грузинские диверсионные группы и промышляли банды контрабандистов. До границы было рукой подать. Кочубей расстегнул кобуру, Юрий последовал его примеру, а Олег передернул затвор автомата.

Справа промелькнули знакомые по прошлым поездкам развалины чайной фабрики. Николай посмотрел на часы, до встречи с агентом Багратионом оставалось сорок минут, и попросил:

— Олег, притормози!

Тот съехал на обочину, они вышли из машины, здесь к ним присоединились Омар с Кавказом. После короткого совещания было решено: конечную остановку сделать на повороте к бывшей водолечебнице, там оставить Омара с машинами и дальше идти пешком. Охрану дальних подступов к месту явки должны были взять на себя Кавказ с Олегом, а последний рубеж Юрий. Перекурив, они тронулись в путь, через полтора километра показался изрешеченный осколками указатель: «Водолечебница».

— Все, ребята приехали! По местам! — распорядился Николай.

Загнав машины в кусты и завалив колею ветками, они, разбившись на пары, отправились занимать позиции. Николай с Юрием, избегая открытых мест, прошли к главному корпусу и, затаившись за деревьями, осмотрелись. Не заметив ничего подозрительного, Кочубей дал знак Остащенко, тот вскинул пистолет, а сам одним броском преодолел открытую площадку и запрыгнул в окно. Прошла секунда, другая, глаза освоились с полумраком, и он направился к бывшему кабинету главврача. В нем должна была состояться явка с агентом.

Смахнув пыль с колченогого стола и стульев, Николай сел напротив окна и стал ждать. Стрелки часов медленно ползли по циферблату. Истекло контрольное время, затем резервные двадцать минут, а Багратион так и не появился.

Молчал его сотовый, когда в коридоре под неловкой ногой скрипнула доска, и в дверном проеме возникла потная физиономия агента. Скользнув настороженным взглядом по Кочубею, он устало произнес.

— Фу-у! Я думал, что не застану.

— Что-то случилось? — насторожился Николай.

— Не. Из-за мудака контрабандиста, пришлось крюк давать! — выругался агент и плюхнулся на стул. Кочубею был неприятен его взгляд, но тут было не до симпатий. Время поджимало, и он, не мешкая, перешел к деловой части явки:

— Вахтанг, не буду тебя задерживать, перейдем к делу. Что сейчас происходит в западной группировке войск? Правда, что идет концентрация сил и усиление авиационной группы?

— Да! — не стал вдаваться в подробности Багратион, пошарил в кармане джинсов, достал пакет и пояснил: — Здесь копии секретных материалов! В них все!

— Молодец!

— Стараюсь, но если бы ты знал, чего это мне стоит, — пожаловался агент.

Николай понял все без слов — каждая явка с агентом заканчивалась одним и тем же — выкачиванием денег, и заверил:

— Вахтанг, ты же нас знаешь, в долгу не останемся.

— Если можно, то сейчас? Младшего надо срочно отправлять в клинику.

— Тысяча устроит?

— Э-э, — промычал Багратион и, облизнув губы, спросил:

— А если две и евро?

— У меня с собой тысяча.

— С сыном совсем плохо.

— Я понимаю, Вахтанг, все зависит от качества информации.

— Она стоит того! Клянусь!

— Посмотрим, оценим, и потом... — фраза замерла на губах Кочубей.

С улицы донесся шум. Он выглянул в окно, перед глазами промелькнул Кавказ с автоматом.

«Засада?! Диверсанты?! — вихрем пронеслось в голове Николая. Он выхватил пистолет из кобуры, вжался в простенок и шепнул агенту: Ложись».

Багратион метнулся за шкаф и распластался на полу. В следующее мгновение по стене возникла уродливая тень, и в дверном проеме появился Кавказ. Весь его вид: растегнутая кобура, из которой торчала рукоять пистолета и автомат в руках, говорили о том, что опасность близка.

— Где?! Сколько?! — спросил Кочубей.

— За лечебным корпусом! Не меньше пяти! — выдохнул Кавказ.

— Спецназ? Бандиты?

— Навскидку не скажешь.

— Что предлагаешь?

— Пусть уходят! Не трогайте! — подал голос Багратион.

— Николаич, так что будем делать?! — наседал Кавказ.

Кочубей стоял перед непростым выбором: внезапно напасть и уничтожить бандитов, и при этом рискнуть жизнью ценного агента или попытаться незаметно скрыться. В глазах Кавказа он читал только один ответ. Николай, бросив взгляд на Багратиона, принял решение.

Глава 11

Тихо гудящий кондиционер навевал на Марка Перси дремоту. На конспиративной квартире ЦРУ, вдали от городского шума, ничто не напоминало о том, что в ее стенах родилась наиболее секретная часть плана, который должен был радикально изменить соотношение сил на Южном Кавказе и навсегда вытеснить Россию из этого стратегически важного региона. Высокая кирпичная стена надежно ограждала ее от городской суеты, глазки видеокамер бдительно стерегли подходы, а плотно закрытые жалюзи на окнах скрывали обитателей от любопытных глаз. Со стороны дом казался вымершим, но он жил своей, особенной жизнью.

На первом этаже в холле топтался мрачный охранник и, маясь от скуки, прислушивался к тому, что происходило за дверью «особой комнаты», в которую имели доступ только оперативные сотрудники резидентуры. Запершись в ней, Роберт Ливицки склонился над пультом управления электронной защиты и сканировал пространство вокруг дома, пытаясь обнаружить электронные щупальца вездесущей русской разведки. Пока она себя никак не проявила, и на дисплее сохранялась ровная картинка. Переведя систему из ручного в режим автоматического контроля, он запер дверь и поднялся на второй этаж

Услышав шаги на лестнице, Перси поднялся из кресла. Появление Ливицки вызвало на его лице недовольную гримасу. Стрелки показывали начало четвертого: время встречи с первым заместителем Специальной службы внешней разведки Константином Чикованишвили и главой контрразведки Леоном Табидзе истекло, а они не соизволили появиться.

«Болтуны!» — с раздражением подумал Перси, прошел к холодильнику, достал бутылку минералки и стал пить жадными глотками. В последнее время он жил на нервах: до начала военной фазы операции «Чистое поле» оставались считанные дни, а на нем висела масса незавершенных вопросов. Казалось бы, так тщательно разработанный план оперативного прикрытия действий грузинской армии в Южной Осетии и Абхазии в последние дни все чаще давал сбои. Обещания Чикованишвили и Табидзе: дожать исполнителей на роли русских боевиков, пока оставались только обещаниями. Из пятерых «кукол» лишь двое, да и те с большой натяжкой, годились для участия в предстоящем «спектакле». При таком количестве «террористов», разработанная Перси схема «российского заговора», связанного с «покушением» на президента Саакашвили, в котором ведущая роль отводилась Фантому, трещала по всем швам.

Недовольство Перси передалась Ливицки. На нем тоже было завязано немало вопросов, решение которых во многом зависело от того, как сработает грузинская сторона, и он не удержался от язвительного выпада:

- Наши князья, как всегда задерживаются.
- Да, уж князья, не соизволят даже позвонить. Фанфароны! — злился Перси
- Зато к столу и рюмке они первыми.
- Пусть только появятся, я им налью! Что с русскими ушами?
- Чисто! Прочедил весь эфир.
- А по периметру?

— То же самое.

— Скрытые посты на подходах выставлены?

— Сэм доложил, что сделал это еще двадцать минут назад.

— Хоть кто-то работает, а эти... — у Перси больше не нашлось слов, и он потянулся к телефону.

В это время в холле хлопнула дверь, и послышались громкие голоса. Характерный выговор не оставлял сомнений — пожаловали Чикованишвили и Табидзе. В дверном проеме возник охранник.

— Сэр, прибыли господа. — доложил он

— Пропустить! — приказал Перси.

— Марк! Роберт! У нас для вас отличный подарок! — воскликнул Чикованишвили

— Подарок?! Мне сейчас не до него! Миссия вот-вот должна начаться, а я слышу одни только обещания! — раздраженно бросил Перси.

— Марк, не сгущай краски! Все идет по плану! — не терял оптимизма Чикованишвили.

— Я этого не наблюдаю!

— Один момент, сейчас увидишь! — самоуверенно заявил Табидзе и, достал из кейса диск.

— Что это? — подозревая его в очередном пустом фокусе, спросил Перси.

— О-о, крутой боевик! — хмыкнул тот.

— Леон, мне сегодня не до шуток! — нахмурился Перси.

— Марк, ты не пожалеешь! Тут то, чего так не хватало для подкрепления нашего плана! Где это можно посмотреть?

— Роберт, займись! — распорядился Перси.

Ливицки и Табидзе прошли к домашнему кинотеатру.

— Марк, я предлагаю присесть. Боевик не для слабонервных, — с улыбочкой произнес Чикованишвили и бесцеремонно развалился на диване.

Перси молча, занял место в кресле. Ливицки возвратился и присел рядом. Табидзе бросил взгляд на Чикованишвили,

тот кивнул головой, и включил запись. Экран вспыхнул, на нем крупным планом возник предбанник сауны, затем само помещение, в котором происходило странное действо.

Перси оторопел:

— Это что за мерзость?!

В следующее мгновение грохот падающей мебели и рев мужских голосов выплеснулся в комнату. Клубок потных, волосатых тел катался по полу. Искаженные болью и яростью лица скалились на Перси. Он оторопел, и с губ сорвалось:

— Э-э, что за мерзость?!

— Минуту терпения, Марк! — с невозмутимым видом ответил Чикованишвили.

Последовавшая за этим сцена возмутила Перси. Жертвой насильников оказался основной объект оперативной разработки подполковник российской армии «Х».

— Что это, я спрашиваю?

— Это первый этап вербовки! — заявил Чикованишвили.

— Что?! — не поверил своим ушам Перси.

— А что делать? Гордый оказался, денег не брал. Пришлось доходчиво объяснить, — хохотнул Табидзе и развел руками.

— Да?! И как?

— Сказал все, что нам надо, — подтвердил Табидзе.

— А потом не сорвется? — усомнился Перси.

— Сорвется? Пусть только попробует! Пригрозили!

— А после этого он в петлю не полезет? — высказал опасение Ливицки.

— Исключено! — отрезал Табидзе.

— Уверен?

— Абсолютно!

— И какие для того есть основания?

— Сорок тысяч долларов, которые он взял.

— Весомый аргумент, — согласился Ливицки.

— Еще какой! Пока сбоев не давал.

— Будем надеяться, — осторожно высказался Перси и поинтересовался: — Что он сказал по основной теме?

— Все, что было прописано в сценарии. Слово в слово, — заверил Чикованишвили и попросил: — Леон, дай вторую запись!

На экране возник кабинет. Его обстановка им была знакома до мелочей, каждая из которых была тщательно продумана и должна была вызвать у будущих зрителей доверие к тому, что все происходящее отнюдь не спектакль. Подкрепить это должны были карта районов Грузии, прилегающих к Абхазии и Южной Осетии, с территории которых на нее нацелились красные стрелы — направления будущих ударов российской, абхазской армий и южно-осетинского ополчения, а также кипа фотографий тайников с оружием и, наконец, главный свидетель — подполковник «Х».

Перси внимательно следил за его мимикой, вслушивался в интонации, и должен был признать: выступление звучало убедительно. Не только у обывателей, а и у вьедливых журналистов, вряд ли бы возникли сомнения в том, что подполковник руководил подпольной террористической сетью на территории Грузии, созданной российской спецслужбой. Для самых отъявленных скептиков дополнительным подтверждением тому должны были послужить показания других «разоблаченных агентов» и арсенал изъятого у них оружия.

«Х» продолжал говорить. Перси слушал и намечал следующие шаги в операции. Еще один ее исполнитель по прикрытию военной акции грузинской армии и дезинформированию международной общественности, наконец-то, вписался в разработанный им сценарий. И только концовка выступления, в которой «Х» приносил покаянные извинения президенту Саакашвили, резанула слух Перси. Тон подполковника не вязался со зловещим образом одного из главарей заговорщиков-террористов. Запись закончилась. Табидзе и Чикованишвили с нетерпением ждали заключения Перси.

— О'кей! Только концовка слегка смазана, — оценил он.

— Что именно? — спросил Чикованишвили.

— Это вымученное покаяние перед президентом. Здесь вы, кажется, перегнули палку. В сценарии такого нет.

— Ты прав, Марк, это экспромт, но я не считаю, что неудачный, — не сдавался Чикованишвили.

— Хорошо, оставь запись, я внимательно изучу, — не стал спорить Перси и предложил: Пройдемся по другим позициям плана. Как идет работа с Янусом-Багратионом. Что он дает по подполковнику Оресту?

— Марк, сначала мы просто обязаны закрепить наш успех! — предложил Табидзе.

Они вышли на террасу. Ливицки занялся столом, Чикованишвили разлил коньяк по рюмкам и с пафосом произнес:

— За свободную Грузию! За нашего нестигаемого Президента! За нашу совместную победу и освобождение моей многострадальной земли от оккупантов! Вместе с великим американским народом и ее выдающимся Президентом Джорджем Бушем, в горячем сердце которого есть место для маленькой Грузии, мы откроем новую страницу в истории Кавказа. Грузия станет локомотивом, который вывезет народы многострадального Кавказа к демократии и навсегда избавит от тирании России! За свободную Грузию! За великую Америку!

— За нашу общую победу! — поддержал его Табидзе.

— За успех операции! — присоединились к ним американцы.

Перси осторожно сделал один, за ним другой глоток. Коньяк, оказался превосходным. Чикованишвили, не дав ему перевести дыхания, снова наполнил бокалы и произнес очередной тост:

— За наших друзей и коллег! За тебя Марк! За тебя Роберт. За настоящих профи, которые в трудную минуту для моей страны подставили нам свое крепкое плечо. Это большая честь и большое счастье работать с вами. Это...

— Полно, Константин! Это наша обязанность, — пытался остановить его Перси.

— Нет, нет, Марк! Вы с Робертом заслужили это! Придет время и вам, кто вместе с нами борется против имперской России, в Тбилиси будет поставлен памятник. Я это говорю от чистого сердца! Твой план, Марк, гениален! — продолжал петь дифирамбы Чикованишвили.

— Спасибо! Спасибо, Константин! Давайте выпьем за наш общий успех! — и Перси поднял бокал.

К нему возвратилось бодрое настроение. Успех в работе с подполковником «Х» стал крупным шагом в осуществлении план операции «Западня». Для его полной реализации осталось сделать последний и самый важный ход: заманить в ловушку Фантома. И здесь многое, если не все зависело от Януса-Багратиона. Пока двойной агент успешно справлялся со своей миссией и, похоже, убедил Фантома в своих исключительных разведывательных возможностях. Свидетельством тому служила тысяча долларов, полученная им на последней явке. Теперь, чтобы вытащить Фантома на грузинскую сторону, требовалась серьезная наживка — информация, за которой он бы полез в пасть к самому дьяволу. К сожалению, военные не спешили ее давать, и здесь многое зависело от настойчивости Чикованишвили и Табидзе.

Перси спросил:

— Как идет работа Ломинадзе с Янусом и подготовка дезинформации?

Табидзе самоуверенно заявил:

— Гораздо результативнее и быстрее, чем мы ожидали.

— А точнее?

— У Януса не осталось и капли страха перед этим русским подполковником, и появилась уверенность в успехе своей миссии.

— Это хорошо! Что дает основания для подобного оптимизма?

— Последняя тренировка. Все прошло как по нотам. Янус убедился: с его головы не упадет ни один волос.

— И конечно деньги, такие ему раньше и не снились, — подчеркнул Чикованишвили.

— О'кей! А как обстоит дело с наживкой? Что сделано в информационном плане? — перешел Перси к другой части задания для Януса.

— Тоже удалось добиться серьезных подвижек. Наши военные пообещали к концу недели дать хороший материал.

— И еще какой! План наступления на Шида Картли! — с гордостью объявил Табидзе.

— План наступления на Южную Осетию?! — поразился Ливицки

— Роберт, успокойся! Русский получит его, когда наша артиллерия сравняет Цхинвал с землей, — снисходительно заметил Чикованишвили.

— Константин, не будем спешить, надо все тщательно взвесить, — более спокойно, чем Ливицки, отреагировал на это заявление Перси и предложил: — Господа, еще раз сверим наши шаги в области информационного прикрытия военной фазы операции «Чистое поле».

Чикованишвили полез в портфель. Перси и Ливицки с любопытством наблюдали за ним, в ожидании очередного сюрприза, и не ошиблись. На стол легла флэшка и файл с документами. Судя по первым строчкам первого же документа, это были материалы переговоров грузинской стороны с абхазской делегацией, неделю назад завершившиеся в Стокгольме.

— Константин, здесь полная запись? — догадался Перси.

— Слово в слово. Можете послушать, — подтвердил тот.

— Потом, а сейчас коротко их содержание.

— Если в двух словах, то все идет по нашему плану. В Сухуме мирные инициативы ОБСЕ приняли за чистую монету.

— Ты имеешь в виду отвлечение на переговоры по урегулированию ситуацию в верхней части Кодора? — уточнил Ливицки.

— Да.

— И они ничего не заподозрили? — все еще испытывал сомнения Перси.

— Нет! Судя по составу делегации.

— А кто был?

— Министр иностранных дел Шамба, вице-премьер Кубрава и министр по налогам и сборам Пипия.

— А Секретарь Совбеза Лакоба?

— Не приехал.

— Жаль! Это бы только усилило наши позиции, — посетовал Перси.

— Нашим хватило тех трех. Вымотали все нервы и чуть не докопались до истины.

— Кто с вашей стороны вел переговоры?

— Секретарь Совета безопасности Ломая, постпред в ООН Аласания, заместитель председателя комитета по обороне и безопасности парламента Руруа, госминистр по вопросам реинтеграции Якобашвили.

— Серьезная компания. С таким составом у абхазов не должно возникнуть сомнений в том, что переговоры всего лишь блеф.

— И не возникло. Подтверждением тому служит то, что в Сухуме и в Москве приняли к рассмотрению план Штайнмайера по урегулированию ситуации в верхней части Кодорского ущелья.

— Ха-ха, — хохотнул Табидзе и с презрением бросил: — Пока они будут жевать эту переговорную жвачку, мы свое дело сделаем.

— Хорошая дымовая завеса, — согласился Ливицки.

— И не только. Теперь инициатором мирного разрешения кризиса на Южном Кавказе выступает не Россия, а Грузия и ОБСЕ, — подчеркнул Перси.

— Совершенно верно, Марк! И не наша вина, что абхазы с осетинами ответят на эти предложения военными провокациями, а российские спецслужбы попытаются устранить президента Саакашвили, — сухмылкой заметил Чикованишвили.

— И тогда у нас будут развязаны руки, чтобы восстановить порядок на оккупированных территориях. А потом в Москве пусть, сколько хотят: кричат об агрессии. Победителей не судят! — заявил Табидзе.

— Захлебнутся! Мы их утопим в информационном море! — заверил Перси.

— В таком случае, нам остается только выпить! — хлопнул в ладоши Чикованишвили и снова потянулся к бутылке с коньяком.

— Погоди, Константин, еще один вопрос. Организуй мне явку с Янусом, — остановил его Перси.

— Что, имеются сомнения в его надежности?

— Нет! Но на него слишком много поставлено, и в Лэнгли меня не поймут, если буду руководить операцией из кабинета.

— Ну, если только так, то вопросов нет, организуем. Где? Здесь или на месте?

— На месте, чтобы, как говорится дышать, с ним одним воздухом.

— Ха-ха. Воздухом? Смотри не задохнись. Там не Тбилиси.

— До конца недели успеешь?

— Да! — подтвердил Чикованишвили и потянулся к бутылке.

— Нет! Нет! Извини, Константин, у меня дела, — решительно отказался Перси.

— Ну, на нет, как говорится, суда нет, — с сожалением произнес он и поднялся из кресла. Табидзе, прихватив портфель, присоединился к нему.

Ливицки, проводив их до выхода, возвратился в гостиную и застал Перси с диском на руках. Тот замаялся. Это не укрылось от него.

— Что, понравилась их работа, Марк? — с легкой иронией спросил он.

— Работа? Мерзость! — буркнул Перси и швырнул диск на журнальный столик.

— Я бы так не сказал. Наши князья не так уж плохи.

— В уме и нахальстве им не откажешь, еще бы меньше пили и болтали.

— Марк, ты слишком к ним строг. Парни без всяких комплексов.

— Строг? — на лице Перси появилась презрительная гримаса, и в голосе зазвучали жесткие нотки:

— Я бы не рекомендовал тебе обольщаться на их счет. Они любят нас до тех пор, пока мы в силе и платим деньги. Как только не станет того и другого, тут же отвернутся и кинутся в ноги к новому хозяину. За примерами далеко ходить не надо. Возьми тех же русских. Двадцать лет назад на них здесь молились. Шеварднадзе сделал открытие в астрономии: убеждал Кремль, что солнце для Грузии восходит не на востоке, а на севере. Лицедеи и хамелеоны!

— Не спорю, но в их компании иногда приятно расалабиться.

— Только не сегодня. Меня от них уже тошнит.

— Может развеемся на корте? — предложил Ливицки.

— А что, хорошая идея! — охотно согласился Перси.

— Куда поедем? На свой или в город?

— Только не на свой! Уже осточертело видеть одни и те же рожи. Давай к англичанам, к Тони, он классный парень и без двойного дна.

— Идет.

— Я только «за».

— Выдвигаемся через часок, когда спадет жара.

— Договорились. Я поехал собираться.

— Погоди! Проверь систему контроля. Не исключаю, что эти милые тебе парни могли что-то забыть, — напомнил Перси.

— Обязательно, — заверил Ливицки и направился к лестнице.

Перси было не по себе. Ему не терпелось поскорее вырваться из этих безликих стен, давивших на него невидимым

прессом. Отвратительная сцена насилия над «Х» все еще стояла перед глазами. Далеко не новичок в разведке, Перси в последнее время все чаще ловил себя на мысли, что становится сентиментальным. Причиной тому были то ли возраст, то ли внук. Эта кроха напрочь перевернула его прежние представления о добре и зле.

То, что ему приходилось делать двадцать лет назад в московской резидентуре, сегодня выглядело бы невинной детской шалостью в сравнении с тем, что вытворяли ретивые «ученики» ЦРУ из грузинских спецслужб. Тогда, в конце восьмидесятых, при вербовке советских диссидентов и тех, кто пытался любой ценой вырваться за «железный занавес» бывшего советского блока, ему не приходилось: насиловать, пытать и шантажировать будущих агентов. Они готовы были работать за одно обещание будущей свободной жизни на западе. «Чистые» шпионы были не в счет, во все времена и при всех правителях красная цена им была тридцать сребреников. Спустя двадцать лет Перси вынужден был признать: разведка становилась все более грязным делом. После военных компаний в Афганистане и Ираке, где циничные политики втоптали ее в грязь, списав на нее свои промахи, ко всем чертям полетели неписанные законы. Секретное распоряжение Президента, предоставившее ЦРУ право нейтрализации лиц, несущих угрозу национальным интересам США, смело последние моральные барьеры и развязало руки мерзавцам и циникам.

— Все помойка! Все! — в сердцах произнес Перси и, не дожидаясь, когда Ливицки доложит о результатах проверки, спустился в гараж, сел в машину и отправился к себе на квартиру. Звонок Роберта застал его в пути — Чикованишвили и Табидзе не оставили после себя электронных закладок. Перси прибавил скорость и через пятнадцать минут подъехал к дипломатическому кварталу. Дежурный узнал его и открыл проезд.

Миновав стоянку, Перси проехал к своему подъезду и поднялся в квартиру. В ней царил стойкий холостяцкий дух. На кухне, в раковине накопилась гора немытой посуды, а в

платьяном ящике ворох нестиранных рубашек и маек. В последние дни ему было не до порядка и чистоты, времени едва хватало на то, чтобы отоспаться после изнурительного рабочего дня. Вытащив из шкафа спортивную сумку, он принялся ее паковать. Под руку попала новая ракетка — подарок Джоан — и в нем что-то дрогнуло. Казалось бы, погасшее к ней страстное чувство, вспыхнуло с новой силой. Рука потянулась к телефону и набрала номер.

— Марк, ты? Чего молчишь?

— Наслаждаюсь твоим дивным голоском, — ответил он.

— Да?! Ты меня вгоняешь в краску.

— Румянец тебе идет.

— Неужели? А я думала, что похожа на дурнушку, — в трубке послышался смех.

— Джоан, ты бы не хотела провести со мной вечер?

— Э-э, видишь ли, Марк, у меня много работы, — замялась она.

— И все-таки. Ты для меня как допинг, — пошутил он.

— Допинг?

— Нет, нет, это совсем не то, о чем ты подумала! Предлагаю проехать к англичанам. Будет хорошая компания Тони с Сарой.

— Хорошо. Когда? — согласилась Джоан.

— В семь. Я могу за тобой заехать. Ты где?

— В посольстве.

— Жди, скоро буду!

— Не надо, Марк! Я подъеду сама.

— О'кей! Встречаемся на кортах! — радостно воскликнул Перси. Разговор с Джоан заставил на время забыть о неприятностях. Он быстро собрал спортивную сумку, вышел в прихожую и бросил взгляд на зеркало. На него смотрел мужчина с серым от бессонницы лицом, темными мешками под глазами и глубокими морщина на лбу.

«Да, Марк, с Робертом тебе не тягаться. Твои годы на физиономии написаны» — скептически оценил он себя и свой гардероб.

«С физиономией ничего не поделаешь, а вот остальное надо сменить!» — решил Перси, и, порывшись в шкафу, остановил выбор на тенниске с широким вырезом. Она выгодно обнажала рельеф грудных мышц и внушительно вздувалась на бицепсах. Узкие белые джинсы стройнили, а кроссовки придавали легкость походке. Щедро побрызгавшись одеколоном, Перси спустился к машине.

Дорога до «английского» теннисного клуба заняла немного времени. Корт были облюбованы энтузиастом этой игры, вторым секретарем посольства Великобритании в Тбилиси Тони Осборном. Он же стал душой компании фанатов тенниса. Перси предпочитал проводить свой досуг здесь, подальше от друзей-соперников, чтобы лишний раз не давать повода для злословия и подковерных игр. Теннис сблизил его с Тони, а общность взглядов сделала их друзьями. В доме Осборнов, в отсутствие Маргарет, которая осталась в США с внуком, Перси погружался в теплую семейную обстановку и на время забывал про проблемы на службе. К его приезду Осборны уже находились в клубе.

— Привет, Марк! Как поживаешь? — бодро приветствовал его Тони.

— Хэлло! Разве это жизнь, одни моменты. С чертовым «полем» скоро забудешь, как себя звать, — отшутился он.

— Ничего, недолго осталось ждать. Скоро все закончится

— Надеюсь.

— Как Маргарет? Как внук? — поинтересовалась Сара.

— Скупаю, — признался Перси.

— Жenu и внука не заменю, но скуку развеять обещаю, — заверил Тони.

— Это вызов или угроза?

— Скорее забота.

— Спасибо, но легкой жизни не обещаю, сейчас подьедет Роберт.

— Испугал! С минуты на минуту появится Стив.

— А против него мы выставим Джоан.

— Ну, уж нет, она составит мне компанию — возразила Сара.

— Ну, что Марк, подождем их или начнем сами? — спросил Тони.

— Если не возражаешь, начнем без них, — предложил Перси.

Осборн не стал возражать и, направившись к раздевалке, бросил на ходу:

— Сара, позаботься о Джоан!

Не успели они распаковать сумки, как у Перси зазвонил сотовый. Это был резидент:

— Марк, время прошло, а я не слышу доклада о результатах работы по «Х»? — в голосе Дугласа звучали нотки недовольства.

— Извини, Дик, замотался.

— Мне сейчас не до извинений! До начала операции остались считанные дни.

— Я понимаю и делаю все, что в моих силах.

— Что мы имеем на этот час?

— «Х» сказал все, что нам надо! Утром я представляю материалы.

— О'кей! — закончил разговор резидент.

В дверях появился Стив Коэн и, энергично пожав руки, поинтересовался:

— Как настрой, Марк?

— Сегодня я вам с Тони не завидую, только что получил лошадиную дозу допинга, — мрачно пошутил Перси.

— Да, и какого?

— Начальственного.

— Ха-ха, — хохотнул Коэн и, похлопав по плечу, спросил: — Кто с тобой в паре?

— Ливицки.

— О, будет кому побегать!

— Марк не обещает легкой жизни, — напомнил Тони об угрозе Перси.

— Нас не испугаешь, — отмахнулся Коэн и стал распаковывать сумку.

— Тони, жду на корте, — бросил на ходу Перси, вышел из раздевалки и пробежался взглядом по стоянке.

Машин Ливицки и Грей не было. Стрелки показывали десять минут восьмого. В Перси начало вскипать раздражение, когда, наконец, на повороте появился серебристый «Ford» Ливицки. Следом за ним ехала Джон. Через несколько минут послышался веселый смех, и они появились на аллее. Перси кольнуло ревнивое чувство. Все его усилия обмануть старость были тщетны перед свежестью и молодостью, излучаемой Ливицки и Грей.

— Роберт, тебя только за смертью посылать! — не удержался он от упрека.

— В таком случае Марк, тебе повезет, — беззаботно рассмеялся Ливицки и, отвесив поклон Саре, спросил: — Где прячется твой терминатор?

— В раздевалке со Стивом и готовится содрать с тебя три шкуры, — с улыбкой ответила она.

— Это мы еще посмотрим. Я...

— «Я» доказывай в игре! — перебил Перси и поторопился: — Давай на корт!

Ливицки хмыкнул и скривил ему вслед рожицу. Женщины расхохотались.

— Забавный парень, Роберт, с ним не соскучишься, — добродушно заметила Сара и предложила: — Джоан, выпьем кофе, пока мужчины разминаются?

Они прошли в беседку. Вышколенный официант встретил их вежливой улыбкой и сносным английским. Не успели дамы расположиться в шезлонгах, как на столике появились чашки с ароматным кофе и бутылки с холодной водой. Отхлебывая кофе мелкими глотками, они стали сплетничать, но вскоре переключились на игру. На корте завязалась

нешуточная борьба. К ее концу Перси начал выдыхаться, удары потеряли силу, их не могли компенсировать ни задор, ни напор Ливицки: победа досталась Осборну и Коэну. Под аплодисменты Джоан и Сары игроки покинули корт, чтобы затем присоединиться к ним. Горький осадок Перси от проигрыша не смогли смягчить ни острые шутки Стива, ни задорный смех Джоан. Ее пикировка с Ливицки разжигала в нем ревность и все больше раздражала. Не дожидаясь окончания ужина, он, сославшись на предстоящую поездку в Сенаки, простился и отправился домой.

Ранним утром у подъезда дома его ждала машина Чикованишвили и переводчик. Дальше тоже все шло без сбоев. На авиабазе в Вазиани к их приезду стоял готовый к вылету вертолет. Полет до Сенаки занял чуть больше тридцати минут. Только что отстроенная по стандартам НАТО военная база, где размещалась вторая пехотная бригада, блестела свежей краской и гремела чеканным шагом грузинских командос, вымуштрованных американскими и турецкими инструкторами.

У трапа их встретил подчиненный Чикованишвили — майор Ломинадзе. Высокого роста, худощавый, с лицом, напоминающем зубило, он произвел впечатление на Перси.

«Да, парень, тебе палец в рот не клади, отхватишь вместе с рукой. Если у тебя такие же агенты, то за результат можно не беспокоиться» — оценил он Ломинадзе и представился:

— Марк.

— Кахабер! — назвал себя майор и ответил энергичным рукопожатием.

— Янус далеко? — с ходу перешел к делу Перси.

— Рядом.

— Где встречаемся?

— Предлагаю в моем кабинете.

— А как с конспирацией?

— Нормально. У меня отдельный вход.

— И все-таки, если увидят? — Перси насторожило столь упрощенное отношение к явке с ценным агентом.

— Сэр, поверьте мне, в городе еще хуже. Ваше появление...

— Хорошо, хорошо! Поехали! — не стал спорить Перси.

Дорога до штаба радовала глаз строгим армейским порядком и идеальной чистотой. Кабинет Ломинадзе располагался на первом этаже и имел отдельный вход. Подходы к нему закрывали кусты густо разросшегося лавра. Само помещение состояло из двух комнат и мало чем отличалось от других кабинетов штаба. О том, что здесь работает разведчик, напоминали мощная радиостанция, предназначенная для поддержания связи с агентами на территории Абхазии и зарешеченная ниша с арсеналом оружия.

Ломинадзе открыл дверь кабинета и предложил:

— Располагайтесь, господа, а я дам знать Янусу, чтобы подошел.

Переводчик присел на диван. Перси занял место за столом Ломинадзе и стал готовиться к явке с агентом. Перед поездкой он прочитал от корки до корки его дело и представлял, с кем имеет дело. Два года назад, подставленный на вербовку разведчикам ГРУ, он исправно сливал информацию, подготовленную в Специальной службе внешней разведки Грузии.

Перси с нетерпением ждал встречи с агентом, которому в течение трех месяцев удавалось водить за нос того, кто оставался его самой большой головной болью. Прошло больше десяти минут, как ушел Ломинадзе, когда за дверью раздались шаги. Перси включил диктофон и постарался придать лицу значительное выражение.

В кабинет вбежал запыхавшийся Ломинадзе и выпалил:

— Идет!

Не успел он отдышаться, как тихо скрипнула дверь, и на порог вкатился капитан-колобок. Но первое впечатление оказалось обманчивым, присмотревшись, он обратил

внимание на твердый подбородок, говоривший о воле, и цепкий взгляд маленьких глаз.

— Познакомься Вахтанг, это наш большой друг, э... — замялся Ломинадзе

— Кахабер, к чему церемонии! Будем проще, меня зовут Генри — пришел ему на помощь Перси, затем представил переводчика: — Это — Иракий. Присаживайтесь, Вахтанг!

Янус сел на стул и с напряжением ждал продолжения разговора.

Перси начал его с пафосной ноты:

— Вахтанг, мы ценим вашу работу. Я не побоюсь высоких слов: с вашей помощью мы откроем еще одну славную страницу в истории Грузии, — и, заметив, как поскущело лицо агента, свернул речь и перешел к делу: — Как вы считаете, насколько доверяет вам и вашей информации подполковник Орест?

Агент пожал плечами и уклончиво ответил:

— Трудно сказать, но в последнее время мы стали встречаться чаще.

— Что значит трудно? Доверяет! Если бы не доверял, то не дал бы тысячу долларов! — отрезал Ломинадзе.

— Наверно доверяет. На последней явке обещал в два раза больше, если достану мобплан бригады, — согласился Вахтанг.

— Это существенно! То есть, если вы сообщите ему, что имеете подобные материалы, то он немедленно прибудет на явку? — оживился Перси.

— Да. Мы обговаривали такую ситуацию.

— А где она должна состояться?

— На абхазской стороне. В лечебнице.

— А на нашу сторону его можно выманить?

— Затрудняюсь сказать, он осторожный человек.

— И все-таки? — допытывался Перси.

Вахтанг задумался. В кабинете воцарилась такая тишина, что было слышно, как в соседней комнате капает вода из

крана. Первым иссякло терпение у Ломинадзе, и он надел на агента.

— Ты же только вчера говорил, что он клюнет?

— Говорил! Но я ему в голову не залезу. Вчера так, а завтра ...

— Ваха, ты чего крутишь?! Я тебе за что плачу?! — обрушился на него Ломинадзе.

— погоди, Кахабер! — остановил его Перси и снова обратился к агенту: — Вахтанг, а что надо сделать, чтобы Орест перешел на нашу сторону.

— Ну...

— Давай без «ну»! — подгонял его Ломинадзе.

— Когда Орест будет в лечебнице позвонить и сказать, что мне плохо, например, сломал ногу, руку.

— И что дальше?

— Я уверен, он придет на помощь. Я русских знаю, служил с ними. Они такие.

— Прибежит! Никуда не денется! — присоединился к агенту Ломинадзе.

Перси задумался. Все, что он сейчас увидел и услышал, говорило о том, что Вахтанг, а в большей степени Ломинадзе переоценивали свои возможности. Поэтому ему приходилось больше полагаться не столько на их хитроумные уловки, сколько на ситуацию. 7 августа 2008 года ее накал и острота должны были подтолкнуть Фантома к рискованным действиям.

Глава 12

Кавказ сбросил с плеча автомат, передернул затвор и ждал решения Кочубея. Тот бросал взгляды то на окно, то на Багратиона. Бедолага агент понимал, что почти пропал. Худшей участи, чем оказаться в руках грузинского спецназа ему трудно было представить. С какой жестокостью эти головорезы расправлялся с предателями, Багратион знал не понаслышке. В последнее время во второй бригаде только и было разговоров о жуткой смерти Миро Алпаидзе. Его истерзанное тело обнаружили неподалеку от базы. Командование по этому поводу хранило гробовое молчание, и по батальонам поползли слухи: рейдовая группа застукала Миро на абхазской стороне, потом его видели в особом секторе. Те, кто с ним раньше общался, как будто воды в рот набрали. Но и без слов всем и все было понятно — страшный конец Алпаидзе служил назиданием тем, кто поглядывал в сторону России. Об этом для «затаившихся врагов Грузии» на совещании недвусмысленно намекнул начальник штаба бригады.

Являлся ли Миро русским или абхазским шпионом — для Багратиона не имело значения — в десятке метров находился грузинский спецназ и он взмолился:

— Орест, сделай что-нибудь?! Сделай!

— Сейчас, Вахтанг! Сейчас! — искал выход Кочубей.

Кавказа взял автомат на изготовку и ждал только команды. Настоящий «волкодав», за спиной которого был не один десяток схваток, он рвался в бой.

— Кавказ, я с Вахой отхожу к границе! Если, что прикрой! — решил не рисковать Кочубей. Багратион с его информацией стоил больше десятка самых отъявленных головорезов.

— Хорошо, командир! — подчинился он.

— Вахтанг, за мной! — позвал Кочубей, выскочил в коридор и бросился к дальнему крылу здания — оно было ближе всего к лесу.

Багратион не отставал ни на шаг. На выходе из подъезда они остановились. До зарослей орешника было не больше двадцати метров -хорошему стрелку хватило бы времени сделать несколько прицельных выстрелов. Кочубею не пришлось давать команды, Кавказ понял все без слов и ящерицей скользнул под защиту парашюта, взял на прицел участок, где расположилась диверсионная группа.

— Теперь мы, Вахтанг! И не отставать! — потребовал Николай.

Их бросок остался незамеченными — густая листва надежно укрыла от диверсантов. Не сбавляя скорости, Николай и Вахтанг продолжали бежать. Впереди серебром блеснула гладь реки, за ней начиналась территория Грузии. И тут гулкая автоматная очередь разорвала тишину, затем ухнул разрыв гранаты, и вспыхнула яростная перестрелка.

Николай замер. В голове вихрем пронеслось:

«Кто первый?! Они? Мои? Как там ребята?»

Времени строить догадки не оставалось, и он распорядился:

— Все, Вахтанг, расходимся, дальше сам! Как доберешься, сообщи!

— Постараюсь, — прохрипел тот, спрыгнул с обрыва и по откосу заскользил к реке.

— Если что срочное выходи на связь! — крикнул вдогонку Кочубей и ринулся к лечебнице.

Перестрелка продолжалась. То, затихая, то, нарастая, она откатывалась к ущелью. Николай, на одном дыхании промчался по парку и выскочил к центральной аллее, когда стрельба внезапно оборвалась. Он упал на землю, раздвинул кустарник и осмотрелся.

Не обнаружив ни одной живой души, Кочубей короткими перебежками подобрался к месту, где располагалась диверсионная группа, взглядом пробежался по поляне и отпрыгнул назад. Прямо перед ним залегли два диверсанта. Он перекатился под прикрытие груды кирпича и вскинул пистолет, но палец, так и не нажал на курок. Диверсанты не подавали признаков жизни.

«Минус два! Сколько же вас осталось? Три? Четыре?» — подсчитывал потери противника Николай.

И тут за спиной, раздался шорох. За Кочубея сработали инстинкты и выучка. Он перекатился на спину и искал цель. В лучах солнца стена и серый, расплывчатый силуэт слились в одно. Палец нажал на спусковой крючок. Громыкнул выстрел, и стена брызнула каменной крошкой.

— Командир, остановись?! Это я! — воскликнул Кавказ. Рука Кочубея упала:

— Слава богу, промазал. Ничего не видно.

— Все нормально, командир! Все нормально! — успокаивал его Кавказ.

Отдышавшись, Кочубей, спросил:

— Где ребята? Как они?

— Живы. Юру только слегка зацепило.

— Куда?!

— В бедро, но вскользь.

— Где он?

— С Олегом. Закончат перевязку и подойдут.

— Что с диверсантами?

— Двоих положили.

— Те, что валяются? — Николай кивнул на трупы.

— Они самые, — подтвердил Кавказ.

— Остальные?

— Ушли в ущелье, но еще одного точно зацепили.

— Ладно, считать не будем! Надо сматываться. Слишком много шума, как бы другие не объявились.

— Не исключено, граница рядом, — согласился Кавказ и предложил: Может пока ребята подойдут, посмотрим, что за птицы?

— Давай, — согласился Николай и, стряхнув с себя пыль, отправился осматривать место боя.

Смерть настигла диверсантов на излете. Тот, который выглядел поздоровее, в отчаянном броске пытался дотянуться до автомата. Но не успел, в его пальцах остался вырванный с корнем пучок травы. Второго пуля настигла у стены. У одного из них была татуировка — барс, изготовившийся к прыжку.

— Крупную дичь подстрелил? — предположил Кочубей.

— «Барсики» — особая группа из 13-го батальона специального назначения Шавнабад! — подтвердил Кавказ.

— А второй?

— Скорее всего, из местного шакаля. Эти не брезгают ничем. Диверсия, контрабанда, грабеж местных — отбирают фундук. В общем, солянка.

«Интересная получается солянка? А если они шли по следу Багратиона? То тогда...» — тревожная мысль возникла у Николая.

Это не укрылось от наблюдательного Кавказа, и он поспешил ее развеять:

— Не переживай, командир, они не за вашим человеком шли. Так совпало.

— Будем надеяться, — согласился Кочубей и, кивнув на тела диверсантов, спросил: — С этими что будем делать?

— С ними пусть СГБ разбирается, а оружие надо забрать.

— Хорошо, займись, а я позвоню в Сухум, — согласился Николай и занялся поиском подходящего места, чтобы связаться с Быстроногом.

Кавказ поднял с земли рюкзак, вытряхнул вещи, прошелся по поляне и собрал оружие. Кочубей никак не мог поймать связь.

— Бесполезно. Я пробовал, здесь только спутниковая работает. Надо ехать в Гал, и звонить из райотдела, — предложил Кавказ.

— Я не поеду, — отказался Николай.

— Не хотите светиться?

— Дело не в нас, а в агенте.

— Да, чего-чего, а грузинских ушей и глаз в Гале хватает.

— И я о том же. Поэтому, ты с Омаром отправляйся в Гал решать вопрос по диверсантам, а мы возвращаемся в Сухум.

— Как скажешь, командир!

— Про нас и агента никому и ни слова, — предупредил Кочубей.

— Не переживай, командир! — заверил Кавказ.

Тревожный крик сойки заставил их насторожиться. Он донесся с той стороны, где должны были находиться Гонтарев и Остащенко. Прошло достаточно времени, но они так и не появились.

— Сойка трещит? Ребята молчат! Может, что-то случилось? — предположил Николай и потянулся к пистолету.

— Не должно, — в голосе Кавказа уже не было прежней уверенности.

— Ты где последний раз их видел?

— У источника.

— Бегом туда! — распорядился Кочубей.

Сойка продолжала тревожно трещать, и это подстегнуло Николая. Он старался не отстать от Кавказа, который подобно танку ломился через густой подлесок. Впереди возникла колоннада источника, справа от нее, из кустов показались Остащенко и Гонтарев. Юрий, опираясь на

Олега, заметно прихрамывал. Ранение оказалось не таким уж легким, как посчитал Кавказ.

— Командир, я за машинами летаю? — быстро оценил ситуацию он.

— Давай! — поддержал Кочубей, а сам поспешил на встречу ребятам.

Юрий старался держаться бодрячком, хотя это давалось ему с трудом. Олегу тоже было нелегко.

— Стойте, ребята! Кавказ подгонит машины! — крикнул Николай.

— Как-нибудь доползем. Тут не проехать, все перерыто! — откликнулся Гонтарев.

Кочубей продрался сквозь заросли ежевики и подставил плечо Остащенко. Вместе с Гонтаревым они вывели его на аллею и усадили на лавку. Юрий вымученно улыбнулся.

— Юра, ты как? Может воды? — Николай потянулся к фляжке.

— Не надо! На источнике нахлебался, — отказался он.

Кочубей склонился над ним и, участливо заглядывая в глаза, спросил:

— Сильно зацепило?

— Ничего страшного. Так, слегка, — храбрился Юрий и попытался подняться.

— Лежи, лежи! — остановил Кочубей, нарвал охапку травы и подложил под голову.

Юрий благодарно пожал руку. Она была горячей.

— Да, у тебя жар?! — всполошился Николай.

— Жар еще не пожар, — пытался шутить Юрий.

— Наверно много крови потерял, — предположил Гонтарев.

Кочубей осмотрел его рану, стащив с себя рубашку, он принялся рвать ее на части.

— Ребята, оставьте мою ногу в покое! У меня башка раскальвается, — жаловался Юрий.

— Контузия? — предположил Олег

— Нет. Ударился, когда падал.

— И сильно?

— Откуда я знаю.

— Если сотрясение мозга, то тебе нельзя делать резких движений! — предостерег Кочубей.

— Какое сотрясение?! О чем ты говоришь, Коля?! После пятнадцати лет службы, если что и осталась, то одна извилина, и та от фуражки, — не терял присутствия духа Остащенко.

— Держись, Юра! Подъедет Кавказ и рванем в госпиталь! — старался поддержать его Николай, накладывая повязку.

На аллее появились УАЗы. Остащенко перенесли к машине, уложили на заднее сидение. Олег осторожно, стараясь объезжать ухабы, стал пробиваться к дороге. Вслед за ним ехали Кавказ с Омаром. На развилке за лечебницей они разъехались. Абхазские спецназовцы направился в галский райотдел СГБ, чтобы забрать с собой сотрудников и до заката солнца успеть провести осмотр места боя. Машина с Кочубеем, Гонтаревым и раненым Остащенко еще около час со скоростью черепахи тащилась до Очимчыры, и только после нее Олег прибавил скорость. В Сухум они добрались, когда на дворе сгустились сумерки. На въезде в зону миротворческих сил машину остановил дежурный по КПП, узнав Гонтарева, не стал проверять пропуск, и открыл ворота.

— Николаич, куда едем? В приемный покой или сразу в хирургию? — спросил Олег

— В хирургию! Бумажки потом оформим! — распорядился Кочубей.

— Понял! — Гонтарев свернул на дорогу, ведущую к хирургическому отделению.

Им повезло, хирург оказался свободен. Осмотрев Юрия, он распорядился готовить его к операции. Николая попытался пробиться в операционную, но дальше порога

ординаторской его не пустили. Не помогло присутствие Гонтарева, который был здесь своим человеком. Помявшись, Кочубей предложил:

— Олег, подежурь, а мне надо отправить срочную шифровку в Москву.

— Не вопрос, Николаич! Возьму все под контроль! — заверил Гонтарев.

Кочубей, чтобы не испугать кого-нибудь своим видом, держась темных аллеек, добрался до отдела. Несмотря на поздний час, Быстроног продолжал работать.

— Коля, ты бы для приличия футболку надел. Я понимаю, тут не Москва, но как ни как воинская часть, не удержался он от упрека.

— Извини, Боря, не до того.

— В засаду попали?! — Быстроног изменился в лице.

— Юру подстрели, — потерянно произнес Кочубей и тяжело опустился на стул.

— Юру?! Как? Куда?

— В бедро, находится на операции.

— Кто оперирует?

— Не знаю.

— Сейчас выясним! — Быстроног схватился за телефон.

— Не надо, там Олег, — остановил Николай.

— Ладно, не будем дергать. Так что случилось?

— Напоролись на группу диверсантов.

— Где?

— У лечебницы.

— И что?

— Думали разойтись по-тихому, не получилось, — посетовал Кочубей и, не задерживаясь на деталях, рассказал, как развивались события, а когда закончил рассказ, бросил тоскливый взгляд на телефон ВЧ-связи. Быстроног почувствовал:

— Теперь с телефона не слезешь. Помотают нервы.

— Если бы только это — работать не дадут.

— Это точно. У меня в прошлом году подобная беда случилась, так инспекторская группа в отделе неделю сидела. Уехали, думал, пронесло. Хрен! Потом еще две недели отписывался, пока бумага в секретариате не закончилась. Не понимаю, все когда-то были операми и знают, что работу с агентурой на раз-два не построишь, тем более на Кавказе

— Чего об этом говорить. Плетью обуха не перешибешь. Ладно, я как-нибудь переживу, обидно, если придется законсервировать Багратиона, — сожалел Николай.

— Это не самое плохое. Главное, чтобы Юра на ноги встал.

— Должен. Кость не зацепило, но крови много потерял.

— Не зацепило?! Так зачем докладывать? Обойдется.

— Вряд ли, не я, так — военные доложат, — усомнился Кочубей.

— Доложат?! Это мы еще посмотрим! — он нажал на кнопку вызова.

В коридоре раздался топот ботинок и в дверь постучали.

— Войди! — разрешил Быстроног.

На пороге возник помощник дежурного по отделу и доложил:

— Товарищ полковник, младший сержант Шефруков по вашему приказанию явился!

— Ратмир, это черт является, а исправный боец прибывает! — строго заметил Быстроног и распорядился: — Гонтарева мне на связь!

— Так он вместе с Остащенко в хирургии, — напомнил Кочубей.

— Ты слышал, Ратмир? Найди и пусть выйдет на связь!

— Так точно, товарищ полковник! — подтвердил тот и исчез за дверью.

Не успели затихнуть шаги Шефрукова, как зазвонил телефон. Быстронога поднял трубку и в кабинете отчетливо зазвучал голос Гонтарева.

— Борис Юрьевич, слушаю вас.

— Ты где, Олег?
— В хирургии.
— Что с Остащенко?
— Нормально.
— Что врач говорит?
— С ногой без осложнений. А с головой день-другой надо наблюдаться.

— Так, так, как сам Остащенко?
— Говорит, лучше стало.
— Кто из хирургов ведет?
— Степаныч. Да вы его знаете
— А-а, тот, которого ломом не перешибешь.
— Он самый.
— Теперь, Олег, слушай меня внимательно. Пусть твой айболит ни в какие свои кондуиты Остащенко не заносит, тем более, никуда ни докладывает. Ты понял?

— Но, это же врачи, Борис Юрьевич, а они в таких вопросах народ щепетильный, — замялся Гонтарев.

— Что?! — повысил голос Быстроног, — Забыл, как твои щепетильные пытались «гэсэмщика» отмазать! Мерзавец! Пол-лимона стырил, а они его идиотом делали! Короче, ты старший опер или кто?

— Вам виднее, Борис Юрьевич.

— Тебя, что учить надо, как такие дела делаются?

— Ну...

— Не нукай, а поговори с ним, как мужик с мужиком.

— Борис Юрьевич, вы же видели этого слона?! Он на грудь не меньше литра принимает.

— Извини, Олег, но ты тоже не кролик. Короче, решай вопрос, а Лену я беру на себя.

— Ясно, — сдался Гонтарев.

— Другое дело! — хмыкнул Быстроног и, потеряв руки, заявил: — Все, Коля один вопрос уже закрыли!

— Боря, я твой должник! — оживился Кочубей, — Теперь можно заняться шифровкой в Москву.

— Про меня только ничего не пиши. Лишний раз начальство не должно знать своих героев, — пошутил вслед Борис.

Повеселев, Николай занялся составлением шифровки. Это была информационная бомба. Багратион прыгнул выше своей головы и добыл такие материалы, о которых разведка могла только мечтать. Кочубей не удержался, чтобы не поделиться этим с Быстроногом. Тот все еще находился в кабинете и заканчивал работу над еженедельной докладной для руководства управления округа.

— Что, бомба? — предположил Борис.

— Глазам не могу поверить! Ты посмотри! — воскликнул Кочубей и положил на стол документ, добытый Багратионом.

Быстроног поправил очки и склонился над ним. Николай нетерпеливо ерзал на стуле. Борис вычитывал каждую строчку, и время от времени то потирал лоб, то хватался за ручку. Дочитав до конца, покачав головой, заявил:

— Бомба! В Москве на уши встанут!

— Не знаю, как в Москве, а я уже стою! — впервые за день улыбнулся Кочубей.

— Просто фантастика! Это же надо, такую фактуру добыть!

— Я до сих пор не могу поверить.

— Стоп! Сейчас проверим! — воскликнул Быстроног, ринулся к сейфу, вытащил карту, расстелил на столе. Его указательный палец скользил между красно-синими кружками, флажками и черным стрелам, хищно нацелившимися на Сухум, Гал, Очимчыру:

«Тут полностью совпадает! Здесь тоже! О? А этого у меня нет!»

Николай ловил каждое слово и проникался все большим доверием к материалу Багратиона.

«Ни хрена себе! Не может быть! Выходит очимчырское направление основное, а кодорское вспомогательное?»

Это были те самые ключевые фразы, которые хотел услышать Кочубей, чтобы утвердиться в своих выводах и заявил:

— Теперь ты понимаешь, что донесение Багратиона радикально меняет все?!

— Да! Немедленно докладывай в Москву! — согласился Быстроног.

— А теперь представь, на какой уровень эта информация выстрелит.

— Не знаю, я там не был. Наше дело доложить, а там пусть разбираются.

— Боря, но, мы же не стрелочники?

— Главное добывать информацию, а доложить найдется кому!

— Ладно, не буду спорить. Время идет, пойду готовить шифровку для Сердюка.

— Если надо, для сверки могу дать свои материалы — предложил Быстроног.

— Только спасибо скажу! — не стал отказываться Кочубей.

— Бери! — Быстроног пододвинул к Кочубею карту с разведанными по Западной группировке Министерства обороны Грузии и свои докладные в Управление контрразведки СКВО.

Николай возвратился в кабинет и продолжил работу над шифровкой. Багратион — опытный офицер штаба, со знанием дела составил донесение, и ему оставалось лишь придать строгую последовательность материалам. Через час Кочубей передал докладную шифровальщику на отправку и перед тем, как идти спать, зашел в хирургию.

Шел первый час ночи, и только на втором этаже тускло светило единственное окно. Кочубей потянул на себя ручку, дверь не поддавалась, поискав на стене кнопку вызова, нажал. Прошла минута, другая, на лестнице раздались шаги, потом звякнула цепочка, и в приоткрывшейся щели показалось недовольное лицо дежурной медсестры.

— Что случилось?! — сонным голосом спросила она.

— Ничего! Извините за беспокойство, но я хотел бы узнать о здоровье моего друга. Он ...

— Что?! Вы смотрели на часы? Совесть имейте, молодой человек! — возмутилась медсестра и попыталась захлопнуть дверь.

Николай успел вставить ногу в щель и использовал более весомый аргумент:

— Я из ФСБ!

— Чего?! Вот вызову патруль, он быстро разберется откуда ты: из ФСБ или АБВГ! — не на шутку разошлась медсестра.

— Девушка, тише, тише! Я действительно из ФСБ.

— А я вам не шпионка.

— Да выслушайте же меня! Я вас узнал! Вы из хирургии!

— И что, — сбавила тон медсестра.

— Сегодня к вам положили моего друга. Звать Юрий, высокий, с усами.

— Не знаю я никакого Юрия.

— Это по моей команде Степаныч запретил сообщать о нем, — зашел с другой стороны Николай. И это сработало.

— Степаныч?! — смягчилась медсестра

— Да, да!

— Спит давно ваш друг.

— Спасибо. Простите ради Бога. Спокойной ночи, — пожелал Николай, и у него отлегло на душе. Кошмарный, казалось, не имеющий конца день благополучно завершился. Кочубей направился в корпус. Дежурная еще не спала, и ему не пришлось стучаться. Поднявшись к себе в номер, он не стал умываться, разделся и, рухнув в кровать, мгновенно уснул. Разбудил его настойчивый стук в дверь. Он открыл глаза, яркий солнечный свет заливал комнату, и бросил взгляд на часы. Стрелки показывали начало десятого — время ежедневного доклада в Москву прошло. Николай ужаснулся, слетел с кровати, прошлепал к двери и открыл. Передним стоял младший сержант Шефруков.

— Извините, товарищ подполковник, вас вызывает Москва, — доложил он.

— Кто?

— Генерал Сердюк.

— Когда звонил?

— Не знаю. С ним говорил полковник Быстроног.

— Понятно, свободен! — распорядился Кочубей.

— Есть! — козырнул Шефруков и закрыл дверь.

Быстро умывшись, Николай на ходу оделся и, примчавшись в отдел, зашел в кабинет Быстронога. Тот, поздоровавшись, кивнул на телефон ВЧ-связи и поторопил:

— Срочно звони. Сердюк два раза выходил.

— И что спрашивал? — пытался сориентироваться по ситуации Кочубей.

— Ничего.

— Наверно шифровка дошла? — предположил Николай и снял трубку.

Ответил дежурный.

— Москву! А там аппарат генерала Сердюка! — распорядился он.

В трубке прошелестело, и зазвучал хорошо знакомый голос:

— Сердюк, слушаю.

— Добрый день, Анатолий Алексеевич, — поздоровался Кочубей.

— Здравствуй, Коля, что до сих пор спишь?

— Некогда, товарищ генерал, работы по горло.

Быстроног хмыкнул. Николай погрозил ему кулаком и плотнее прижал трубку к уху. Следующий вопрос Сердюка: «Как погода?» — заставил его напрячься.

Заподозрив в нем скрытый подтекст, он уклончиво ответил:

— Жарко, Анатолий Алексеевич.

— У нас тоже, особенно после твоей докладной.

— Да?! Значит, не зря мучились! — оживился Кочубей.

- И больше всех Остащенко. Давно его не слышал.
- Напряженно работает, Анатолий Алексеевич, только что выехал на границу, — выкручивался Николай.
- Это хорошо. Не расслабляйтесь, мы на вас надеемся.
- Спасибо, не подведем.
- Теперь, Коля, по существу докладной. Когда явка с Багратионом?
- Конкретно не договаривались, но не раньше, чем через десять дней.
- Значит, есть время подготовить для него уточняющие вопросы. Как только получишь от нас шифровку, сразу же назначай ему явку.
- Понял, Анатолий Алексеевич!
- Как в целом обстановка на границе?
- Сложная. Судя по тому, что мы и Быстроног получаем, они готовят крупную вооруженную провокацию.
- К сожалению, и по нашему прогнозу улучшения ждать не стоит. Поэтому, явки с агентурой проводить только в дневное время и с надежным прикрытием! — предупредил Сердюк и закончил разговор.
- Фу, пронесло, — с облегчением выдохнул Кочубей и опустил трубку.
- Ну, вот, а ты, Коля, боялся. Пять минут позора и никаких проблем, — добродушно заметил Быстроног.
- Тебе легко говорить, а у меня на души кошки скребут. Сбрехал деду Толе, — терзался Николай.
- Не бери в голову, ради дела можно.
- Ладно, что было, то сплыло, схожу к Юре. Как он там?
- Нормально, уже добавку просит.
- А если серьезно?
- Степаныч сказал, что осложнений нет, температура спала.
- Вот и хорошо! — обрадовался Николай и вышел на улицу.

У хирургического корпуса он встретил, медсестру, накануне грозившую ему комендантским патрулем. Она лукаво улыбнулась и, несмотря на то, что было не приемное время, без разговоров пропустила к Остащенко.

Степаныч свое слово сдержал. Юрия поместили в отдельную палату. Капельница и крепкий сон вернули ему румянец. Держался он бодрячком и при появлении Кочубея попытался встать.

— Лежи, лежи! — остановил Николай и спросил: — Как нога? Как голова?

— Нога своя, не деревянная. А голова — фуражку носить можно, — пошутил Юрий.

— И все-таки?

— Перестала кружиться, только в ушах чуть шумит.

— Уже хорошо. Что Степаныч говорит?

— Через неделю буду как огурчик! — бодро заявил Юрий и набросился с вопросами: — Ты доложил в Москву? Как оценили информацию?

— Только что разговаривал с Сердюком. Доклад ушел на самый верх.

— Да ты что?! Вот это выстрелили? Выходит, не зря бились. Завтра же сбегу.

— Утомонись! Лежи и поправляйся! Тебе с рынка чего принести: персиков, яблок?

— Лучше поговори со Степанычем, пусть меня пораньше отпустит.

— Переговорю! — пообещал Кочубей и, бросив беспокойный взгляд на часы, извинился: — Прости, мне срочно в Гудауту.

— Счастливый, удачи тебе, — с грустью простился Юрий.

Покинув лазарет, Кочубей выехал в Гудауту и пробыл там допоздна. Из «нижней», приграничной с Грузией зоны с экипажем вертушки должны были доставить документы, обнаруженные у командира диверсионной группы, уничто-

женной накануне абхазским спецназом. Но с бортом вышла задержка, он только поздним вечером возвратился в Гудауту. Николай вынужден был заночевать у вертолетчиков, а на следующий день ему пришлось мчаться в Гал на срочную явку с агентом. Так продолжалось всю неделю.

К воскресенью накал в работе спал, и предложение Быстронога отдохнуть в одном из красивейших уголков Абхазии, Кочубей охотно принял. О нем он уже слышал от Гонтарева. Бывший санаторий ГРУ располагался недалеко от Сухума. В советские времена не только для офицеров дальних гарнизонов, но и для «московского арбатского округа» добыть туда путевку считалась пределом мечтаний. В 1992 году их мечты рухнули. Абхазо-грузинская война безжалостным, разрушительным катком прокатилась по этому и многим другим санаториям. С тех пор прошло 16 лет, и дикая природа превратила его в затерянный рай. Но местные жители не горели большим желанием блуждать в его буйных кущах. Среди них ходили упорные слухи об арсеналах секретного оружия, спрятанных в глубоком подземелье. Они не отпугнули военных контрразведчиков. Гонтарев и Мотрев, посланные на разведку, после тщательных поисков обнаружили лишь горы пустых, обросших мхом бутылок. Разные, в том числе и самые экзотические этикетки на них, служили ярким доказательством того, что советская разведка успешно работала по всему миру. Быстроног и его подчиненные не собирались раскрывать тайну этого «арсенала», и когда выдавалось свободное окно в службе, отправлялись на вылазку к «Утесу».

И на этот раз погода их не подвела. Яркое южное солнце только-только показалось из-за зубчатой стены гор, и к стоянке у клуба «Юбилейный» с сумками, пакетами, удочками потянулись офицеры отдела контрразведки с женами и детьми. К тому времени там уже стояли по линейке два УАЗа и «Газ-66». Вокруг них, покрикивая на водителей, хлопотал неугомонный секретарь отдела Мотрев.

— Женя! Женя! Мангал грузи в кунг!

— Вова, туда же дрова!

— Костя?! У тебя, что нет рук? Ратмир, помоги, а то без шашлыка останемся!

— Женя, проверь, чтобы в машине шефа лежал садок!

За этим действием снисходительно наблюдали и лениво подначивали Мотрева матерые опера: Андрей Хапкин, Дмитрий Сильев и Вадим Портнов. Александр за словом в карман не лез и не оставался в долгу. Дети вносили свою лепту в веселую суету. Борису — младшему сыну Быстронога и старшему Гонтарева — Денису, с трудом удавалось совладать с шустрым младшим Гонтаревым — Даней. Мальчуган норовил то проверить урну, то забраться в цветочную клумбу. Позади них, сохраняя олимпийское спокойствие, степенно держались Быстроног и Гонтарев с женами Ириной и Еленой. Позже к ним присоединились высокий, спортивного сложения мужчина лет пятидесяти, миловидная женщина и мальчонка лет четырех. Кочубей видел их впервые и заинтересовался у Быстронога:

— Юра, кто такие?

— Наш ветеран с женой и внуком, — пояснил Борис и, загадочно улыбнувшись, спросил: А внука знаешь, как звать?

— Как?

— Адам?!

— Шутишь?

— Какие шутки? Женись и готовь для него Еву.

— Да ну тебя, — отмахнулся Николай!

— Я вполне серьезно, давно на свадьбе не гулял, — поддел Быстроног, а затем окликнул Мотрева: — Саня, у тебя все готово?

— Как в аптеке! — откликнулся тот.

— По рецепту на сорок имеешь?

— Есть и крепче, чача.

— Боря, перестань, — одернула его Ирина.

— Так о вас же забочусь! Не водку же пить?

— Боря, тут же дети!

— Все, заканчиваю! — прекратил ерничать Быстроног и подал команду: — Ребята, все по машинам!

На стоянке еще какое-то время стояли веселый гомон. Подождав, когда все рассядутся по местам, Быстроног махнул рукой водителями и, забравшись в УАЗ, предупредил Евгения:

— Скорость не больше пятидесяти! Идем колонной. Не выпускай из вида «газон»! И не забывай, с нами дети и женщины!

— Есть! — коротко ответил Евгений.

Вслед за УАЗом тронулись остальные машины. В этот ранний час на улицах Сухума было малоллюдно. Лишь у пекарни Давида Пилия стояла небольшая очередь любителей первой выпечки. Ближе к центральному рынку стало оживленнее. По прилегающим к нему улочкам двигались грузовые фургончики, доверху загруженными овощами и фруктами. Прошло еще десять минут, и узкая лента дороги зазмеилась среди диких зарослей бамбука и орешника. Вскоре их сменил запущенный субтропический парк. О его лучших временах напоминали разрушенные беседки и фонтаны — последствия абхазо-грузинской войны. Ближе к берегу моря, за стеной из дикого винограда и ежевики угадывались белокаменные корпуса бывшего санатория ГРУ.

— Вот же была красотища! — восхитился Кочубей:

— Коля, ты еще не видел моря и пляжа! Настоящая сказка! — восхищалась Ирина.

— А бабулька?! А ставридка?! Не успеешь закинуть, как надо тянуть! — предвкушал будущую рыбалку младший Быстроног.

— Ох, и отведем душу, Боря! — вторил ему старший и довольно потирал руки.

— Сейчас, сейчас! Смотри, Коля! — воскликнула Ирина.

Машины взяли последний подъем и среди живописных скал, покрытых густым сосновым ежиком, открылась просторная лагуна с загадочными гротами и великолепным пляжем. Женя уверенно ориентировался среди зарослей буйно разросшегося олеандра и магнолий, безошибочно нашел аллею, которая вывела к берегу, и остановил УАЗ на краю поляны. Вслед за ним встали в ряд другие машины. Из них высыпала детвора, и сонную тишину нарушил ее радостный визг и зычный голос Мотрева.

Солнце еще не успело высоко подняться, и в воздухе сохранялась бодрящая свежесть. Легкий ветерок, налетавший с предгорий, приносил с собой нежный аромат цветов. В зыбкой дымке, переливаясь фантастическими красками, искрилась бесконечная морская даль. Ласковая волна лениво набегала на берег и маняще шуршала мелкой галькой. Слева лагуну замыкал гранитный утес. На его вершине каким-то чудом держалась огромная сосна. Справа волшебными замками угадывались очертания Нового Афона и знаменитого Пантелеймоновского монастыря.

Первыми к воде ринулась рыбаки, от них не отставала ребятня. Прихватив удочки, они разбежались. Мотрев вместе с водителями принялся разбивать лагерь, Женщины, прихватив лукошки, разошлись по округе собирать ежевику.

За рыбалкой и сбором ягод незаметно пролетело время. Солнце поднялось в зенит и пекло немилосердно. Спасаясь от него, все дружной гурьбой повалили к морю. Забыв про возраст, Быстроног, Гонтарев и Сильев, бросились вдогонку за сыновьями. Фонтаны брызг поднялись у причала. Юркие мальчишки, ловко ускользали от отцовских рук. Вскоре игра в догонялки переместилась на берег. На песчаной косе копошилась куча-мала. Это хохочущий и пищущий клубок походил на большущую и яркую игрушку.

— Боря! Боря! Ну, сколько можно ждать?! Шашлык стынет! — иссякло терпение у Ирины.

— Все идем! — закончил игру Быстроног и подхватил сына.

За ними к столу потянулись остальные. На брезенте, расстеленном на траве, виселись горки помидоров, огурцов и зелени, на огромном блюде аппетитно лоснились ломти румяного мяса. Быстроног придирчивым взглядом пробежался по этому изобилию, остановил на Мотреве и сурово заметил:

— Саня, я что-то не понял? У нас разве детский утренник?

— Не, все по взрослому, Борисович Юрьевич! — встрепенулся тот.

— Не похоже. Тебе напомнить, что укорачивает жизнь настоящего мужчины?

— Не надо, Борис Юрьевич! Помню, ожидание очередной чарки.

— Так чего ждешь?

— Уже бегу! — подхватился Мотрев, сбегал к роднику, принес бутылку водки и разлил по рюмкам.

Быстроног приподнялся с доброй улыбкой. Все они: офицеры, их жены и дети за год службы в Абхазии стали для него одной большой и беспокойной семьей. Вместе с ними он разделял их радости, огорчения и успехи.

— За всех нас, ребята! За то большое дело, которому мы служим на этих дальних берегах! В военные училища мы шли не ради кошелька. Да и какой к черту кошелек? Еще недавно по три месяца ждали зарплату. Пусть простят меня наши девчата, что приходится ютиться по чужим углам, а детям менять школы. Мы сами выбрали эту профессию — Родину защищать! С этим пришли и с этим уйдем!

— За нас! За военную контрразведку! — дружно поддержали его.

Запоздалый обед затянулся. Ближе к вечеру, когда спала жара, все высыпали на песчаную косу и нежились под лучами, заходящего солнца.

Незаметно наступили сумерки. Последний луч солнца скользнул по утесу и погас. Небо слилось с морем, и окрестности залил призрачный лунный свет. Слабый ветерок устало поигрывал листьями могучих пальм. Легкая морская волна о чем-то перешептывалась с берегом. Все вокруг дышало миром и покоем.

Мир и покой ненадолго воцарились в душах Кочубея, Быстронога и его подчиненных. Они и не подозревали о том чудовищном зле, которое в эти самые минуты множилось во властных кабинетах в Вашингтоне и Тбилиси. До начала вероломной войны на Южном Кавказе оставалось всего девять дней.

Глава 13

Перси с опозданием вошел в кабинет Дугласа и взглянул на участников совещания. На нем, в основном, присутствовали все знакомые лица. Свои: Джоан Грей, Роберт Ливицки, а также Фрэнк Форман из РУМО — военной разведки. Напротив них — Константин Чикованишвили. Контрразведку представлял сам глава — Леон Табидзе. Рядом с ним занимал место субъект с невыразительным лицом. Цепкая память подсказала Перси — начальник Департамента конституционной безопасности МВД Грузии Вахтанг Кекудзе. Особняком расположились полковник Джон Дрейк из Пентагона и еще двое в военной форме. Судя по всему, они представляли Министерство обороны Грузии.

Дуглас недовольно покосился на Перси, но ничего не сказал, кивнул на свободное место и открыл совещание.

— Итак, господа, все в сборе! Времени на раскачку нет! До начала операции «Чистое поле» осталось чуть больше суток, поэтому еще раз сверим наши планы! Предлагаю начать с доклада наших грузинских партнеров. Как вы смотрите на это, господин Тетрадзе?

Моложавый армейский полковник потянулся к портфелю.

— Если вы намерены дать пояснения на карте, то не утруждайтесь! — остановил его Дуглас и предложил: — Обратимся к экрану, так будет нагляднее.

Дуглас взял пульт и нажал на кнопку. На стене бесшумно раздвинулись шторы. За ними тускло замерцал экран, и через мгновение на нем отчетливо проступили контуры карты. За время подготовки к операции Перси изучил ее очень хорошо. Беглого взгляда на карту ему хватило, чтобы убедиться: военные на этот раз потрудились основательно. На крохотную Южную Осетию с трех сторон нацелились красные стрелы. Сомкнувшись на северной окраине Цхинвала, они устремлялись дальше, к южной горловине Рокского туннеля.

Тетрадзе прошел к экрану и, вооружившись указкой, хорошо поставленным командирским голосом начал доклад:

— Господа, чтобы не отнимать ваше время я в своем выступлении останавливаюсь лишь на основных позициях плана военной операции «Чистое поле». Со всей ответственностью могу вас заверить: на текущее время по линии Министерства обороны все основные мероприятия выполнены в полном объеме. Что касается Шида Картли...

— Вы имеете в виду Южную Осетию? — уточнил Форман, все еще путавшийся в старых и новых названиях провинций Грузии.

— Такой советской территории больше нет! Есть Грузия! И есть ее исконная земля — Шида Картли! — отрезал Тетрадзе и вернулся к докладу: — Что касается этой мятежной территории, то на сегодняшний день перед позициями сепаратистов сосредоточено 12 тысяч военнослужащих и мощный бронированный кулак из 75 танков...

Выдержав многозначительную паузу, он продолжил:

— С учетом опыта ближневосточных войн Израиля, афганской и иракской компаний, в основу тактики наших пехотных бригад положены действия ударных подразделе-

ний, в состав которых входят особые штурмовые группы. Они включают в себя две мотострелковые роты, танковый взвод, саперное отделение. На первом этапе операции планируется: в ночь с седьмого на восьмого, а если быть точным, то в 22.45 седьмого августа, огнем артиллерийских батарей смять оборону сепаратистов и российских оккупационных войск. Проведенные нами и специалистами из Пентагона расчеты, — Тетрадзе посмотрел в сторону Дрейка, тот утвердительно кивнул головой, и снова возвратился к докладу:

— Так вот, эти расчеты показывают: не позднее полудня восьмого августа организованное сопротивление русских и сепаратистов в Цхинвале будет сломлено. На следующем этапе...

И здесь в доклад Тетрадзе вмешался Чикованишвили. Обратившись к Дугласу, он спросил:

— Сэр, позвольте вопрос господину полковнику?

— О'кей! — разрешил тот.

— Господин Тетрадзе, насколько учтены Министерством обороны наши последние разведанные об усилении российских миротворцев ротой десантников и танками Т-90?

— А никак! — отмахнулся тот.

— Как? Почему? — опешил Чикованишвили.

— А потому! Они не нашли подтверждения!

— Но этого не может быть! Их сообщил наш хорошо информированный источник в штабе 58-й армии!

— Я не знаю, кто и что вам сообщает, но войсковая разведка и беспилотники никаких русских десантников, а тем более танков Т-90 не обнаружили.

— Вы на себе много берете, господин полковник! Мы еще разберемся! — в голосе Чикованишвили зазвучала угроза.

— Разбирайтесь! А нам завтра воевать! — ледяным треном отрезал Тетрадзе.

Назревал скандал. Его вызвали давнее соперничество и старая неприязнь между армией и спецслужбам Грузии. В очередной раз они выплеснулись наружу, и грозили перерасти в банальную перепалку. Опытный Дуглас поспешил погасить конфликт и заявил:

— Господа, рота или батальон, это частность, которая вряд ли повлияет на ход военной операции. Поэтому, господин Тетрадзе, прошу вас не отвлекаться и вернуться к теме!

Тот пожал плечами и продолжил доклад.

— Если вести речь о батальоне русских миротворцев, который представляет основную силу, то на его позициях будет сосредоточен основной огонь системы залпового огня «Град». Русские ее изобрели, вот пусть теперь на своей шкуре испытают.

— Легко сказать, — язвительно заметил Табидзе.

— Господин Табидзе, если вас так беспокоит мифическая рота десантников, то смею заверить: она составит отличную компанию будущим покойникам. А с танками...

— Господин Тетрадзе, это уже неэтично! — осек его Дуглас и потребовал: — Ближе к делу!

Тот не подумал извиниться и безапелляционным тоном заявил:

— По нашим расчетам к 12-ти часам восьмого августа Цхинвал будет взят! Останется еще один опорный пункт — Джава. Но и там мы не видим больших проблем. К 21.00 мы заткнем горлышко этой бутылки и лишим сепаратистов поддержки со стороны России. Что касается уцелевших бандитов, то гоняться за ними по горам и выкуривать из нор — это не дело армии! Для них есть контрразведка и полиция. Армия свою миссию выполнит! — закончил доклад Тетрадзе и обвел присутствующих победным взглядом.

— Господа, по данной части плана есть вопросы? — спросил Дуглас.

Табидзе с Чикованишвили обменялись взглядами, но, не желая лишний раз попадать под грубый армейский накат, благоразумно промолчали. Разведка и контрразведка сделали свое дело. Они добыли информацию о состоянии частей Северо-Кавказского военного округа, абхазской армии, югоосетинских ополченцев и предоставили руководству страны. Дальнейший ход событий определяли политики и военные. Позицию армии озвучил Тетрадзе. Позиции политиков на совещании не прозвучали, они мыслили глобально. Дуглас так высоко не летал и потому не стал брать на себя лишнего. Его задача была гораздо скромнее: обеспечить согласованные действия военных и спецслужб. Судя по тому, как временами искрило между Тетрадзе и Чикованишвили, заключительное совещание вовремя выявило ряд проблем. Поэтому, чтобы остудить воинственный пыл грузинских партнеров он объявил перерыв.

Холодная минеральная вода и кофе несколько снизили градус противостояния между военными и представителями спецслужб. В перерыве они предпочитали не замечать друг друга, и когда он закончился, расселись по разным углам. Дуглас снова взялся за пульт. Карту Южной Осетии сменила карта Абхазии. Судя по обилию на ней красного и синего цветов, операция, разработанная в Министерстве обороны Грузии с участием советников НАТО, на данном направлении носила более многоплановый характер.

Дуглас объявил:

— Господа, переходим ко второй части плана — военной операции против сепаратистского режима Абхазии. Господин Тетрадзе, прошу вас продолжить доклад.

Тот прошел к экрану и, описав указкой широкий круг на карте, приступил к пояснению:

— Данный театр военных действий будет более затратным по силам, средствам и займет значительно больше времени.

— Сколько? — оживился Перси.

Это уже напрямую касалось операции «Западня», целью которой являлся вывод на территорию Грузии Фантома и последующий его захват. Поэтому ему были важны военные нюансы операции.

Обратившись к Перси, Тетрадзе осторожно заметил:

— Точную дату завершения операции в Абхазии затруднительно назвать. В данном случае существует ряд факторов, которые не поддаются расчету. Если же говорить о прогнозе, то не больше трех, максимум, четырех суток, чтобы взять под контроль вторую мятежную территорию.

— Господин Тетрадзе, что это у вас оптимизм поубавился? Или вы роту русских десантников обнаружили в Абхазии? — здесь уже Чекованишвили не упустил возможности отыграться за недавнее унижение.

— У меня его хватит на двоих. Могу поделиться! — огрызнулся он.

— Так на чем строится ваш прогноз? — атаковал его с другой стороны Табидзе.

— Не мой, а Министерства обороны!

— Господин Тетрадзе, и все-таки, почему трое суток? — добивался ответа Перси.

— А какое это имеет значение, трое-четверо? Важен конечный итог: на территории Грузии с сепаратизмом будет покончено раз и навсегда! — начал вскипать Тетрадзе.

— Для операции «Западня», которую ведет господин Перси, существенно все, — дипломатично заметил Дуглас.

— Ну, если вам так нужны детали, то, пожалуйста, — и, повернувшись к карте, Тетрадзе продолжил: — На данном направлении мы также имеем значительное превосходство над противником в живой силе и технике. Кроме того, рассчитываем, что после завершения операции в Шида Картли, основная часть наших сил освободится и будет переброшена в Абхазию. Если вести речь о первом дне операции, то

планируется нанести несколько комбинированных ударов. Мощная, более чем двухтысячная группировка, находящаяся в верхней части Кодорского ущелья, обрушится на Сухуми. В данном районе противник сосредоточил свои основные силы, но мы, имея подавляющее превосходство в воздухе и на земле, рассчитываем к исходу первых суток захватить город. Одновременно в Очамчыре, Гагре и на границе с Россией по реке Псоу будет высажен морской и воздушный десант, с целью недопущения создания сепаратистами единого и организованного центра сопротивления. Все эти задачи обрабатывались в ходе военных учений «Огненный кулак» и «Броня». Их результаты подтверждают наши расчеты и дают основания говорить о том, что в операции «Чистое поле» не должно возникнуть сбоев. Армия восстановит конституционный порядок на всех мятежных территориях.

— Господин полковник, а если сбой все-таки возникнут? Что тогда? — продолжал допытываться Перси.

На помощь Тетрадзе пришел Дрейк:

— Марк, оснований для такого беспокойства нет! Миссия будет выполнена. В случае непредвиденных осложнений в бой будут введены резервы. Согласие Пентагона получено.

— Хотелось бы в это поверить. И, тем не менее, у меня сохраняется ряд «но».

— От них ничего не останется, когда наша авиация перебросит из Ирака пехотную бригаду.

— Сколько на это уйдет времени? — уточнил Перси.

— Не более суток. Но, если моих слов недостаточно, то можешь ознакомиться с подробными выкладками. Они есть у Моргана.

— В данном случае, меня больше беспокоит неблагоприятный вариант развития событий.

— Полагаю, до него не дойдет. Уровень подготовки и технического оснащения грузинской армии, а также ее по-

давяющее численное превосходство обеспечат выполнение плана «Чистое поле» в установленные сроки и с минимальными потерями, — сохранял оптимизм Дрейк.

— У нас более чем пятикратное преимущество в живой силе, а в артиллерии и на море — подавляющее! Мы их просто сотрем с лица земли! — был еще более категоричен Тетрадзе.

— Господа, вы забыли еще об одной важном компоненте операции! В Афганистане и Ираке он сыграла существенную, я бы сказал ключевую роль! — напомнил Форман.

— Фрэнк, ты имеешь в виду дезорганизацию системы боевого управления и связи русских и сепаратистов, — догадался Дрейк.

— Да! Два АВАКСа в воздухе и наземные системы подавления сделают их глухими и слепыми.

— А если это подкрепить передачей ложных приказов по каналам связи, то управление войсками противника пойдет вразнос! — сделал вывод Дрейк.

— Мы уже работаем в данном направлении! — подхватил его мысль Чикованишвили.

— Господа, давайте закончим с военной стороной дела. Какие еще есть вопросы к господину Тетрадзе? — Дуглас снова взял в свои руки ход совещания

По залу пронесся оживленный шепоток. Несмотря острую дискуссию, план военной операции Министерства обороны Грузии выглядел убедительно. Но не столько он, сколько разведывательные данные о том, что после завершения масштабных учений российской армии на Северном Кавказе «Стабильность-2008», части, принимавшие в них участие, четвертого августа убыли к местам постоянной дислокации, давали уверенность в успехе операции.

По данным космической разведки одна из самых боеспособных российских дивизий: 76-я воздушно-десантная, уже возвратилась в Псков. Ее командир генерал Александр

Колпаченко, как сообщал агент «Шота», убыл в отпуск в Новороссийск. В российском Министерстве обороны и руководстве страны, видимо, посчитали, что костер войны, разгоравшийся у ее южных границ, на время Олимпиады погас. Подтверждением тому служило то, что самолет с премьером Владимиром Путиным держал курс на олимпийский Пекин.

Эта последняя новость убеждала участников совещания в том, что дымовая завеса, искусно пущенная политиками и дипломатами вокруг операции «Чистое поле», настолько замутила военный фон, что в Москве поверили в мирные намерения грузинского руководства.

Завершив военную часть совещания, Дуглас перешел к ее оперативной составляющей и предоставил слово Перси:

— Марк, прошу тебя дать оценку состояния разведывательной и контрразведывательной стороне миссии.

— Я с места, сэръ? — не стал тот подниматься на кафедру.

— Да! Пожалуйста! — разрешил Дуглас.

Перси был немногословен и ограничился тезисами:

— Основные мероприятия оперативного плана сопровождения военной операции «Чистое поле» нами, я имею в виду присутствующих здесь господ Табидзе и Чикованишвили, проработаны на предыдущих встречах. Сейчас основное внимание будет сосредоточено на завершении операции «Западня». В ближайшие часы я вылетаю в Сенаки, чтобы на месте координировать действия всех ее участников. В Тбилиси остается Грей. Она вместе с нашими грузинскими коллегами займется реализацией других мероприятий как разведывательного, так и контрразведывательного характера, в частности, по операции «Хористы». Если есть такая необходимость, то я готов остановиться на них более подробно.

— Думаю, что нет, — быстро свернул эту тему Дуглас и, обратившись к Форману, предложил:

— Фрэнк, может вы хотите что-то добавить?

— Нет, сэр. У военной разведки проблем нет, а если возникнут, то будем решать по ходу.

— На нет, как говорится, и суда нет. Возможно, у наших грузинских коллег есть что добавить?

Они переглянулись. Первым слово взял Табидзе:

— В настоящее время мы выходим на заключительную стадию в известной вам операции «Хористы». Наряду с двумя ее исполнителями активно работаем с третьим — агентом Бобо, подставленным резидентуре ГРУ. На последней явке нам удалось записать его разговор с заместителем резидента майором Грининым. Сейчас над записью работают технические специалисты, и мы надеемся, что им удастся добиться нужного результата. Это будет уже четвертый материал, так сказать, разоблачающий подрывную деятельность ФСБ и ГРУ, направленную на совершение государственного переворота и убийство президента Михаила Саакашвили.

— Отличная работа! — похвалил Дуглас и обратился к Чикованишвили: — Константин, насколько оперативно ваши источники в русской армии будут информировать нас о ее действиях.

— Что касается частей Северо-Кавказского военного округа, то мы имеем возможность контролировать каждый шаг! — заверил Чикованишвили

— И на чем основывается ваша уверенность?

— В штабе округа мы имеем двух надежных агентов, больше десятка в 58-й армии и 42-й дивизии. Кроме того, в Абхазии и Шида Картли созданы резидентуры. Только в одной Шида Картли в нее входит 17 агентов. Все они имеют задания: сообщать о перемещениях войск противника, численности и вооружении.

— Хорошо! — одобрил Дуглас.

— Наряду с этим, совместно с контрразведкой сформировано двенадцать специальных групп. Их участники в

совершенстве владеют русским языком и имеют славянскую внешность. С началом боевых действий они будут заброшены в тыл противника и под видом российских военнопленных станут совершать бесчинства...

— Достаточно, Константин, это уже вопрос завтрашнего дня! — не стал углубляться Дуглас в техническую сторону и, бросив взгляд на таймер, предложил:

— Мы работаем больше часа. Основные вопросы рассмотрены, если нет возражений, на этом закончим?

Все его подержали.

Подводя итоги, Дуглас не удержался от пафосной реплики:

— Господа! Руководители наших стран возложили на наши плечи важную и ответственную миссию по восстановлению свободы и законности на территориях, где царят хаос и произвол. Каждый из нас должен сделать все возможное, и даже невозможное, но довести ее до конца. Благодарю за активное участие в работе и желаю успехов!

— Вам тоже, сэр! — прозвучало в ответ.

— Спасибо! — поблагодарил Дуглас и распорядился: — Джоан, проводите наших коллег.

«Грузинская сторона» покинула зал. Оставшиеся перевели разговор на другую тему. Дуглас сказал:

— Господа, вы не первый день в Грузии, и надеюсь, никто не испытывает иллюзий в отношении возможностей наших грузинских коллег. Их воинственные речи не должны вводить нас в заблуждение.

Форман и не удержался:

— В 1921 году, когда войска большевиков двинулись в Грузию, ее вожди с Ноем Жордания грозили, что отважные «витязи в тигровой шкуре» порвут в клочья «русского медведя». Прошло три дня, и 25 февраля друг Сталина — Орджоникидзе телеграфировал в Москву: «Красное знамя реет над Тифлисом!». Позже генерал Одишелидзе,

ответственный за оборону Тифлиса, так вспоминал об этом: «когда части 11-й армии большевиков двинулись на город, то вместо 1500 бойцов особого батальона народной гвардии, на бой собралось всего 240 человек, но зато на их проводах было сказано 240 речей!»

— Сейчас не время для досужих разговоров. Следующие сутки покажут, кто и чего стоит! — заявил Дуглас и спросил: — Кто и когда вылетает?

— Я после обеда. Ломинадзе и Янус ждут меня на базе в Сенаки, — доложил Перси.

— Я позже, одним бортом с Фрэнком, — буркнул Дрейк.

— В таком случае, господа, я вас больше не задерживаю. Еще раз хотел бы напомнить: максимум энергии и напора! Держите руку на пульсе, а лучше на горле наших грузинских коллег. Что касается их речей, то надо помнить, что мы находимся в дружественной стране и потому должны уважать ее традиции.

Дрейк, Форман, Ливицки и Перси переглянулись. Форман первым озвучил общее желание:

— Парни, Не знаю как у вас, а появился жуткий аппетит.

— Есть тут одно приличное местечко. С отменной осетинской кухней, — вспомнил Дрейк.

— Осетинской?! — переспросил Перси и, рассмеявшись, заметил: — Джон, завтра ты будешь сыт ею по горло.

— А мне уже сейчас хочется, — отшутился тот.

Ресторан, о котором вел речь Дрейк, находился на проспекте Буша. При входе их встретил швейцар, ряженный в черкеску с неизменным кинжалом на поясе. Стены зала украшали медвежьи шкуры, оленьи рога и сабли. Острый запах пряностей еще больше раздражил аппетит.

Дрейк, не заглядывая в меню, заявил:

— Доверись мне! Предлагаю взять любимые перепелиные крылышки для Джоан, а нам четыре картофчена.

— Я буду шараджен, — отказался Форман.

— В чем разница, Джон? — поинтересовался Левицки.

— Почти тоже самое, что и картофчен. Сыр, тесто, только вместо картошки мелко порезанные листья молодой свеклы, — пояснил он.

— Получается три картофчена и один шараджен, — подвел итог Дрейк и продолжил демонстрировать свои познания в местной кухне: — Из мясного предлагаю взять шашлык из молодой баранины и отварную говядину. Здесь их готовят отменно.

— Шашлык! — в один голос воскликнули все, лишь Форман проявил независимость и потребовал филе из говядины.

— С закуской определились. Пить что будем?

— Виски! — здесь вкусы у всех совпали.

Приняв заказ, официант склонился в низком поклоне и развернулся, чтобы уйти. Перси остановил и потребовал:

— Пока будут готовить горячее, принесите холодной колы и боржоми.

— Хорошо! Сейчас! — заверил его официант.

Шло время, а обещанные кола и боржоми так и не появились. Терпение у Дрейка иссякло, и он раздраженно бросил:

— Что за страна? Никому нельзя верить! Ни Президенту, ни официанту! Одна пустая болтовня!

— Джон?! Не бери все так близко к сердцу! Не будет колы, принесут чачу, — свел к шутке Форман.

Официант будто услышал разговор, выскочил из-за ширмы и выставил на стол бутылки с колой и боржоми. Прошло несколько минут, и он снова тенью возник у стола. На подносе под салфеткой оказалась бутылка коллекционного шампанского. Форман шутливо заметил:

— Друзья, если так дальше пойдет, то дело может закончиться свадьбой Джоан и Боба.

— Я не против! — живо отреагировала Джоан и поинтересовалась: — Но прежде хотелось бы знать, где скрывается мой таинственный поклонник?

Официант кивнул на столик у колонны и пояснил:

— Этот скромный подарок для вашей дамы от тех господ.

Джоан, вслед за ней остальные, дружно повернули головы. и их взгляды сошлись на троих парнях.

— Похоже, журналисты? — предположил Перси.

— Телевизионщики! — подтвердил Форман и помахал рукой.

— Фрэнк, кто такие? — полюбопытствовала Джоан.

— Я знаю только одного — Ираклия Абуладзе из телекомпании «Имеди», — пояснил он.

— О?! Я и не подозревал, что военная разведка распаивает наше поле, — заметил Перси.

— Так сложилось, Марк. Мы с ним знакомы с 2006 года. Еще тот тип!

К их столику подошел Абуладзе.

— Час назад слушали их бравые речи, теперь настало время для тостов, — с сарказмом произнес Левицки.

Тот, нисколько не смущаясь, поклонился Джоан, попри­ветствовал Формана, и нахально заявил:

— Господа, меня к вам привела не только ослепительная красота вашей дамы, но и профессиональное любопытство!

Перси не упустил возможности познакомиться:

— И что оно вам говорит?

— Очень даже много! — продолжал интриговать Абуладзе.

— Присаживайтесь, батано Ираклий! — пригласил к столу Форман.

Тот, плюхнувшись на свободный стул, подмигнул Джоан и закинул удочку:

— Господа, прошу простить мое жуткое любопытство, но режет глаз ваш повышенный интерес к осетинской кухне. Насколько я слышал, сегодня она отличается особой остротой и это наводит на мысль...

— Какую же? — перебил явно раздраженный Дрейк.

Так, журналист, похоже, что-то пронюхал. Американцы напряглись.

— Мне кажется, ваш следующий ужин состоится в Цхинвале? Насколько я слышал, там будет много горячих блюд? Или я ошибаюсь?

За столом возникла гнетущая пауза. У американцев промелькнула одна и та же мысль: если такое известно журналисту, то, что же тогда знают русские? Форман был уже не рад, что пригласил Абуладзе и, чтобы поскорее отделаться, заявил:

— Осетинскую кухню мы оставляем вам, а сами переходим на абхазскую!

— Абхазскую?! — воскликнул Абуладзе и привстал. Его глаза азартно заблестели: — Значит это правда?! Когда?! Как скоро?!

Форман, кажется, готов был проглотить язык. Он прилюдно сел в лужу. Да еще какую! Из случайной его оговорки журналист сделал правильный вывод. Формана уже не сомневался в том, что уже сегодня это станет достоянием Дугласа. Неловкая пауза затягивалась. Здесь уже Перси взял на себя инициативу и холодно отрезал:

— Господин Абуладзе, ваши необоснованные подозрения в отношении наших гастрономических пристрастий, отбивают всякий аппетит. Мы благодарим за подарок, но он не к нашему столу. В нем нет настоящего градуса и к тому же слишком много брызг.

Телевизионщик зло посмотрел на него и возвратился к своему столу. Для американцев ужин был бесповоротно испорчен. Вскоре все вышли из ресторана.

Дорога до авиабазы Вазиани заняла меньше часа. Несколько минут ушло на проверку документов и пропусков у дежурного службы безопасности, а дальше без остановок они проехали к сектору. В нем под усиленной охраной морпехов находилась особое авиационное звено армии США.

— Поезжай к третьей стоянке, Джоан! — распорядился Перси.

Там с полным боевым снаряжением стоял огромный вертолет. В его тени, усевшись на громадные рюкзаки, расположились четверо из группы поддержки специальных операций ЦРУ. При приближении машины они поднялись. Старший — Стив Старк шагнул навстречу Перси. Перси невольно подтянулся и бодрым голосом спросил:

— Как настрой парни?! Лететь не боитесь?

Они переглянулись и их лица расплылись в улыбках. За всех ответил Старк:

— С вами, сэр, хоть к черту на рога!

Перси был польщен, не каждому начальнику выпадает такая честь. Элита спецназа — эти решительные парни, не раз смотревшие смерти в глаза и повидавшие всякого в Ираке, Афганистане, Африке и бог знает, где еще, хорошо знали себе цену и просто так словами не бросались.

— Спасибо, Стив. Ты знаешь, для меня твои слова не пустой звук.

— Да, сэр! Работать с вами — это честь для нас. Вы по теплым кабинетам не отсиживаетесь, — ответил тот.

— Верно! И сегодня не обещаю легкой прогулки. Летим к границе с Абхазией. Предстоит серьезная работа. Вопросы?

— Нет, сэр! — дружно ответили они.

— Тогда вперед! — распорядился Перси и первым поднялся на борт.

Его встретил командир экипажа и доложил:

— Сэр, надо поторопиться. Погода в районе Сенаки резко ухудшается.

— Раз надо, значит, поторопимся!

Перси место ближе к пилотской кабине. Рядом сел Ливицки. Вертолет легко оторвался от бетонки и взял курс на запад. Через полчаса прогноз подтвердился. Горизонт

на западе начала затягивать сизая дымка, а когда они полетели к Сенаки, то не небе не осталось светлых просветов. У трапа их встретил Кахабер Ломинадзе. Поздоровавшись, он коротко доложил:

— Моя группа готова. Янус на месте и ждет встречи с вами.

— О'кей! — остался доволен такой оперативностью Перси и, кивнув на Стива, представил: — Майор Старк. Его группа обеспечит вам дополнительную поддержку.

— Спасибо! — сухо поблагодарил Ломинадзе.

Судя по выражению лица, она его не вдохновила. Эти «американские подпорки» лишний раз говорил о том, что в ЦРУ не очень-то полагались на грузинские спецслужбы.

— Ну, что, Каха, едем? Как говорится время деньги, а в нашем случае это очень большие деньги, — попытался разрядить возникшую напряженность Перси.

— По тем, что нам платят, наши жизни ничего не стоят, — буркнул Ломинадзе.

Они проехали в штаб бригады и поднялись на второй этаж. В кабинете заместителя начальника штаба, где был оборудован оперативный штаб операции «Западня», их ждал Янус. Перси бросил на него испытующий взгляд и остался доволен — агент был настроен по-боевому. Беседа с ним укрепила уверенность в успехе операции. Закончилась встреча вручением Янусу двадцати тысяч долларов. Задаток должен был дополнительно подхлестнуть агента и заставить забыть последние страхи. Проводив его к машине, Ломинадзе вернулся в кабинет, и вместе с американцами еще раз прошелся по всем этапам операции.

Совещание закончилось, когда за окном уже сгустились сумерки. Накрапывавший до этого дождь сменился ливнем. Непогода и время подгоняли группу Ломинадзе — Старка вперед. Плотнo поужинав, они в восемь часов покинули базу. Колонна из четырех «Хаммеров» взяла курс к границе

с Абхазией. После Зугдиди она разделилась. Американцы остались готовить площадку для приема вертолета, а Ломинадзе, Янус и двенадцать бойцов спецназа, утопая в грязи, начали пробиваться к реке Ингури. По замыслу операции, на ее левом берегу должна была состояться роковая для Фантома встреча с агентом.

Глава 14

Затянувшаяся явка с агентом Каха, проходившая под аккомпанемент дождя, подошла к концу. Кочубей и Остащенко не пожалели, что протряслись по бездорожью сто с лишним километров. Его информация стоила того. Используя свои связи среди грузинских военных и долларовую подмазку, Каха сумел добыть ценные сведения. Они относились к авиабазе в Вазиани. Там израильские специалисты закончили оборудование новейшей электроникой трех «сушек» и обкатку четырех новейших беспилотников. Не меньшего внимания заслуживала и другая его информация: об усилении двумя американскими ударными вертолетами «Апач» второй пехотной бригады в Сенаки.

Материалы Кахи, в совокупности с данными других агентов указывали на то, что Грузия в спешном порядке наращивала военную группировку в районах, прилегающих к границам Абхазии. Завершая явку, Кочубей не поскупился и щедро расплатился с агентом. Каха торопливо сунул в карман куртки тысячу долларов, выскользнул из УАЗа. Вслед за ним из машины выбрался Остащенко и, перебросив через плечо автомат, отправился сопроводить агента до перехода на границе. Перед бродом они расстались. Каха спустился к реке. Юрий, спрятавшись за скалой, внимательно ловил каждый звук. Прошло несколько минут, но ничто, кроме

монотонного журчания воды, не нарушало тишины. Переход агента через границу прошел успешно, и он возвратился к машине. Там, хлюпая по лужам, топтался Кочубей.

— Чисто ушел? — спросил он.

— Нормально, — обронил Остащенко, открыл дверцу УАЗа и положил автомат на заднее сидение.

— На той бы стороне не напоролся. — не был так уверен Кочубей.

— Да, не переживай ты, Коля. По такой погоде даже сумасшедший носа не высунет.

— А вдруг.

— Коля, ну чего себя накручивать. Давай сматываться! — торопил Остащенко.

— Ладно, вызывай ребят!

— Это, с удовольствием — оживился Юрий и, приложив ладони ко рту, трижды хрюкнул.

— Ну, прямо настоящий хряк. Так и тянет за карабин взяться, — хмыкнул Кочубей.

— Ну, если промажешь, я тебе не позавидую, — добродушно пробасил Юрий и прислушался.

Но ни он, ни Кочубей так и не услышали, как из кустов появился Кавказ. Они не первый раз выходили с ним в рейд и каждый раз поражались тому, как он преображался, когда оказывался на природе. Кавказ становился ее частью. Несмотря на сто килограммов, под его сорок пятого размера ботинком не осыпались камни и не трещали ветки. В минуты опасности Кавказ напоминал собой грозного удава, способного одним взглядом, одним движением парализовать противника.

— Что за рекой, Кавказ? — спросил Николай.

— Пришел и ушел без хвоста, — как всегда тот был немногословен.

— Я тоже ничего подозрительного не заметил, — подтвердил подошедший Омар.

— Все, Коля, едем, а то скоро в карманах лягушки заквакают, — взмолился Остащенко.

— Оружие проверить и отчаливаем! — распорядился Кочубей.

Юрий первым забрался в УАЗ, за ним Кавказ. Омар занял место водителя. Впереди его ждало новое испытание — проливной дождь превратил и без того убитую дорогу в реку. Видавший виды армейский УАЗ абхазского спецназа чихал, скрежетал всеми своими изношенными внутренностями, и, казалось, вот-вот встанет. Но, подчиняясь твердой руке Омара и его матерным заклинаниям, машина с трудом брала очередной подъем. К окраине города Гага они подъехали в начале девятого. Разрушенный войной, он в вечерних сумерках напоминал город-призрак. За покосившимися заборами, в глубине садов, словно прячась от злого взгляда, подслеповато подмигивали огнями ветхие домишки. Их тусклый свет придавал развалинам еще более зловещий вид. Несмотря на то, что война закончилась пятнадцать лет назад, Гага, по-прежнему, оставался прифронтовым городом. Об этом напоминали изрешеченная осколками будка ГАИ и обгоревший остов БТРа, подорвавшегося на фугасе на прошлой неделе. Ближе к центру стали заметны признаки жизни. Слева, в свете фар возникли убогие ларьки местного рынка. Из-за них выскочила старенькая, без номеров «Нива» и, плеснув в лобовое стекло грязь из-под колес, скрылась в темноте. Омар и не заметил, как на перекрестке, перед бывшим универмагом едва не угодил под «Урал».

— Омар?! — первым заметил опасность Кавказ.

Тот, резко крутанул руль влево, и в последний момент ушел из-под удара. Оставшиеся двести метров до райотдела СГБ, Кочубею с Остащенко пришлось выслушать все, что думает Омар в отношении «козлов», которым место отнюдь не за баранкой. Яркий свет фонарей освещал подходы к зданию СГБ. Высокая стена из мешков с песком, выложенная буквой «Г» на входе, окна, наглухо закрытые металлическими ставнями, напоминали о том, что диверсионно-террористическая война, которую вели грузинские

спецслужбы в этом районе Абхазии, не прекращалась ни на день, ни на час.

В райотделе они застали только дежурного. Остальные сотрудники отправились кто на явки с агентами, кто на операцию и лишь редкие счастливицы разошлись по домам. Николай с Юрием прошли в кабинет начальника. Кавказ с Омаром остались в дежурке коротать время за чашкой кофе. ВЧ-связь работала исправно и Кочубей быстро дозвонился до Агольцева. Судя по тону, с которого начался разговор, он был на взводе.

— Коля, где вас черти носят? Я тут как на иголках! — обрушился Агольцев на него.

— Виктор Александрович, так мы же не на прогулке. Явку с Кахой проводили, получили ....

— Вы, что к нему в Тбилиси ходили? — перебил Агольцев и раздраженно бросил: — Четыре часа прошло, а от вас ни слуха, ни духа! И что прикажешь думать?

— Все нормально, Виктор Александрович! Есть серьезная информация.

— Да, погоди ты со своей информацией! Я сыт ей по горло и одна горячее другой! За последние сутки два захвата в вашем районе! В нижней зоне перестрелка. Абхазы потеряли одного пограничника. А вы по ночам под носом у диверсантов раскатываете! Забыл про приказ Градова? Так я напомню! Явки с закордонной агентурой проводить только в светлое время суток! Чего тут неясного? Кончайте с этой партизанщиной!

Здесь уже задело за живое Кочубея. Агольцев вместо того, чтобы вести речь о деле, распекал его, как желторотого опера. Остатенко по обрывкам фраз и выражению лица друга догадался: они попали под горячую начальственную руку. Но характер — есть характер и, не удержавшись, он с сарказмом заметил:

— Коля, а я тебя предупреждал: перед тем как докладывать шефу, надо щелкнуть каблуками перед трубкой.

— Да иди ты! — огрызнулся Кочубей.

В следующую секунду трубка накалилась от рева Агольцева:

— Что?! Ты что себе позволяешь?! Крышу совсем снесло?

— Виктор Александрович! Виктор Александрович! — пытался вставить слово Николай!

— Молчать! В конец оборзел! Я тебя умника научу родину любить. Я...

— Это не вам! Это Остащенко. Он тут советы раздает. Извините, вы не так поняли. Я...

— Советы? Советчики хреновы! Больно грамотными стали! Приказы старших надо выполнять!

— Виктор Александрович, за что нас так утюжить? Мы же ничего не нарушили? Явку с «Кахой» проводили в дневное время.

— Скажи еще, что у вас там солнце не заходит.

— Нет, уже зашло, но льет как из ведра, а дорога одно название. До Гага два часа добирались. В конце концов, мы в контрразведке или в конторе работаем?

— Ладно! Докладывай по существу! — сменил гнев на милость Агольцев.

Кочубей, проглотив обиду, перешел к докладу:

— Если в нескольких словах, то, судя по всему, грузины затевают что-то серьезное. По данным Кахи, накануне в Сенаки из Алексеевки перебросили два «Апача», склад боезапаса забили под завязку. Израильские спецы закончили оборудование новой авионики трех «сушек». Самолеты ввели в боевой состав и перебросили из Вазиани в Копитари. Позавчера в Зугдиди прибыла рота спецназа ...

— Можешь не продолжать. По другим каналам мы получаем аналогичную информацию, — остановил его Агольцев и распорядился: — Обобщи все что имеешь и немедленно на мое имя запиской по ВЧ.

— Есть, Виктор Александрович, — принял к исполнению Кочубей и поинтересовался: — Какие еще будут указания?

— Указания? А с чего это ты вдруг стал такой уставной? — с ехидцей спросил Агольцев.

— Вы же обещали научить меня начальство любить.

— Коля, опять нарываешься. Ты меня с Родиной не путай. Я думаю, мы друг друга поняли. Так?

— Да, Виктор Александрович.

— Как говорить: проехали и забыли. Где ночевать собираетесь?

— Обсохнем, подзаправимся в райотделе и потом в Сухум. В крайнем случае, у миротворцев в Очамчире заночуем.

— На ночь глядя?

— Так не первый же раз, Виктор Александрович?

— Раз на раз не приходится. Сам же говорил, грузины, что-то затевают. Можете на засаду нарваться. Этого еще не хватало. Оставайтесь в райотделе! А утром с военной колонной в Сухум.

— Есть! — подчинился Николай. Промокшая до нитки камуфляжка и пустой желудок, напомнивший о себе бурчанием, не располагали к дороге, и он был рад такому решению Агольцева.

— Все решили. Завтра жду в отделе Быстронога. А сейчас направляй записку! — потребовал тот.

— Через час будет лежать у вас на столе! — заверил Кочубей.

— В общем, Коля, ты меня понял: чтобы не было трепежу, надо делать все по чертежу, — закончил разговор своей любимой присказкой Агольцев.

И тут снова под руку Кочубея полез Остащенко. Изобразив на своей хитрющей физиономии само усердие, он заговорил елейным тоном:

— Коля, обязательно скажи шефу, что я уже бегу за бумажечкой и ручечкой.

Николай показал ему кулак и, попрощавшись с Агольцевым, положил трубку. Тяжело вздохнув, он бросил на Юрия сердитый взгляд и не удержался от упрека:

— Ну, кто тебя просил лезть с этим чертовым каблуком?! Шеф и без того на взводе.

— Извини, товарищ начальник, я не виноват, что ты вместо того, чтобы лизнуть, взял да гавкнул. Я только инициативу проявил и хотел...

— Да пошел бы ты с ней куда подальше, — вспыхнул Кочубей, — А если шеф подумал, что я его и вправду послал?

— Не заморачивайся, Коля! Станешь ты полковником! Это я тебе говорю, старый майор, у которого погоны давно звезду просят. Александрыч нормальный мужик и с юмором у него все в порядке.

— Ладно, проехали, — остыл Николай, — Давай строить докладную.

Они взяли ручки и принялись за ее составление. Информация, полученная от Кахи и Баграта, носила конкретный характер и потому легко ложилась на бумагу. Через сорок минут докладная была готова. Кочубей пробежался по тексту и, не найдя ляп, зачитал ее по телефону дежурному по отделу Быстронога и затем поджег записку. Не успела она догореть, как на него снова напал Остащенко:

— Товарищ начальник, пора бы подумать и о более существенных вещах, чем самолеты, вертолеты и шпионы. Не знаю, как у тебя, а у меня во всю желудок марш играет.

— А у меня чечетку. Зови ребят! — поддержал Николай Остащенко вышел из кабинета и гаркнул:

— Дневальный? Тащи станок рубальный!

В ответ, в конце коридора приоткрылась дверь, и показались две, расплывшиеся в улыбке физиономии.

— Уже притащили. Осталось только хлебоборезки включить. Давайте к нам! — позвал Кавказ.

Стол был накрыт в комнате для приема посетителей. Кочубей пригласил присоединиться к ним дежурного по райотделу, но тот, сославшись на службу, вежливо отказался. На блюде были порезанные крупными долями местные помидоры, щедро пересыпанные перцем. Ломоть копченой говядины едва уместился на румяном лаваше. За горкой

из петрушки, кинзы и укропа, проглядывала запотевшая бутылка с чаечей и еще парочка с минералкой. Рядом с ними алел спелой мякотью знаменитый кутольский арбуз.

— Молодцы, ребята! Зря время не теряли! — воскликнул довольный Остащенко, стащил с себя мокрую куртку, повесил на спинку стула и подсел к столу.

Его примеру последовали остальные. Омар взял на себя роль тамады и потянулся к бутылке с чаечей. Одна рюмка осталась пустой.

— Кавказ, может все-таки пять капель? Погода собачья, как бы чего не подхватить! — предложил Юрий.

— Насчет этого, не волнуйся, — хмыкнул тот и потянулся к бутылке с водой.

— Кавказ, но надо же когда-то начать. Шестнадцать лет в Абхазии — это срок! — поддержал друга Кочубей.

— Вера не позволяет, — деликатно заметил Кавказ и налил в стакан минералки.

— Вера? А эту звать чача, и она не против, — хохотнул Юрий.

— Не могу, — упрямо стоял на своем Кавказ.

— Нет, я не понимаю такой веры, да еще в Абхазии?! — посетовал Омар и, с сочувствием посмотрев на Кавказа, утешил: — Материться ты уже научился, поживешь еще пару годков, а там и пить начнешь.

Раздался дружный смех. Юрий поторопил:

— Омар, соловья баснями не кормят. У нас военных так говорят: между первой и второй пуля не должна пролететь. А мы еще до первой не добрались.

Омар поднял рюмку, с его лица исчезла ироничная улыбка, и заговорил так, будто возносил молитву:

— Господи, мы благодарны тебе за то, что даровал нам прекрасную землю. За то, что...

— Вот за нее вы и страдаете, — обронил Юрий.

— А Россия? Многие спят и видят, как бы от нее кусок оттяпать, — заметил Николай.

— Хрен им, а не Россия! Подавятся! — вспыхнул Юрий, и, бросив взгляд на Омара, извинился: — Прости, Омар, что перебил.

— Ничего у них и не получится! Наши земли не вином, а кровью политы! — сказал, как отрезал Омар и продолжил: — Я пью за то, чтобы на нашей прекрасной земле был всегда мир, а вы приезжали сюда отдыхать, а не воевать!

— Мы только «за»! — дружно поддержали Николай с Юрием и, громко выдохнув, выпили.

Чача, в которой оказалось не меньше семидесяти градусов, обожгла горло и перехватила дыхание. О зазоре между первой и второй рюмкой Юрий уже не вспоминал и с аппетитом уплетал за обе щеки помидоры, зелень и говядину. Остальные тоже не отставали от него.

После позднего ужина они разошлись по кабинетам. Николаю повезло больше, чем другим — ему достался роскошный кожаный диван в комнате отдыха. Остащенко расположился по соседству. Но и во сне работа не отпускала Кочубея. Он что-то докладывал Агольцеву и что-то спрашивал у Кахи. В его доклад — разговор вмешался звонок сотового. Он с усилием поднялся, схватил телефон. Звонок не был игрой воображения. На дисплей высветилось: «Баг». В следующее мгновение сон смахнуло как рукой.

— Это ты?! — первое, что нашелся спросить Кочубей.

— Я, — избегал называть себя неизвестный.

Знакомый с характерным акцентом голос рассеял последние сомнения Кочубея в том, что с ним говорит агент Багратион. Его внезапный выход на связь можно было объяснить только чрезвычайными обстоятельствами.

— Что случилось? Что?! — не мог скрыть тревоги в голосе и торопил с ответом Кочубей.

— Пока нет, но случится!

— Говори яснее.

— У тебя и твоего абхазского партнера, скоро возникнут очень большие проблемы, — старательно прятался за ширму делового разговора Багратион.

— Серьезно?!

— Более чем.

«Неужели война?!» — бросило в жар Николая. Не веря страшной догадке, он спешил найти ей подтверждение:

— Товар стоит того, чтобы за него биться? Прошлый раз тоже обещали, а получилась туфта.

— На этот раз исключено! У меня на руках бумага. В ней расписано от «а», до «я». Они хотят сразу и все. Если упустите, локти кусать будете. Через два дня партия уйдет.

— Два?! — у Кочубея перехватило дыхание.

Он отказывался верить тому, что в Тбилиси решатся начать военную авантюру против Абхазии во время Олимпиады. Полторы тысячи российских миротворцев и пятитысячная абхазская армия представляли внушительную силу, и просто так вооруженной до зубов грузинской армии их было не сломить. Поэтому в своих предположения Кочубей не шел дальше крупномасштабной провокации в Галском районе. Сообщение Багратиона было как удар.

Все еще не веря в такой ход событий, Николай уточнил:

— Ты ничего не путаешь? Они точно хотят все?

— Точнее быть не может. Когда увидишь, все вопросы отпадут. Решай! Я сильно рискую, — торопил Багратион.

Кочубей медлил с ответом. Над ним, как дамоклов меч висел приказ Градова, запрещающий проводить явки с закордонной агентурой в ночное время, тем более в пограничной полосе, без предварительной оперативной проработки маршрута выдвижения и самого места. Случай с майором Гонтаревым, чудом выскользнувшим из засады, в которую его пытался заманить двойной агент, был еще свеж в памяти.

— Так что мне делать? Я почти на месте! — теребил Кочубея агент.

— Далеко от речки? — в голове Николай зрело решение.

— По такой погоде за час доберусь, — предположил Багратион.

— Пешком?

— На колесах.

Николай бросил взгляд на часы, стрелки перевалили за одиннадцать, и, сделав скидку на непогоду, предложил:

— Встречаемся через полтора часа, на старом месте. Без нужды не звони. Сам знаешь, есть, кому уши погреть.

— Я себе не враг. В Россию потом переправите?

— Решим вопрос.

— А как с деньгами?

— Поможем.

— Двигаю к лечебнице.

— Договорились! — закончил разговор Кочубей и ринулся в комнату поднимать Остащенко.

Тот с трудом открыл глаза и просипел:

— Ну, ты и зверь, начальник, никакой жизни с тобой нет.

— Юра, не до шуток! Срочно едем к границе. Есть информация — настоящая бомба!

— К границе?! — с Остащенко тут же слетел сон.

— Да! Багратион вышел на связь.

— Багратион? Это серьезно!

— Не то слово. Похоже, война. У него план операции!

— Что?! Ну, сволочи! Ну, сволочи!

— Поднимай Кавказа с Омаром, а я доложу Агольцеву! — распорядился Кочубей и бросился к двери.

— Стой, Коля! Зачем? Пока он будет согласовывать с Москвой время уйдет! — остановил его Остащенко.

— А приказ?

— И хрен с ним! Сам же сказал, война.

— Узнают, голову снимут.

— Плевать! Мы военная контрразведка, а не канцелярские крысы. Едем! Тут же рядом! — наседал Юрий.

— Ладно, — помявшись, согласился Кочубей.

Остащенко был прав. Это был тот самый случай, когда стоило обойти приказ. Информация Багратиона стоила того и не вызвала сомнений. Поступавшие от него ранее данные всегда носили конкретный характер и отличались особой остротой. На первый взгляд, невысокая должность в штабе второй пехотной бригады в Сенаки, не давала ему

особых преимуществ перед другими агентами, но он, каким-то непостижимым образом исхитрился получать такие материалы, которые напрямую докладывались в Москву. Сегодня пробил час Багратиона — ему удалось добыть план военной операции Грузии против Абхазии. Две недели назад отрывочные сведения о нем просочились к временной оперативной группе Агольцева, но они носили общий характер. И вот, наконец, план оказался в руках Багратиона. Забыв про усталость, Кочубей, Остащенко, Кавказ и Омар ринулись к границе...

Багратион-Янус выключил телефон и бросил вопрошительный взгляд на Ломинадзе. Тот показал большой палец и снял наушники. Разговор агента с Фантомом убедил его в том, что операция «Западня» будет доведена до конца. Русский, похоже, не заподозрил подвоха. Приманка с планом военной операции сработала. Несмотря на опасности и собачью погоду, Фантом ринулся на явку.

— Отличная работа, Вахтанг! Считаю, остальные тридцать тысяч у тебя в кармане. Про меня не забудь! — довольно потирая руки, воскликнул Ломинадзе

— Да, конечно, Каха. Лишь бы он пришел, — все еще сомневался в успехе Янус.

— Придет, куда денется! На такую наживку самый осторожный клюнет, — рассеял его сомнения Ломинадзе и, похлопав по плечу, подтолкнул к выходу.

Янус выскользнул из палатки. Ломинадзе подождал, когда стихли его шаги, включил специальную аппаратуру спутниковой связи и произнес:

— Гурон, это Ястреб. Как меня слышишь?

— Я Гурон. Слышу тебя прекрасно, — тут же отозвался Перси.

Последние часы он не покидал кабинета в штабе второй пехотной бригады. Сюда, к границе с Абхазией сместился оперативный штаб по проведению операции «Западня». В его руках сосредоточились ее основные нити, и потому все внимание резидентуры ЦРУ в Тбилиси было приковано

к боевой группой Кахабера Ломинадзе и двойному агенту Багратиону-Янусу.

Время неумолимо отсчитывало минуты, и чем меньше его оставалось, тем все более нервозно вели себя в Тбилиси. На них давили из Лэнгли, а они наседали на Перси. Пока ему удавалось сохранять спокойствие и ровный тон. В своих докладах Дугласу он поддерживал уверенность в успехе операции и без нужды не накручивал Ломинадзе. Тот знал свое дело и не подменял работу пустой трескотней. Фантом клюнул на наживку.

— Я правильно понял, клиент готов забрать товар? — уточнил Перси.

— Да! — подтвердил Ломинадзе.

— И что, без всяких условий?!

— Как услышал про план, так про все забыл.

— На какое время назначена встреча?

— Через полтора часа на известном вам месте. Но, может выйти задержка, погода мерзкая.

— Будем надеяться, это самая большая проблема. Следующий доклад, когда Фантом даст о себе знать. А так, без необходимости на связь не выходить! — предостерег Перси и снял наушники.

До начала военной фазы плана «Чистое поле» и завершения операции «Западня», оставалось совсем ничего. Для ее успеха Перси сделал все, что мог, и дальнейший ход событий уже зависел от погоды. Нервное напряжение, владевшее им, ослабело, и он устало закрыл глаза.

— Марк?! Марк?! Ну, что там? — теребил его Ливицки.

Перси молчал.

— Марк? Да, что с тобой?

Перси встрепенулся, качнулся вперед и, хватив кулаками по столу, воскликнул:

— Боб, они клюнули! Они клюнули!

— Клюнули?! — все еще не мог поверить Ливицки.

— Да! Да!

— Фантом идет в загон?

— Не совсем. Пока договорились на встречу в «лечебнице».

— Но это не совсем то?! А если...

— Если не будет! Он выполз из норы, а дальше его погонит азарт. За такими бумагами, я бы на его месте полез не только через границу, но и в пасть льву, — не терял уверенности Перси.

— Пожалуй, да, — согласился Ливицки.

— Не сомневайся, Боб! Через пару часов своими глазами увидишь Фантома.

— Ты гений, Марк! Мы их сделали! — ликовал Ливицки.

Вскочив, он в каком-то немыслимом танце заплясал по кабинету. Перси снисходительно наблюдал за ним. Ливицки, описав еще один круг, снова принялся петь ему дифирамбы.

— Это высший класс, Марк!

— Да будет тебе, Боб.

— Феноменально, Марк! Такая рыбина в наши сети давно не попадала.

— Смотри не сглазь! — предостерег его Перси беспокойно посмотрел на часы.

— Сколько? — спросил Ливицки.

— 22.24

— Оставалась двадцать одна минута. Представляю, что после этого начнется?

— А ничего. Олимпиада все забудет!

— Но русским же рот не заткнешь?

— Кто их станет слушать, — отмахнулся Перси.

— Я не о том, Марк. Они могут двинуть армию.

— Сомневаюсь. Вспомни Аджарию. Все кончилось сотрясанием воздуха в ООН, а там и стены наши.

— Но тогда была иная ситуация.

— Не вижу большой разницы. Даже если русский медведь и выползет из берлоги, будет уже поздно. Путин в Пекине, а Медведев... в общем, пока они разберутся, мы покончим с Осетией и Абхазией. Парни из Пентагона все просчитали: у абхазов и осетин нет никаких шансов.

— По Осетии я согласен, но с Абхазией может выйти заминка.

— Да что ты заладил: может, не может? Для нас все закончится через полтора часа!

— По такой погоде?

— Час-другой ничего не решает. Время работает на нас. Все, хватит об этом! Закрыли тему! Впереди веселенькая ночь, — отрезал Перси.

— Чертей только не хватает, — усмехнулся Ливицки и кивнул на окно.

Там бушевала непогода. Со стороны моря надвигался мощный циклон. Гигантские молнии терзали небо, а чудовищные раскаты грома, казалось вот — вот обрушат потолок и стены штаба...

Дождь перешел в ливень, стена воды сводила видимость к нулю. УАЗ с Кочубеем, Остащенко, Кавказом и Омаром, зарываясь по самый бампер в вязкую жижу, едва полз вперед. Они безнадежно опаздывали на явку с Багратионом. Николай перестал подгонять Омара и уныло смотрел перед собой. За его спиной сердито сопел Остащенко и костерил на чем свет Саакашвили:

— Юра, перестань! И без того на душе тошно, — надоело это ворчание Кочубею.

— А мне что? Благодарит его? Такое раз в четыре года бывает! Хотел посмотреть открытие Олимпиады, а теперь все накрылось.

— О чем ты, Юра? Какая Олимпиада?! Завтра война!

— Война?! ... Но они, же не совсем идиоты?

— Хуже, конченные мерзавцы! Решили под шумок Олимпиады устроить маленькую победоносную войну! Ну, ничего, мы им устроим! — пригрозил Кочубей.

Стрелки показывали начало первого. До торжественной церемонии на олимпийском стадионе Пекина оставались считанные часы. В ту ночь миллиарды землян, независимо от цвета кожи, расы и языка легли спать в предвкушении фантастического праздника красоты, силы и радости. С особой

надеждой ждали этого события в затерянной среди суровых гор крохотной, истерзанной непрерывными провокациями Южной Осетии. В полуразрушенном Цхинвале и приграничных с Грузией осетинских селах, впервые за последние месяцы уснули в надежде, что в ближайшие недели не придется вздрагивать от разрывов артиллерийских снарядов и искать спасения в подвалах.

Ночная мгла легла на горы. Густая россыпь ярких южных звезд высыпала на небе. На дне глубоких ущелий клубился туман и косматыми языками стелился по скалам. В густом кустарнике стрекотали цикады. Все дышало миром и покоем и только очень чуткое ухо могло уловить в обманчивой тишине приглушенный гул моторов и лязг гусениц. Грузинская армия заняла исходные позиции и ждала часа «Ч». А когда он пробил, море огня обрушилось на многострадальный Цхинвал.

То, что на следующий день россияне увидели на экранах своих телевизоров, не поддавалось здравому рассудку. Пекин сиял феерическим шоу и купался в море счастливых улыбок, а крохотный Цхинвал корчился в нечеловеческих муках и умирал под огнем систем залпового огня «Град».

У многих огонь этой вероломной войны сжег иллюзии относительно того, что многовековая культура, история и общая победа в прошлой Великой Отечественной войне удержат вероломных правителей Грузии от новых безумств. Другие же отказывались верить собственным глазам и продолжали пребывать в плену обаятельных образов, созданных экранными героями в замечательных фильмах «Отец солдата» и «Мимино».

Всего этого, ни Николай, ни Юрий, ни их абхазские друзья Кавказ с Омаром не могли видеть и слышать. Промокшие до нитки и измазанные в грязи от пяток до макушки, они в который уже раз вынуждены были вытаскивать УАЗ из ямы. К исходу второго часа под колесами, наконец, появилась щербатая бетонка — все, что осталось от дороги, которая вела к некогда знаменитой водолечебнице. Там, в

развалинах главного корпуса была назначена явка агенту Багратион.

— Тормози, Омар! Приехали! — распорядился Кочубей.

Омар свернул под раскидистую крону платана и остановил машину. Кавказ, не дожидаясь команды, проверив автомат, выбрался наружу и отправился на разведку.

— Коля, зачем парня зря мучить, проедем до конца? — предложил Юрий.

— Думаешь, мне его не жалко? Но порядок, есть порядок, — остался непреклонен Кочубей.

— Порядок? О нем хорошо говорить в теплом кабинете, а не здесь...

— Юра, перестань капать на мозги и без того тошно. Не мы его устанавливали и не нам его менять.

— А кого тут бояться?

— Бояться?! Забыл про Гонтарева?

— Там был другой расклад!

Конец спору положило появление Кавказа. Он доложил:

— Никого, Николаич.

— По времени пора бы Багратиону объявиться, — напомнил Юрий.

— У него там тоже не асфальт, — буркнул Николай и предложил: — Сделаем так. Омар остается с машиной. Ты, Юра, работаешь по ближнему кругу у лечебницы. Тебе, Кавказ отследить подходы от границы. Если что не так, даешь сигнал. Всем все ясно?

— Да! — подтвердили Осташенко и Кавказ.

— По местам! — распорядился Кочубей и, стараясь не угодить в ямы, двинулся к месту встречи с Багратионом.

Шум дождя скрадывал шаги. Они бестелесными тенями скользили среди развалин. Поравнявшись с главным корпусом, Николай заскочил в подъезд, а Кавказ с Юрием направились к восточной ограде. Подсвечивая фонариком, Кочубей, перебравшись через груды хлама, вошел в кабинет главного врача. После последней явки здесь, похоже, по-

бывали мародеры. На полу валялись разломанные ящики из письменного стола, а из вспоротых стульев торчали металлические пружины. Соорудив из досок подобие лавки, Кочубей присел и выключил фонарь. Потянулось время томительного ожидания. Его напряженный слух ловил каждый звук и каждый шорох. В какой-то момент ему показалось, что под неловко ступившей ногой, хрустнула ветка, и рука легла на кобуру.

В темном оконном провале возникло бледное пятно, и раздался голос Остащенко:

— Коля, сколько можно ждать? Я раскис как промокашка!

— Сколько надо, — буркнул Кочубей.

— И где его черти носят?

— Там же где и нас.

— А если звякнуть?

— Рискованно. Вдруг засекут.

— По такой погоде? Звони! — наседал Юрий.

— Хорошо, — сдался Николай, достал телефон, нажал на кнопку вызова и в ответ услышал: «Аппарат абонент выключен или находится вне зоны действия сети». На повторный вызов поступил тот же ответ.

— Ну, что там? — теребил Юрий.

— Молчит, на него не похоже. Может, что случилось? — строил догадки Кочубей.

— Вызывай еще!

Николай повторил вызов. На этот раз телефон ожил. Голос Багратиона насторожили Кочубея, и он поторопил с ответом:

— Когда будешь на месте?

— У меня проблема, — промямлил Багратион.

— Проблема? ...Какая?!

— Влип я.

— Как?! ... Где?! — и Кочубей похолодел.

— Машина на боку, а у меня нога.

— Что нога?! Сломал?

— Не знаю.

— Где это случилось? Где?

— Метров триста до речки не доехал. Выручай! Если они застукают, мне хана! — молил Багратион.

— Не паникуй! Держись! Что-нибудь придумаю, — старался успокоить его Кочубей и лихорадочно искал выход.

— Ногу сломал? — догадался Остащенко.

— Похоже так.

— Далеко?

— Метров триста до речки не дошел

— Так что тут думать, Коля?! Давай к нему! — торопил Остащенко.

— А если засада?

— Какая?! Мы любого уроем!

— Легко сказать, — все еще колебался Кочубей.

— Ну, что ты заладил?

— Юра, тут что-то не так? Не так! — не находил Николай объяснений внезапно возникшему чувству смутной тревоги.

— Так, не так, че гадать? Рвем за речку и там разберемся.

— Ладно, — сдался Николай и вернулся к разговору с Багратионом: — Как тебя найти?

— От лечебницы прямо к реке, потом чуть вправо, еще метров двести выйдешь к поляне. Там развалюха. Я рядом, — пояснил Багратион.

— Вытащим! Держись! — заверил его Николай и распорядился: Юра, зови Кавказа. Идем на ту сторону.

Через несколько минут они были у реки. Обычно спокойная в это время года она, напивавшись дождями, яростно клокотала и выплескивалась из берегов. У предусмотрительного Кавказа под рукой оказалась веревка. Обвязавшись ею и, оставив один конец в руках Юрия и Николая, он шагнул в воду и с трудом перебрался на другой берег. Вслед за ним переправились они и поспешили к месту аварии Багратиона. Вскоре лес поредел, и за кустами молодого орешника проглянула поляна.

Кочубей остановился, расстегнул кобуру но, прежде чем идти на встречу с Багратионом, приказал:

— Ребята, остаетесь здесь на подстраховке. Если что, вы поняли.

— Все будет нормально, Коля! — успокоил его Юрий, а Кавказ взял автомат на изготовку.

Держась края поляны, Николай приблизился к «Ниве». На шум его шагов из-за машины показалась фигура. Она распрямилась, и на лицо упал отблеск молнии. Это был Багратион! Кочубей с облегчением вздохнул. И здесь, то ли то было игрой разыгравшегося воображения, то ли ему показалось: на физиономии агента появилась торжествующая ухмылка. Николай замедлил шаг и боковым зрением заметил, как слева и справа земля вздыбилась. Две серые тени приобрели зримые очертания и метнулись к нему.

«Засада?!» — обожгла сознание Кочубея запоздалая догадка.

— Засада! — его полный отчаяния и боли крик прозвучал над поляной, и подхваченный ветром, затерялся в лесу.

Автоматные очереди вспороли ночную тишину.

Глава 15

Густой туман поднимался над рекой. В блеклом лунном свете загадочно мерцали купола Архангельского собора. Ночное небо бархатистым покрывалом простиралось над безмятежно спящей Москвой. И только чуткое ухо могло уловить в тишине тревожный гул. Он нарастал и будил в сердце неясную тревогу. В следующее мгновение ослепительный свет фар разорвал ночной полумрак и багровыми отблесками отразился в окнах. Машина президента России и эскорт на бешеной скорости пронеслись по пустынным улицам и исчезли в зеве Спасской башни. Прошло несколько минут и на втором, третьем этажах главного корпуса одно за другим вспыхнули окна. Эта тревожная переключка вскоре отозвалась на Лубянской и Арбатской площадях, в зданиях ФСБ и Министерства обороны...

Ночной звонок вырвал Сердюка из сна. После изматывающего дня он с трудом поднял голову с подушки и взял телефон. Звонил дежурный по Департаменту военной контрразведки, и передал указание Градова: немедленно прибыть на службу. Успокоив встревоженную жену, Сердюк прошел в ванну и принял холодный душ. Вода прогнала остатки сна и придала свежести. Ждать дежурную машину ему не пришлось, она находилась у подъезда. Дожевывая на ходу бутерброд, он сбежал по лестнице, втиснулся на переднее сидение и, поздоровавшись с водителем, спросил:

— Володя, что случилось?

— Не могу знать, Анатолий Алексеевич. Приказано вызвать на службу всех замов и вас, — ответил водитель.

— Наверное, Южная Осетия, — предположил Сердюк и, бросив взгляд на часы, поторопил: — Давай, шустрее!

— Есть! — ответил Владимир и прибавил скорость.

Срезая повороты и не обращая внимания на знаки, он выжимал из машины все, что можно. Через пятнадцать минут впереди возникла мрачная громада Лубянки. Обычно наглухо закрытые ворота на этот раз были широко распахнуты. Владимир, притормозив на въезде, влетел во двор. В нем уже стоял десяток машин, среди них находилась BMW Градова. Сердюк на ходу открыл дверцу и побежал в подъезд. Контролер на вертушке, скользнув взглядом по нему, удостоверению, и торопливо нажал кнопку на пульте. Створки кабинки распахнулись, Сердюк выскочил в холл, не стал дожидаться лифта, зависшего где-то на шестом этаже, на одном дыхании поднялся на седьмой и ворвался в приемную. В ней дежурный и помощник разрывались между телефонами.

— Что, война, Гена? — окликнул Сердюк дежурного.

— Похоже, так! — подтвердил тот и, прижав трубку к уху, потребовал: — Ты можешь доложить толком!

— Где? — Сердюк дернул за рукав дежурного.

— Пока Южная Осетия! — обронил тот и продолжил теревить вопросами далекого собеседника.

— Вот же, сволочи! — не сдержался Сердюк и вошел в кабинет Градова.

В нем находились заместители: генералы Юрий Шепелев и Николай Зайченко.

— Проходи, Анатолий Алексеевич! — махнул рукой Градов на свободный стул и вернулся к разговору по телефону.

По выражению его лица Сердюк догадался: положение в районе боев тяжелое. Голос начальника отдела по миротворческим силам в Южной Осетии подполковника

Владимира Гридина был едва слышен. Он тонул в грохоте разрывов и отрывистых командах, далеким эхом звучащих в московском кабинете. Судя по ним, бой с грузинскими командос шел вблизи штаба 135-го батальона 19-й мотострелковой дивизии, располагавшегося в «южном лагере» миротворческих сил.

— Владимир Иванович?! Владимир Иванович, сколько можете продержаться?! Сколько? — добивался ответа Градов.

— Что?! Ты это кончай!

Зайченко не сдержался и выругался. Ручка, зажата в мощном кулаке Сердюка, жалобно хрустнула, и на стол посыпались обломки. А в голосе Градова зазвучали стальные нотки.

— Володя, выбрось это из головы! Не смей даже думать! Держитесь! Ты меня слышишь? Держись! С минуты на минуту будет решение о вводе в Южную Осетию 58-й армии. Так и передай всем! Россия вас не бросит! Это пока все, чем могу помочь.

— Что?! Не пори горячки! Береги себя и людей. Молодых под пули не бросай и...

В трубке что — то хрястнуло. Градов мотнул головой и, плотнее прижав ее к уху, крикнул:

— Повтори! Не расслышал!

— Правильно! Другое дело! Еще раз прошу, зря головы под пули не подставляй! Держитесь! Авиация и десантники уже на поле и ждут приказа!

— Что?! Не сомневайся, свернем башку тварям!

— Георгий Александрович, последняя информация. На текущее время псковские десантники генерала Колпаченко находятся на борту. Двигатели разогреты, — сообщил Шепелев, а затем, склонившись над мобильным телефоном специальной связи, принялся что-то уточнять.

Градов принял это к сведению и вернулся к разговору с Гридиным.

— Володя, десантники уже на крыле!

— Вот и молодец! Как обстановка у Рокского тоннеля?

— Нет связи?

— С какого часа?

— Так, так, — повторял Градов, его пальцы нервно забарабанили по столу. Он искал выход.

— Там должен находиться кто-то из наших работников, — предположил Зайченко.

Градов встрепенулся и снова обратился к Гридину:

— Владимир Иванович, кто из твоих у Рокского?

— Савельев? Ковалев?

— Когда последний раз выходили на связь?

— Два часа назад? И каково было положение?

Продолжая выслушивать доклад Гридина, Градов сделал жест Шепелеву и распорядился:

— Юрий Дмитриевич, вывернись на изнанку, но свяжись с Савельевым или Ковалевым! Тоннель — это ключ! Если его закупорят, то хана!

— Уже пытался. Армейская связь не работает! А высокочастотной у ребят нет, — доложил тот.

— Только сотовая. Остальное все глушится, — уточнил Зайченко.

— Мерзавцы, специально оставили, чтобы слушать наши переговоры! — с ожесточением произнес Шепелев.

— Плевать, ищи на сотовом! Мне и Директору надо знать ситуацию у тоннеля! — потребовал Градов.

— Георгий Александрович, так перехватят же?! — воскликнул Шепелев.

— А потом поднимут вой и обвинят Россию во всех смертных грехах, — заключил Сердюк.

— Да пошли они на... — взорвался Градов.

— Георгий Александрович, сейчас же займусь связью! — заверил Шепелев, поднялся из-за стола и поспешил на выход.

— Стой! — задержал его Градов, его голос дрожал от гнева, — Юра, прямым текстом сообщи Савельеву про 58-ю армию и десантников! Пусть мерзавцы слушают! Политесы

закончились! Доигрались! Вмажем так, чтобы на всю жизнь запомнили!

— Понял, Георгий Александрович! — подтвердил Шепелев и ринулся в приемную.

Градов проводил его взглядом и снова обратился к Гридину:

— Ты все слышал, Владимир Иванович?

— Вот и молодец! Так и действуй! — одобрил Градов и, положив трубку, в сердцах сказал: — Как же так прошляпили?! Как?

— Выходит, информация наших разведчиков об операции «Чистое поле» не была дезой и шантажом спецслужб Грузии, — вспомнил Зайченко о докладах, поступавших в Департамент из подразделений военной контрразведки и ГРУ, находящихся в Абхазии и Южной Осетии.

— Чистое, говоришь? — и голос Градова загремел в кабинете: Мерзавцы! Подлецы! Ну, ничего это поле для них станет нечистым! Мы размажем на нем всю ту нечисть!

Также как и Градова гнев и возмущение душили Зайченко и Сердюка. В последнее время, слово «война», звучавшее в этом кабинете, казалось им очередным блефом закусившего удила президента Грузии Саакашвили. Они не могли поверить в то, что грузинское руководство решится на подобную авантюру. Но скупые строчки докладов Гриднева из Южной Осетии и Быстронога из Абхазии, буквально сочившиеся кровью, усиливали ощущение приближающейся катастрофы на Южном Кавказе. Его не развеяли умиротворяющие заявления хозяина Саакашвили — президента США Буша и подпевавшего ему министра иностранных дел Германии Штайнмайера. В июне-июле 2008 года он челноком сновал между Москвой, Сухумом и Тбилиси. В результате напряженных дипломатических переговоров на свет появился, так называемый «план Штайнмайера». Казалось бы, наконец, сделан серьезный шаг в разрядке напряженности на Южном Кавказе. Так думали те, кто питал иллюзии в отношении режима Саакашвили и вскормивших

его западных «спонсоров». Военные контрразведчики, находившиеся в Южной Осетии и Абхазии, получали иную информацию.

По их данным в последние недели июля и первые дни августа на военную базу в Вазияни один за другим приземлялись натовские военные самолеты, а в морской порт Поти зачастили торговые суда под флагами Украины и Польши. По той скрытности, с какой проводились разгрузочные работы, напрашивался вывод: в Грузию завозилась явно не гуманитарная помощь. Это наводило Градова и его подчиненных на мысль — Саакашвили в очередной раз намерен поиграть военными мускулами. Подтверждением тому стали события пятого и шестого августа. В те дни по всей разделительной линии между миротворческими силами и осетинскими ополченцами с частями грузинской армии происходили ожесточенные перестрелки. Счет убитых и раненых шел на десятки.

Сложной оставалась обстановка и на границе с Абхазией. В верхней части Кодорского ущелья воздушная разведка российских миротворческих сил зафиксировала сосредоточение значительного количества живой силы и бронетехники грузинских войск. Накануне, на военной базе второй пехотной бригады в Сенаки не затихал рокот авиационных моторов. Несколько рейдовых групп грузинского спецназа было замечено на расстоянии 25-30 километров от Сухума в районе населенных пунктов Дал и Цабал.

Пружина, назревавшего военного конфликта, полыхавшего грозными зарницами вдоль границ Южной Осетии и Абхазии, сжалась до предела. В ночь на седьмое августа в штабах миротворческих сил в Сухуме и Цхинвале, не сомкнули глаз. Боевое охранение и расчеты усиления заняли места в окопах и укрытиях. Выдвинутые к грузинским позициям разведдозоры чутко прислушивались к обманчивой ночной тишине.

Теплая, напоенная душистым запахом горного разнотравья, августовская ночь подошла к концу. Робкая розовая

полоска окрасила нежным цветом горизонт на востоке. Звезды трепетно мигнули, и через мгновение ослепительная вспышка разорвала предрассветный полумрак. Вечные ледники на вершине Мзиунархи озарились таинственным светом, и затем, слепящий глаза бриллиантовый водопад хлынул в долину. Впервые за последние недели о восходе солнца возвестило не раскатистое эхо пулеметных выстрелов и глухие хлопки мин, а мирное щебетание птиц. Весь день 7 августа на позициях царила удивительная тишина, а после полудня грузинская армия начал отвод тяжелой техники в направлении Гори.

Вечером президент Саакашвили выступил по телевидению. Его обращение мало кого убедило в своей искренности, но в нем были другие — более важные для уставших от постоянных провокаций людей слова. Он предложил руководителям Южной Осетии сесть за стол переговоров без всяких предварительных условий. В очередной раз угроза войны, казалось бы, на время была отодвинута. В тот вечер, в прилегающих к границе с Грузией осетинских селах жители легли спать без оружия под рукой. Не столько обращение Саакашвили, сколько грядущая Олимпиада породила у них надежду — до ее окончания они не услышат выстрелов.

В Москве тоже рассчитывали на такой ход событий и перевели дыхание. Градов до последней минуты надеялся, что политикам и дипломатам удастся договориться и не допустить войны. Доклад Гридина не оставил и следа от надежды. Тяжелая артиллерия грузинских войск уже четвертый час ровняла с землей не только позиции осетинских ополченцев, расположение батальона российских миротворцев в «южном лагере», но и гражданские кварталы Цхинвала. Под руинами гибли беззащитные старики, женщины и дети. Эта была подлая, вероломная война!

В душе Градов снова поднялась свинцовая волна ненависти. Пальцы, сжались в кулаки, а кожа от напряжения побелела на костяшках. В эти мгновения он всем своим

существом находился там, в объятном пламенем пожарищ Цхинвале, рядом с подчиненными.

— Георгий Александрович, как ситуация? Большие потери? — решил нарушить невыносимо тягостную паузу Зайченко.

— Ситуация? Потери? — машинально повторил Градов.

— А что Тбилиси? — спросил Сердюк.

— Тбилиси? Сволочи! Как фашисты в сорок первом! — прорвало Градова.

— Изверги! Там же дети, старики! — негодовал Зайченко.

— Буш, мерзавец, вскормил этого пса Саакашвили! — взвыл Сердюк.

— Ничего, разберемся с их псарней! — заявил Градов.

— Ответят! По полной программе! — выразил вслух общее чувство Градов и потянулся к аппарату прямой связи с Директором.

В двери возник взволнованный дежурный.

— Извините, товарищ генерал! Агольцев выходит из Абхазии и требует немедленно соединить с вами! — доложил он.

— Пряма-таки требует? — проворчал Градов.

— Да! У него ЧП! — замявшись, ответил дежурный.

— Час от часу не легче, — вырвалось у Зайченко.

Градов поднял трубку. В кабинете, так будто тот был рядом, зазвучал голос Агольцева.

— Извините, товарищ генерал-полковник, у нас... у меня...

— Виктор Александрович, не время извиняться! В Южной Осетии война! Давай по существу! — оборвал Градов и в следующее мгновение изменился в лице.

— Что?! Как такое могло произойти?! — больше у него не хватило слов.

Зайченко и Сердюк напряглись, и их взгляды сошлись на Градове. На него было страшно смотреть. А когда к нему вернулся дар речи, он дал себе волю:

— За это голову мало оторвать! Агольцев, ты хоть понимаешь, что вы натворили?!

В ответ из трубы доносилось невнятное бормотание. Взяв себя в руки, Градов потребовал:

— Агольцев, давай без соплей и по порядку.

Связь с Абхазией пока работала устойчиво. Зайченко с Сердюком стала понятна бурная реакция Градова. Тут было от чего схватиться за голову.

— Кочубея взяли на явке с Багратионом, — повторил Агольцев.

— Это я понял. Где? Когда? Ты можешь доложить толком? — терял терпение Градов.

— В километре от «лечебницы».

Взгляды генералов обратились к карте Грузии.

— Так это же Зугдидский район?! Какого черта их туда понесло? — недоумевал Зайченко.

— Георгий Александрович, вы же категорически запретили работать с агентурой на сопредельной территории?! — ничего не мог понять Сердюк.

— Это я у тебя должен спросить, Анатолий Алексеевич? Твои же подчиненные! — в сердцах бросил Градов и снова обрушился на Агольцева: — Мои приказы вам что, не указ? Какого лешего вас туда понесло?

— Багратион сообщил: есть убойная информация. Дальше не стал говорить, боялся, что запеленгуют. Кочубей с Остащенко рванули на явку, — говорил Агольцев.

— Убойная? Рванули? А ты где был?! — негодовал Градов

— В Сухуме. Виноват, я...,

— Виноват?! Ладно, с тобой потом разберемся. Что с остальными? Есть потери?

— Остащенко тяжело ранен и еще один легко.

— Кто?

— Из местных. Прикрывал явку.

— Что намерен делать?

— Отбить Кочубея! Они недалеко ушли. Я их достану! Я...

— Стоп! Не пори горячки. Тебя еще в придачу прихватят. Будь на связи! Я сообщу решение!

— Время уходит, товарищ генерал! Упустим! — взмолился Агольцев.

— Я, кажется, русским языком сказал: сиди и не дергайся! — отрезал Градов и обратился к Зайченко и Сердюку: — Ваши оценки и предложения, товарищи генералы?

Они переглянулись.

— Классическая подстава на агенте. Основная ее цель упредить и скомпрометировать наши действия по защите осетин и абхазов. Для этого Кочубея вытащат на западных журналистов и начнут кричать о подготовке российскими спецслужбами военного переворота в Грузии, — предположил Сердюк.

— Похоже, так оно и есть, — обронил Градов, перевел взгляд на Зайченко и спросил:

— Ты что скажешь, Николай?

— Полагаю, что Кочубею отводят более зловещую роль...

— Ты мне еще про тень отца Гамлета расскажи! — раздраженно бросил Градов и потребовал: — Давай по делу?

Зайченко проглотил его выпад и вернулся к своей версии:

— Это вытекает из наших материалов на завербованных грузинскими спецслужбами офицеров Хачишвили и Уртадзе.

— Так, к чему ты клонишь? — торопил Градов

— К тому, Георгий Александрович, что из них выбивали признания о подготовке покушения на Саакашвили.

— И не только, а Чвадзе? Ему навесили схрон с оружием и группу боевиков, — напомнил Сердюк.

— Хотите сказать: мерзавцы собираются подвязать все это к Кочубею?

— Думаю, что так, Георгий Александрович, а Багратион сыграл роль живца, — заключил Зайченко.

— Ну, подлецы! Ну, негодяи! — поражался Градов.

— Берия здесь отдыхает! — мрачно обронил Сердюк.

— Попал наш Кочубей в переплет! Как теперь из него выбраться? Как? — не находил выхода Зайченко.

— Я в Николае уверен. Но если накачают психотропами то тут.. — Сердюк развел руками.

— Как пацанов вокруг пальца! — терзался Зайченко

— Еще не вечер, — не терял надежды Сердюк

— Не вечер, а туши свет и бросай гранату. Нет, надо что-то предпринимать. Надо! — лихорадочно искал выход Градов.

— Перехватить пока не довели до Тбилиси, — предложил Зайченко и потупил взгляд, это было скорее из области фантастики.

Сердюк промолчал.

— А ты, что молчишь, Анатолий Алексеевич? — обратился к нему Градов.

— Надо лететь на место и действовать по обстановке, — предложил тот.

— Действовать по обстановке? Но как? — задавался этими вопросами Градов.

Его высокий лоб прорезала глубокая морщина, а жесткие складки залегли у уголков рта. Зайченко и Сердюк хранили молчание, так как ясно представляли, какой колоссальной ответственности груз давил на плечи Градова. На одной чаше весов лежала судьба человека — Кочубея, а на другой — политический ущерб интересам России, который могла нанести акция грузинских спецслужб. Откинувшись на спинку кресла, Градов обвел взглядом генералов и задал вопрос:

— Так что же будем делать, товарищи?

— Разрешите, Георгий Александрович, — первым решился Сердюк.

Градов кивнул головой. Сердюк встал из-за стола, прошел к карте западного региона Грузии, прикинул расстояние от места захвата Кочубея до ближайшего поста миротворцев и приступил к изложению своего предложения:

— Если Кочубея перебросили бортом на базу в Сенаки, то шансов сорвать акцию, у нас нет. Остается только...

— Да погоди ты, с шансами! — перебил его Градов и нажал кнопку вызова дежурного.

— Слушаю вас, товарищ генерал, — ответил тот.

— Геннадий Васильевич, немедленно свяжись с военными и уточни метеосводку в районе Зугдиди. Срочно!

— Есть! — принял к исполнению он.

Вернувшись к докладу Сердюка, Градов распорядился:

— Продолжай, Анатолий Алексеевич.

— Так вот, если по тем или иным причинам Кочубея не смогли отправить бортом в Сенаки, то у них нет другого выхода, как идти пешком.

— Пешком? — задался вопросом Зайченко и сам ответил: — Можно и на внедорожнике.

— Судя по местности, где Кочубей проводил явку с Багратионом, там дорог нет, — возразил Сердюк.

— Карте верить, большой вопрос? — усомнился Зайченко.

— Сейчас узнаем, — положил конец спору Градов, взял трубку ВЧ-связи и спросил: — Агольцев, там, где взяли Кочубея дороги есть?

— Только с нашей стороны убитый проселок, товарищ генерал — полковник, — ответил тот.

— А с их?

— В ближайшей округе нет, если не считать троп.

— Уже легче. Что с погодой?

— Со вчерашнего дня льет, как из ведра и сильный туман. Сейчас слегка прояснилось, но горы затянуты тучами.

— Так-так, еще не все потеряно! — оживился Градов.

Приободрились и генералы. Природа была на их стороне, а значит ситуация не выглядела столь уж безнадежной. Теперь все зависело от решительности Градова и неумолимого времени. А оно таяло.

— Георгий Александрович, пока не поздно надо подключать «Альфу»! А то уйдут на Сенаки! — торопил события Зайченко.

— Про Потю тоже не стоит забывать. Там у них больше вариантов: по воздуху, морем и железной дорогой, — напомнил Сердюк.

— И на все про все у нас не больше шести-восьми часов, — прикинул Градов и тут же принял решение: — Анатолий Алексеевич, бери с собой самых толковых и немедленно на Чкаловский! Я доложу Директору по ситуации, и буду просить ребят из «Альфы». В воздухе согласишься с ними план операции. Николай Валентинович, ты остаешься в Москве. Все текущие вопросы на тебе. Я, после доклада Директору, вместе с Шепелевым вылетаю в Моздок, чтобы быть ближе к войскам. Всем все ясно?

— Да! — в один голос подтвердили генералы и поднялись на выход.

— Анатолий Алексеевич. Толя, задержись, — остановил его Градов.

Сердюк обернулся и бросил на него вопросительный взгляд. Градов сделал шаг, пытливо посмотрел в глаза и заговорил таким тоном, что Сердюк невольно подтянулся.

— Толя, я приказываю! Нет, я прошу, сделай все возможное и невозможное, но отбей Кочубея! Ты, понял?

— Да, товарищ генерал! — дрогнувшим голосом ответил он.

— Хорошо! И еще, — в глазах Градов разлилась такая лютая ненависть, что Сердюк поежился, — За Кочубея они должны поплатиться самой большой ценой! Повторяю, самой большой! Живыми никого не брать! Пусть мерзавцы раз и навсегда, зарубят на своем поганом носу: за одну только мысль — тронуть нашего — им до конца жизни не расплатиться.

— Есть! Выполню! — заверил Сердюк.

— Удачи тебе, Толя! Жду с Кочубеем! — пожелал на прощание Градов, возвратился к столу, поднял трубку телефона и спросил: — Агольцев, ты меня слышишь?

— Так точно! — прозвучало в ответ.

— Через пару часов у тебя будет генерал Сердюк вместе с бойцами «Альфы»! До его прибытия никакой самодеятельности! Хватит! И так уже дров наломали!

— Товарищ генерал -полковник, кто думал, что так все обернется. Я...

— Перестань причитать! Встречай Сердюка, и вытаскивайте Кочубея! — оборвал его Градов и надавил на кнопку вызова дежурного по департаменту.

— Товарищ генерал, по погоде информация еще не поступила, — поспешил с докладом тот.

— Потом с ней. Сердюк тебе назовет офицеров. Поднять по тревоге, послать машины и отправить на авиабазу.

— Есть! — прозвучало в ответ.

Сердюк уже был в приемной и на ходу бросил дежурному:

— Гена, вызывай Салтовского с Саликовым!

После этого он заскочил к себе в кабинет, переоделся в полевую форму, достал из сейфа пистолет с запасом патронов и ринулся вниз к машине. Водитель, сонно клевавший носом, встрепенулся, протер глаза и спросил:

— Куда едем, товарищ генерал?

— На войну, Володя! — машинально произнес Сердюк.

— Куда, куда?! — оторопел тот.

— На Южную Осетию напали. Бои идут в Цхинвале!

— Как?! ... — задохнулся от возмущения Владимир.

— Вперед, Вова! Самолет ждет! — поторопил Сердюков.

Москва еще нежилась в утренней дреме, а в далеком Цхинвале ударные танковые группы грузинских войск бронированными клыками вгрызались в южные окраины города. Вслед за ними двигались штурмовые отряды и добивали тех, кто еще уцелел в этом огненном аду. Оборона Цхинвала распалась на отдельные очаги сопротивления. Российские миротворцы и разрозненные группы югоосетинских ополченцев стояли насмерть, надеясь, что российская армия придет им на помощь. И она пришла. Части 58-й армии Северо-Кавказского военного округа двинулись к

Рокскому тоннелю. В небо поднялись «Ил-86» с бойцами седьмой и семьдесят шестой воздушно-десантных дивизий и взяли курс на Моздок и Сухум.

Чкаловский встретил Сердюка оглушительным ревом авиационных моторов. На входе в штаб его ждали начальник отдела военной контрразведки по авиабазе подполковник Сергей Смирнов и старший оперуполномоченный Иван Устин.

Поздоровавшись, Сердюк не стал заходить к ним в кабинет и сразу перешел к делу:

— Что с бортом на Абхазию?

— Готов! «Тушка», на пятой стоянке, — махнул рукой в ту сторону Смирнов.

— «Альфа»?

— Вот-вот будет

— Салтовский и Саликов?

— Только что звонили. На подходе.

— Тогда к самолету! Там подождем! — распорядился Сердюков.

Они проехали на стоянку. Чуть позже к ним присоединились Салтовский с Саликовым. Прошло еще несколько минут и к самолету подъехали два микроавтобуса. Из них высыпало десять бойцов. Взвалив на плечи огромные рюкзаки — сумки, они направились к трапу.

— Ребята, быстрее, быстрее! — поторапливал бойцов высокий, атлетического сложения лет тридцати командир. Его лицо Сердюку показалось знакомым. Он шагнул на встречу и представился:

— Генерал Сердюк!

— Майор Артем Лелюхин. Центр специального назначения. Поступаем в ваше распоряжение, товарищ генерал! — доложил он.

Сердюк крепко пожал руку майора и с улыбкой заметил:

— У тебя все равны, как на подбор!

— Дядька Черномор тоже имеется, — в тон ему ответил Лелюхин и кивнул в сторону великана, за спиной которого рюкзак казался детской сумкой.

— С такими богатырями мы нашего Кочубея точно отобьем! Поднимайтесь и располагайтесь, — пригласил на борт Сердюк, затем прошел в кабину к пилотам и распорядился: — Все в сборе, командир! Взлетаем!

— Есть! — ответил тот, и его рука опустилась на рычаги управления двигателями.

Ту-134 тронулся со стоянки и, набирая скорость, покатил к взлетной полосе. Оперативно-боевая группа военной контрразведки и Центра специального назначения ФСБ России без суеты заняла места в салоне. Самолет еще не успел набрать высоты, а Сердюк с Лелюхиным уже занялись разработкой плана операции. Расстелив на столике крупномасштабную карту Западной Грузии, они через минуту говорили на одном понятном только профессионалам языке. К концу полета план освобождения Кочубея приобрел зримые очертания, отдельные его спорные детали Сердюк рассчитывал уточнить на месте у Агольцева. До встречи с ним и начала самой операции оставалось несколько минут. Об этом напомнил, выглянувший из кабины пилота бортиженер.

— Товарищ генерал, Сухум! Заходим на посадку! — объявил он.

Двигатели надсадно загудели, и самолет сотрясла крупная дрожь. Сердюк приник к иллюминатору. Под крылом вспенился прибой. За ним, до самого горизонта широкой изумрудной лентой субтропиков вытянулась прибрежная полоса. Над ней мрачной гигантской стеной нависал горный хребет. Знойное солнце растопило снег на южных склонах, и лишь вершины блистали чистотой вечных ледников.

Внезапно небо, море и горы смешались в цветном kaleidoscope. Пилот, торопясь с посадкой, заложил крутой вираж. Сердюка вжало в кресло. Прошла минута, другая и тупой удар шасси о бетонку сказал ему, что под ногами земля Абхазии. Не дожидаясь остановки двигателей, вся группа двинулась к выходу. Звякнули замки трапа, люк распахнулся.

Сердюк с горечью подумал о сгоревшей семейной путевке в санаторий и бросил грустный взгляд в сторону берега. Пестрый цветник из разноцветных зонтиков, усыпавший песчаный пляж и юркие скутеры, пенявшие морскую гладь, напоминали о том, что курортный сезон находится в разгаре. Но эта иллюзия беззаботной жизни, которой тысячи отдыхающих еще продолжали жить в Абхазии, исчезла при взгляде на аэродром.

Из гигантских «Ил-86» шла выгрузка боевой техники. Рев авиационных двигателей смешался с гулом БТРов и БРДМов. Они, изрыгая сизые клубы дыма, с грохотом выкатывались из чрева самолета и тут же на взлетном поле выстраивались в походную колонну. У здания аэровокзала, прячась в тени, расположились десантники. Военная машина российской армии, запущенная на полные обороты, работала без сбоев.

Эта мощь и слаженность действий военных вселили в Сердюка уверенность. Быстрым шагом он спустился по трапу. Навстречу ему спешил Агольцев. За ним неловко переминались двое местных сотрудников. Один из них выделялся ростом и мощной мускулатурой. Сердюк догадался, это был тот самый Кавказ, о котором докладывал Кочубей.

— Здравствуй, Виктор, — поздоровавшись, Сердюк спросил: — Как Остащенко?

— Операция прошла нормально, — доложил Агольцев.

— Ранение серьезное?

— Прошито левое легкое. Хирург сказал, повезло.

— Хорошо бы еще нам повезло, — обронил Сердюк и, обернувшись, представил: — Познакомься, командир группы «Альфа»-майор Артем Лелюхин.

Агольцев обменялся с ним крепким рукопожатием.

— Теперь к делу, Виктор! Что мы имеем? — поторопил Сердюк.

Тот коротко изложил события последней ночи.

— Выходит, наш единственный помощник погода. Но, судя по тому, что вижу, и тот ненадежный, — заключил Лелюхин.

— В горах все по-другому. По-прежнему туман и дождь, — обнадежил Агольцев.

— Будем надеяться. Какие у тебя предложения? — перешел к плану операции Сердюк.

— Их немного. Перехватить на марше. Есть два вероятных маршрута: на Сенаки и Поты — назвал Агольцев и полез в планшет за картой.

— Не надо! — остановил Сердюк, — Мы с Артемом тоже сошлись на них. Вопрос, как перехватить? Времени, в лучшем случае, у нас часа четыре-пять. Это если они не перебросили Николая в Сенаки или Поты. Но будем надеяться на лучшее и орлов Артема!

— Мы постараемся. Но на такой площади одних наших сил не хватит. Без помощи военных не обойтись, — посетовал Лелюхин.

— Значит, попросим! — заявил Сердюк.

— Анатолий Алексеевич, надо решать сейчас, пока командир полка здесь, — предложил Агольцев.

— Давай, к нему! — потребовал Сердюк.

Забравшись в УАЗ, он, Лелюхин и Агольцев проехали к аэровокзалу, поднялись на второй этаж и вошли в тесную комнату. Она гудела от возбужденных голосов. Группа офицеров, сгрудившись у стола, склонилась над картой и что-то бурно обсуждала. Среди них выделялся коренастый, лет сорока, со стрижкой ежик, подполковник. Появление посторонних вызвало на его лице недовольную гримасу.

— Что за делегация?! Я занят! — рявкнул он.

Его командирский рык невольно заставил контрразведчиков вспомнить курсантские годы и грозного старшину курса. Сердюк прокашлялся и только тогда обрел голос:

— Товарищ подполковник, извините, что вмешиваюсь, но нам с вами надо срочно поговорить!

— А вы кто такие? — не менял тона командир-десантник.

— Генерал Сердюк. Военная контрразведка.

— А-а! Подполковник Иванов, седьмая воздушно-десантная дивизия, — сбавил он тон.

— Товарищ подполковник, у меня разговор конфиденциального характера.

— Понял, товарищ генерал. Товарищи офицеры, подождите за дверью! — распорядился Иванов.

Они вышли и Сердюк, избегая деталей, изложил ситуацию

— Да, тяжелый случай, даже не знаю чем помочь, — развел руками Иванов и посетовал: — У меня своих задач по горло. Заткнуть выход из Кодорского ущелья. Блокировать дороги на Зугдиди, Сенаки, Поты. И все одним полком.

— Понимаю, — посочувствовал Сердюк и предложил: — Повремените с Сенаки. Оставьте этот выход, мы рассчитываем там перехватить группу.

— Не вопрос, — согласился Иванов.

— У нас не больше четырех часов. Поэтому без ваших вертушек не обойтись, — вступил в разговор Лелюхин.

— И без ваших орлов тоже, — присоединился к нему Сердюк.

— Я, готов. Но. — Иванов ткнул пальцем вверх, — Сами, понимаете. Нужен приказ.

— Приказ?! Будет приказ! — Сердюк обернулся к Агольцеву и спросил: Где ближайшая ВЧ-связь.

— В отделе у Быстроного и в СГБ. Отсюда двенадцать километров...

— Не надо! — перебил его Лелюхин и предложил: — Анатолий Алексеевич, свяжемся по нашей, надежность гарантирована.

— Годится, Артем! Включай! — приказал Сердюк.

Лелюхин достал из перекинутой через плечо сумки небольшой металлический чемоданчик, пощелкал кнопками, и крышка открылась. Под ней тускло блеснула панель ап-

паратуры. Он щелкнул тумблером: «питание», и в нижней части замигал зеленый глазок. Связь у Альфы работала безотказно.

— Соедините с Градовым! — потребовал Сердюк и, прокашлявшись, доложил: — Георгий Александрович, мы в аэропорту Бабушера!

— Быстро добрались! План действий с Альфой согласовал? — спросил Градов.

— Основные позиции да. Но без помощи военных не обойтись. Рядом командир полка десантников. Он готов помочь, но нужна команда!

— Как фамилия? Какая дивизия?

— Иванов, седьмая воздушно-десантная из Новороссийска.

— Иванов — это хорошо! На таких, как он Россия держится. Передай ему, приказ будет!

— Тогда у меня все. Начинаем выдвижение к границе...

— погоди, Толя! — остановил его Градов и предупредил: — Сам на ту сторону не вздумай соваться! Не хватало, чтобы еще тебя утащили. Твоя задача вместе с Быстроногом развернуть оперативный штаб на абхазской стороне и координировать действия группы захвата с военными. С «Альфой» отправь Агольцева. Вопросы?

— Нет! — ответил Сердюк.

— Удачи! — закончил разговор Градов.

Сердюк передал аппаратуру Лелюхину и вернулся к разговору с Ивановым:

— Ты все слышал, командир?

— Да, — подтвердил тот.

— Не сомневайся, приказ будет! У военной контрразведки слово твердое.

— Знаю, не первый день в армии. Что, конкретно, от меня требуется?

— Артем скажет, — кивнул Сердюк на Лелюхина.

Иванов оценивающим взглядом пробежался по нему и поинтересовался:

— Майор, а у тебя все такие?

— Других в «Альфе» не бывает, — с улыбкой ответил Лелюхин.

— «Альфа»?! Для вас, ребята, сделаю все, что могу.

— Спасибо, много не надо. Вертушку, одно отделение бойцов и десяток гранатометов, — перечислил Лелюхин.

— Не вопрос. Четвертый борт ваш. Лучший экипаж. С закрытыми глазами летает, — и, обернувшись к двери, Иванов гаркнул: — Пармонов, зайди!

На пороге возник высокий, худощавый капитан.

— Миша, отправь ребятам лучшее отделение из роты и десять гранатометов, — приказал Иванов.

— Есть, Сергей Прокофьевич! — принял он к исполнению.

— Спасибо, командир! Век не забуду! — произнес Сердюк.

— Ну, что вы, товарищ генерал, одно дело делаем, — смутился Иванов.

— Тогда к тебе еще одна просьба. Если не трудно, как только небо откроется, проутюжить вертушками тропы на направлениях Зугдиди и Поты.

— Сделаем.

— Вот теперь все! Удачи тебе и твоим бойцам, Сергей Прокофьевич, — пожелал на прощание Сердюк и вышел из кабинета.

По дороге к вертолету к оперативной группе ФСБ присоединился поджарый старший лейтенант с десятком десантников. Не мешкая, Сердюк дал команду на взлет. Перегруженная машина тяжело оторвалась от земли и взяла курс к границе с Грузией.

Глава 16

Яркая вспышка молнии разорвала темноту и осветила лицо Багратиона. Его оскал не оставлял у Кочубея сомнений в том, что засада — не случайность, а тщательно спланированная грузинскими спецслужбами операциями, в которой агент-двойник сыграл роль живца. Ненависть придала Николаю силы, ему удалось вырваться из рук, вцепившихся в куртку. Воскликнув: «Засада» — он в отчаянном броске попытался дотянуться до Багратиона, но острая боль пронзила правое плечо, обожгла позвоночник и парализовала ноги. Последнее, что сохранилось в меркнущем сознании Кочубея — треск автоматных очередей.

В ответ на выстрелы Остащенко и Кавказа грузинский спецназ обрушил на них шквал огня.

— Резо?! Остаешься, и добиваешь этих свиней! Остальные, отходим к машинам! — перекрывая шум перестрелки, кричал Ломинадзе.

Бородатый громила взвалил на плечи неподвижное тело Кочубея и, окруженный плотным кольцом спецназовцев, попятился вглубь леса. Там в лощине поджидала группа резерва. Утопая по колено в грязи, они скатились по склону к

машинам и начали спешно грузиться. Сквозь гул двигателей прорывался голос Ломинадзе:

— Вано?! В первую машину. Я за тобой! Гурам, Миха со мной! Зураб, ты что?! Он Гурону живой нужен!

— Мне, что теперь целовать его? — огрызнулся борода-тый громила и, стащив Кочубея с плеча, положил на заднее сидение.

— Заткнись! Надо будет, поцелуешь! — рывкнул Ломинадзе, затем подозвал командира резервной группы и распорядился: Георгий, заберешь Резо и за нами!

— А что с остальными русскими делать? — спросил он.

— Добить!

— Понял!

— Действуй! А мы вперед! Трогай! — приказал Ломинадзе водителю и плюхнулся на переднее сидение.

Мощный рев двигателей заглушил шум дождя. Два «Хаммера», утопая по брюхо в липкой жиже, с трудом выползли из лощины на то, что осталось от заброшенной дороги. Первый километр занял около получаса, а дальше группе Ломинадзе пришлось пробиваться через завалы из камней и деревьев. Вскоре у него иссякло терпение, не дожидаясь выхода на первую контрольную точку, он приказал водителю остановиться, а радисту развернуть аппаратуру специальной спутниковой связи. На вызов ответил Перси.

— Ястреб, я Гурон! Тебя слышу хорошо! Слышу хорошо! — повторял он.

Ломинадзе не спешил радовать сообщением. В памяти болезненной занозой сидел последний инструктаж американцев. Молокосос Ливицки, корчивший из себя эдакого Бонда, набрался наглости и взялся его поучать. Его, имевшего за спиной десятки боевых операций, проведенных не на бумаге, а в «поле» в Южной Осетии и Кодорском ущелье Абхазии. Теперь же, когда за спиной валялся Фантом, Ломи-

надзе мог себе позволить поиграть на нервах у американцев и пробубнил:

— Гурон, я Ястреб! Я слышу тебя.

— Слышишь?! Где Фантом? Где? — орал Перси.

— Дело дряннь...

— Как?! Почему?!

— Это ад! — продолжал нагнетать обстановку Ломинадзе.

— Что?! — Перси осекся.

— Не могу выйти на контрольную точку. По уши в грязи.

— К черту погоду! Где Фантом?! Где?!

— За спиной валяется.

— Валяется?! ... Что с ним?

Ломинадзе решил не перегибать палку и заявил:

— А ничего, живой.

— Так какого дьявола ты мне нервы мотаешь?! — взорвался Перси.

— Это не я, погода! Вытаскивай, пока они не очухались! — сорвался на крик Ломинадзе.

— Все будет о'кей, Ястреб! Держись! — сбавил тон Перси.

— За что?! За... — и Ломинадзе грязно выругался.

— Как только появится возможность, направим стрекозу, — успокаивал Перси.

— Не пробьется, крылья обломает!

— Что-нибудь придумаем. Что русские?

— В аду жарятся! Покрошили, как капусту! — прихвастнул Ломинадзе.

— Потери с нашей стороны?

— Один ранен.

— Отлично, Каха! — в порыве радости Перси забыл о конспирации и объявил: — Награда уже ждет тебя.

— Про счет в банке не забудь, — напомнил Ломинадзе.

— Само собой. И звезду на погоны! — разошелся Перси.

— Чего мелочиться? Две.

— Ты настоящий профи! Ты герой! — рассыпался в похвалах Перси.

В эти мгновения своего профессионально триумфа он готов был расцеловать Ломинадзе. Вместе с двойным агентом Янусом-Багратионом они блестяще выполнили свою миссию. Миссию, в успех которой многие в Лэнгли не верили. Но он — Марк Перси, несмотря ни на что, упорно шел к цели. В конце концов, хитроумный Фантом угодил в расставленную им ловушку. И вот теперь, когда пришел долгожданный успех, Перси не жалел хлебных слов для Ломинадзе. Остановил его Ливицки. Он напомнил о том, что российская служба радиоперехвата не дремлет.

— Ястреб, все, заканчиваем! Как только прояснится, вылетим за вами, — свернул переговоры Перси.

Ломинадзе выключил аппаратуру и поторопил водителя:

— Гурам, поднажми!

— Каха, я и так выжимаю все, что можно из этой американской клячи, — заверил тот и прибавил газу.

Машина с трудом взяла подъем. Ломинадзе не слышал рева двигателя и не замечал тряски, на его лице гуляла блаженная улыбка, дифирамбы, которые только что пропел Перси, вскружили голову. Ему представлялся кабинет президента Саакашвили, толпа журналистов и вспышки фотоаппаратов. В следующее мгновение эта, тешащая его тщеславие, картина померкла — «Хаммер» провалился в глубокую промоину. Ломинадзе слетел с кресла и ударился о лобовое стекло.

— Глаза разуй! — обрушился он на водителя.

— Я что, сова? — огрызнулся тот.

— Дятел недоделанный!

— Каха, он-то чем виноват? Ни черта не видно, — вступился за водителя Гия.

— Заткнись! Тоже мне адвокат нашел, — цыкнул на него Ломинадзе и, потирая вздувшуюся на лбу шишку, рывкнул: — Вперед!

Водитель, бормоча под нос ругательства, тронул машину. Но не проехали они и сотни метров, как ему снова пришлось ударить по тормозам. Ломинадзе успел ухватиться за ручку. Кочубей свалился на пол.

— Сволочь! Ты что дрова везешь?! — взорвался Ломинадзе.

— Тихо! Не дергайся, а то хуже будет, — огрызнулся тот.

— Чего?! Ты на кого пасть разеваешь? — опешил Ломинадзе.

— Не дергайся! Впереди обрыв, — повторил водитель. В тусклом свете фар перед бампером зиял темный провал. Из него доносился рев разбушевавшейся реки. От моста, который еще несколько часов назад стоял на этом месте, не осталось и следа. Пенистые буруны вскипали у самых колес. Казалось, еще мгновение и стихия, как щепку подхватит трехтонную махину и утянет на дно.

— Ша, не дергаться! Выбираемся по одному! Зураб, берешь русского, и пошел! — распорядился Ломинадзе

Громила вылез из машины и затем вытащил Кочубея. Вслед за ними выбрались остальные. Ломинадзе, подсвечивая фонарем под колеса «Хаммера», взялся командовать водителю:

— Медленно, медленно назад. Руль! Руль влево! Смотри за правым колесом! Ползет в речку!

Пока Ломинадзе и Гия возились с машиной, остальные, ища защиты от дождя и пронизывающего ветра, собрались под скалой. Холодные струи, стегавшие по лицу, привели Николая в чувство. Опираясь на непослушные руки, он

приподнялся над землей и прислонился к скале. Перед глазами качался и плыл неправдоподобно громадный силуэт «Хаммера». Рядом с ним мельтешили и что-то кричали размытые тени.

«Я в плену?!» — у Кочубея вырвался мучительный стон.

— А, оклемался?! — прозвучало над головой, и над Николаем склонилась усатая физиономия.

Рука Кочубей скользнула к кобуре. Она была пуста.

— Не рыпайся, гад! — прорычал громила и навалился на него.

Николай пытался оказать сопротивление, но силы были неравны. Громила легко справился с ослабевшим пленником и захлестнул на запястьях веревку. Кочубей от бессилия закричал зубами и, привалившись к скале, ненавидящим взглядом смотрел на суетившихся у берега спецназовцев. Из тросов и веревок они сооружали переправу через реку. Первым на левый берег отправился радист. Вслед за ним, спеленав как куклу, переправили Николая, за ними переправились остальные.

Переправа заняла около часа. К этому времени к ней подтянулась группа Резо. Бой с Остащенко и Кавказом обошелся ей дорогой ценой — на заднем сидении «Хаммера» хрипел тяжелораненый. У него было раздроблено левое плечо и навывлет прострелена грудь. Еще двоих пули зацепили вскользь. Потери русских остались неизвестны, но они не интересовали Ломинадзе. Его заботило только одно, как поскорее выбраться из ловушки, которую устроила природа. В ситуации, когда мощные «Хаммеры» пришлось бросить за рекой, ему и спецназовцам приходилось рассчитывать только на собственные силы. Оставив раненого и водителей на переправе, Ломинадзе, а с ним десять человек и пленник двинулись пешком на встречу с отрядом Старка.

Вскоре ливень прекратился. Раскисшая горная тропа превратилась в настоящий каток. Ноги скользили на узловатых корнях. Ветки буйно разросшегося терновника и гигантской ежевики цеплялись за одежду, царапали руки и мешали движению.

Набухшая от воды веревка глубоко врезалась в запястья Николая и при каждом неловком движении причиняла острую боль.

— Кацо, веревку развяжи! Руки отваливаются, — взбунтовался он.

Ломинадзе ожег его злобным взглядом и рыкнул:

— Заткнись! Двигай вперед!

— Хоть убей, дальше не пойду! — заявил Николай и остановился.

Ломинадзе поиграл желваками на скулах и сквозь зубы процедил:

— Ну, сука, доберемся до Тбилиси...

— Это мы еще посмотрим! — огрызнулся Николай.

— У, тварь! — просипел Ломинадзе, но не стал распускать руки, и распорядился: — Всем привал! Десять минут!

Измотанные переходом спецназовцы уже не искали защиты от дождя и растянулись прямо на камнях. Николай снова попросил:

— Кацо, развяжи руки!

На этот раз Ломинадзе не стал угрожать и приказал:

— Зураб, возьми гада на короткий поводок!

— Может еще на руках понести? — проворчал тот.

— Делай, что тебе говорят! — прикрикнул Ломинадзе.

Серая тень надвинулась на Николая, и над головой раздался рык:

— Встать падаль! Лапы сюда!

Кочубей не торопился исполнять команды и тянул время. Он надеялся на то, что Юрию или Кавказу удалось

вырваться из засады и сообщить Агольцеву. В том, что тот по горячим следам организует погоню, у Николая не возникло сомнений. И в этой гонке со временем, ее исход решали драгоценные секунды и минуты.

Кочубей не сдвинулся с места. Тупой носок армейского ботинка врезался ему в бок. Превозмогая боль, он приподнялся.

— Чего тарашисься? Лапы сюда! — рывкнул Зураб.

Набухшая от воды веревка не поддавалась. Потеряв терпение, Зураб рассек ее ножом, затем из капронового шнура сделал петлю, захлестнул на правой руке Николая, а свободный конец привязал к своему поясу. Это была хоть маленькая, но победа Кочубея. Получив свободу для рук, он торопился воспользоваться ею, чтобы дать о себе знать Агольцеву. Брелок с ключами от сейфа, со встроенным радиомаяком мог навести на след группы Ломинадзе. Улучшив момент, Николай незаметно для Зураба достал его из кармана куртки, включил и спрятал в траве.

Команда Ломинадзе «Подъем!» подняла на ноги спецназовцев. Чертыхаясь и проклиная погоду, они двинулись дальше. На смену сумрачному рассвету пришел пасмурный день. Казалось, сама природа была на стороне Николая. Из ущелий поднялся густой туман и кисельной пеленой окутал тропу и горы. Дальше собственного носа ничего не было видно, темп движения, и без того невысокий, резко упал. Перед перевалом дорожка превратилась в «козью тропу», и спецназовцам приходилось двигаться черепашьям шагом, чтобы не сорваться вниз.

У Николая усилилось головокружение. Он почти ничего не видел и постоянно натыкался на Зураба, Тот выходил из себя и отвечал зуботычинами. В очередной раз Зураб отшвырнул его в сторону. Николай потерял равновесие и сорвался с тропы. Зураб не устоял на ногах, и они покатались к краю пропасти. Их жизни спасла связка из капронового

шнура. Она зацепилась за выступ скалы, и они повисли в нескольких метрах от провала. Подоспевшие на выручку Ломинадзе и Резо оттащили их к тропе. Зураба сломал ногу, а Николай отделался ушибами и ссадинами. И здесь его осенила мысль. Схватившись за голеностоп, он старательно изображал боль.

Ломинадзе рвал и метал. Мало того, что переход, которому не было видно конца, измотал группу, так еще на ее ногах повисли две неподъемные «гири» — Зураба и русского пришлось тащить на себе. Спуск с перевала стал для спецназовцев настоящей пыткой.

Первым взбунтовался Резо.

— Все, Каха, хоть стреляй! Дальше не пойду! — заявил он.

— Что?! Что ты сказал? — взвился Ломинадзе и ухватился за кобуру.

— Мы тоже не пойдем!

— Где американцы?

— Они там виски хлещут, а мы тут погибаем! — взбунтовались остальные.

— Молчать! Захлопнуть пасти! Под суд отдам! — пытался пресечь бунт Ломинадзе.

— Не пугай — пуганые!

— Сам тащи русского! — звучало в ответ.

— Заткнитесь! Сволочи! Трусливые шакалы! — и, потрясая пистолетом, Ломинадзе двинулся на сбившихся в кучку подчиненных.

Резо побледнел, но не отступил и сорвался на крик:

— Все, с меня хватит! Я молчал, когда ты бросил подышать Бесо! Теперь мы погибаем! Хватит играть в индейцев! Выходи на Гурона! Пусть нас вытаскивает!

— Выходи!

— Пусть вытаскивает!

— Мы свое дело сделали! — орали остальные.

— Ах вы, суки! Забыли про русских! Они с вас три шкуры спустят! — использовал последний аргумент Ломинадзе.

Но он не подействовал.

— Выходи на Гуруна!

— Мы тут подыхать не собираемся!

— Идиоты! Черт с вами! — сдался Ломинадзе и, запихнув пистолет в кобуру, вяло распорядился: — Гиви давай связь...

На этот раз российская служба радиоперехвата, с четырех утра 8 августа плотным электронным колпаком накрывшая территорию Западной Грузии, процедив сотни тысяч телефонных и радиопереговоров, смогла выловить тот единственный, который дал ключ к поиску Кочубея. Содержание разговора Ломинадзе с Перси внеочередной сводкой легло на стол Директора ФСБ.

Он и Градов впервые за последние часы перевели дыхание. Ситуация с Кочубеем не выглядела столь уж безнадежной. Грузинский спецназ не смог далеко уйти от границы. Но что было более важно, так это точный прогноз Сердюка — Ломинадзе выбрал северный маршрут. Группу захвата ФСБ отделяло от него совсем немного.

Ознакомившись с расшифровкой радиоперехвата, Градов встретился взглядом с Директором. В его глазах уже не было свинцовой усталости. Он расправил плечи и с облегчением произнес:

— Ну, что, Георгий Александрович, кажется, у нас появился шанс?

— Да. Но если Перси рискнет поднять вертолет, то Агольцев не успеет, Может подключить орлов Гаврилова? — предложил Градов.

— А где гарантия того, что Кочубея останется в живых? Да и поздно уже.

— Тогда с помощью ПВО задавить любую их попытку вывезти группу Ястреба по воздуху?

— Как? В том районе у нас нет таких средств.

— А высотная авиация? — продолжал искать выход Градов.

— Авиация? А что — мысль! Думаю, Министр обороны поможет, — согласился Директор и, завершая разговор, напомнил: — Как говорится, на Министра надейся, а сам не плошай. Воздух воздухом, но все решится на земле! Поэтому, Георгий Александрович, немедленно свяжись с Сердюком и доведи до него перехват. Эта та самая ниточка, которая позволит ему и Агольцеву выйти на Кочубея. Действуй! При поступлении новой информации докладывать мне лично.

— Есть! — коротко ответил Градов и, забыв про солидную должность, высокое звание, выскочил из кабинета, на скоростном лифте спустился в подвальный этаж, по подземному переходу прошел в старое здание, стремительно поднялся к себе в кабинет и на ходу бросил дежурному:

— Геннадий Васильевич, немедленно на связь генерала Сердюка!

Спустя минуту в кабинете Градова зазвонил телефон ВЧ-связи. Он снял трубку. В ней раздался хорошо знакомый голос:

— Генерал Сердюк, по вашему указанию, Георгий Александрович!

— Какие еще указания? Ты просто молодец, Толя! Ты их вычислил! — не стеснялся своих чувств Градов и, раскрыв папку с расшифровкой радиоперехвата, распорядился:

— Записывай координаты группы Ястреба.

Сердюк, прижав трубку к уху, склонился над картой. После первых фраз Градова его лицо просветлело. Он прикинул расстояние — группу Агольцева и группу Ястреба разделял всего один короткий марш-бросок.

— Георгий Александрович, между ними всего восемь километров! Восемь! — воскликнул Сердюк.

— Отлично! И еще, у Ломинадзе двое сломали ногу. Один — это наш Николай. Так что шансы Агольцева растут.

— При таком раскладе через час-полтора достанем мерзавцев.

— Как с погодой? Она определяет все!

— В ближайшие часы улучшения не ожидается. А как будет дальше, синоптики ничего не гарантируют. Это же горы.

— Поэтому надо рассчитывать только на себя. Действуй без промедления! — потребовал Градов.

— Есть! Сейчас же доведу информацию до Агольцева, — заверил Сердюк.

— Это им придаст дополнительные силы.

— Теперь они их точно не упустят.

— Будем надеяться.

— Я верю в ребят!

— Ладно, Анатолий Алексеевич, давай без клятв. Там, на земле они и без нас сделают все как надо. Наша задача наглухо закрыть небо. Если у этих «ястребов» и «гуронов» хоть что-то оторвется от земли, сразу загасить!

— Как, Георгий Александрович?! Здесь нет таких средств ПВО.

— Знаю, Толя! Поможем! Директор решает с Министром обороны вопрос, чтобы поднять в воздух высотную авиацию. Твоя задача: на месте связаться с генералом Шамановым и определиться с районом блокирования. Он уже летит к вам, вот пусть и «пошаманит».

— Есть. А пока буду решать эту задачу с командиром полка десантников. Лихой парень.

— Я на тебя рассчитываю, Анатолий Алексеевич. Какая еще нужна помощь?

— Спасибо, достаточно.

— Кто у тебя под рукой.

— Быстроног и Салтовский.

— Пусть кто-то сядет и подробно запишет расшифровку радиоперехвата. Дежурный продиктует. Жду тебя сегодня. Без Кочубея не возвращайся! И последнее, прихвати с собой скальп этого Гурона, — впервые за последние сутки пошутил Градов.

— Сделаем все возможное и невозможное, Георгий Александрович, но Николая не отдадим! — заверил Сердюк и повеселевшим взглядом посмотрел на Быстронога и Салтовского. Те сгорали от любопытства и набросились на него с вопросами:

— Нашли гадов?!

— Где они?

— Коля живой?

— Да! — не стал вдаваться в подробности Сердюк и распорядился: — Виктор Васильевич, садись за телефон, дежурный по департаменту продиктует радиоперехват! Борис Юрьевич, тебе предстоит самое сложное: вместе с военными наглухо закрыть небо.

— Но это невозможно, Анатолий Алексеевич! — возразил Быстроног. — У миротворцев и абхазов нет таких средств ПВО, чтобы достать до Сенаки и Поти!

— Боря, приказы не обсуждаются, а выполняются! — отрезал Сердюк и потребовал: — Разущи этого подполковника-десантника. Ну, того, на котором Россия держится.

— Иванова?

— Его самого. Пусть попробует поднять вертушки и заблокировать Сенаки и Поти.

— Но он же не бог, чтобы разогнать тучи?

— Зато у него в родственниках ходит тьма всяких матерей. С их помощью справится.

— Понял, Анатолий Алексеевич, постараюсь убедить. Но...

— Но не будет! Приказ он получит! Сюда летит генерал Шаманов. Я с ним решу вопрос.

— Приказ? Но как по такой погоде его выполнить? Это же самоубийство! — набрался смелости снова возразить Быстроног.

Сердюк нахмурился и как бритвой отрезал:

— Товарищ полковник, это война! А на ней правила и инструкции летят ко всем чертям. Смелость, решительность и удача решают все! Понятно?

— Так точно! Разрешите выполнять, товарищ генерал? — смешался Быстроног и поспешил скрыться за дверью кабинета.

Сердюк бросил ему вслед тяжелый взгляд, затем кивнул Салтовскому на телефон ВЧ-связи, и прошел соседнюю комнату. На время операции она стала временным пунктом управления. При его появлении оператор, поддерживавший постоянную связь с группой Агольцева, поднялся с места.

— Сиди, сиди, Миша, — остановил его Сердюк и поинтересовался:

— Как связь с группой Следопыта?

— Устойчивая, товарищ генерал!

— Немедленно вызывай! — потребовал Сердюк и надел вторую пару наушников.

В ушах монотонно зажурчал эфир, затем последовал короткий щелчок, и он услышал искаженный шифратором голос Агольцева:

— Следопыт слушает Базу — откликнулся тот.

— Как обстановка? — спросил Сердюк.

— Только что вышли на них! Три «Хаммера», два во-дилы и один, похоже, подранок. Остальные ушли в отрыв. Надеюсь, недалеко!

— Правильно мыслишь, Следопыт! Между вами не больше восьми километров и у них проблемы. У двоих сломаны колеса. Один из них наш.

— Коля?! Что с ним?! — забыв о конспирации, воскликнул Агольцев.

— Потребуется мелкий ремонт, — успокоил Сердюк и продолжил опрос: На какой маршрут ориентируешься?

— Номер два, восточный! Только что на том направлении зафиксировали работу радиомаяка Николая.

— Отлично! Все в твоих руках. Воздух мы берем на себя. Путь на юг им отрезан. Хозяйство дяди Вани перемещается в том направлении. Ты меня понял?

— Да!

— Тогда желаю успеха и жду доклада! — закончил переговоры Сердюк.

— Они не уйдут! Мы их достанем! — поклялся Агольцев.

Сообщение Сердюка всколыхнуло группу захвата. В глазах десантников и бойцов Альфы появился азартный блеск. Агольцев вернул аппаратуру связи Лелюхину и в изнеможении откинулся на ствол сосны.

— Виктор Александрович, сколько до них? Сколько? — тормозил его тот.

— Всего восемь километров! Восемь! Восемь! — повторял Агольцев.

— Один рывок и они наши! Ребята, подъем! — дал команду Лелюхин.

Агольцев встрепенулся, бросил взгляд в сторону переправы, там, забившись в кабины машин, прятались от непогоды трое из группы Ломинадзе, и спросил:

— Артем, а с ними как?

Лелюхин пожал плечами и с презрением бросил:

— Виктор Александрович, мы не воронье и падалью не питаемся.

— А у меня приказ — всех под корень! И что делать?

— На обратном пути разберемся, — предложил Лелюхин.

— Ладно, хрен с ними. Сейчас главное отбить Кочубея! — согласился Агольцев и распорядился: — Ребята, лагерь обходим стороной!

Бойцы «Альфы» и десантники, сделав небольшой крюк, вышли к реке. Не мешкая, они принялись сооружать переправу из капроновых шнуров и лозы дикого винограда. Через полчаса она была готова. Первым проверил ее прочность и надежность Лелюхин. Последним перебрался Агольцев. Далось ему это нелегко. Спина гудела от напряжения, а на ладонях вздулись волдыри. Перевести дыхание себя он не успел. Бойцы, почувствовав близость противника, рвались в бой, и ему, чтобы не отстать, пришлось бросить резервный боекомплект. Через полтора часа бешеной гонки они вышли на место привала грузинской спецгруппы.

Первым материальным подтверждением того, что Кочубей жив — стал его брелок с радиомаяком. Находка придала десанникам и бойцам Альфы дополнительные силы. Забыв про усталость, они устремились в погоню. Агольцев с трудом поспевал за тренированными, казалось не знающими усталости молодыми парнями. От невероятного напряжения у него перед глазами расплывались разноцветные круги, а ноги отваливались от усталости. Он потерял счет времени, километрам и двигался, как автомат. В голове билась только одна мысль: «Хоть бы дойти!»

— Ложись! — прошелестело в ушах Агольцева, и он без сил распластался на земле.

Прошла секунда, другая, в глазах рассеялся розовый туман, и перед ним возник силуэт командира десантников. Поблизости от него залег Лелюхин. Забросив автомат за спину, Агольцев, пропахав по склону глубокую борозду, сполз к ним и спросил:

— Ну что там, ребята.

Лелюхин прижал палец к губам, а потом показал вниз. Агольцев догадался: «Они тут!» — осторожно раздвинул ветки кустарника и подался вперед. Лагерь вражеской спецгруппы был совсем рядом.

— Вы его видите, Виктор Александрович? Где он? — тормошил его Лелюхин.

— Нет! Надо подобраться ближе, — предложил Агольцев.

Прячась за камнями и кустарником, они продвинулись к лагерю на несколько десятков метров и залегли. И пока Лелюхин с командиром десантников, обмениваясь короткими репликами, оценивали силу противника и его вооружение, Агольцев рыскал взглядом по поляне и мысленно молил Кочубея:

— Ну где же ты, Коля? Где?

Тот, словно услышал его и поднял голову. Это изможденное, со следами кровоподтеков лицо Агольцев узнал бы среди тысяч других.

— Слава богу, живой, — с облегчением произнес он и шепнул: — Артем, Коля тут.

— Где? — напряг зрение Лелюхин.

— У скалы! Рядом с носилками, — подсказал Агольцев.

— А, вижу. Отличная для нас позиция, Отсечем его от горилл двумя встречными ударами, — Артем быстро оценил положение Кочубея.

— Ударим со стороны подлеска и от водопада, — поддержал решение Лелюхина командир десантников.

— Дальше как действуем?

— По секторам!

— Идет! Мои в верхнем, твои в нижнем. Плюс за нами радист и длинноносый, что трется возле Кочубея. Работаем только ножами и руками, — определил порядок действий Лелюхин.

— Договорились, — согласился командир десантников и спросил: А что по времени? Когда начнем?

— Действуем без раскочки: три минуты на то, чтобы занять исходные точки, две, чтобы оценить обстановку и разобрать объекты, — предложил Лелюхин.

— Итого — пять, — заключил командир десантников.

— Да, пять, а теперь сверим часы.

Они вскинули руки, и Лелюхин объявил:

— Время пошло!

— Ребята, а мне что делать? — не знал, куда себя девать Агольцев.

— Виктор Александрович, вам лучше, как Кутузову, наблюдать за полем боя с высоты, — с мягкой улыбкой ответил Лелюхин.

Агольцев захлопал глазами и, проводив его и командира десантников растерянным взглядом, перебрался к расщелине в скале, снял с плеча автомат, передернул затвор и, нервно покусывая губы, ждал развязки. К концу подошла пятая минута. Он напряг зрение, пытаясь обнаружить десантников и бойцов Лелюхина, но так и не смог, они, словно слились с землей. Стрелки часов стремительно отсчитывали последние секунды, и, когда истекло время, в разных концах лагеря произошло еле уловимое движение. В следующее мгновение на грузинский спецназ обрушилась бойцы «Альфы» и десантники. За спиной бородача, нависавшего над Кочубеем, как из воздуха возник Лелюхин, в его руке блеснул нож.

Агольцев замер. Забыв про автомат, он наблюдал, за тем, что происходило на крохотном пятачке, зажатом между скалой и пропастью. Внезапность и стремительность, с которой десантники и бойцы «Альфы» атаковали противника, решили исход схватки в их пользу.

Рукопашная продолжалась чуть больше минуты и когда закончилась, то на камнях остались четырнадцать тел. Агольцев, не чувствуя боли от хлеставших по лицу веток терновника, кубарем скатился вниз. Его взгляд лихорадочно

искал среди измазанных в грязи, залитых чужой и собственной кровью бойцов «Альфы» и десантников, того, ради которого были приведены в движение такие огромные силы и средства. Кочубей был жив! Взятый в плотное кольцо из живых тел он слабо улыбался Агольцеву...

Н. Лузан.

Йошкар-Ола — Сухум

27.01.2013 г.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	44
Глава 4	66
Глава 5	86
Глава 6	107
Глава 7	129
Глава 8	151
Глава 9	171
Глава 10.....	192
Глава 11.....	213
Глава 12.....	233
Глава 13.....	255
Глава 14.....	273
Глава 15.....	293
Глава 16.....	314

Лузан Николай Николаевич

ОПЕРАЦИЯ «МИРАЖ»

Редактор *Е. А. Рожкова*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *М. В. Лушина*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 02.09.13. Формат 84×108/32.
Усл. печ. л. 17,64. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53 53 80, 62 10 36.
www.gipp.kirov.ru
Email: pto@gipp.kirov.ru

ISBN 9785995003373

9 785995 003373

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
